

2.05

МОНОМАХ

№2(41) 2005

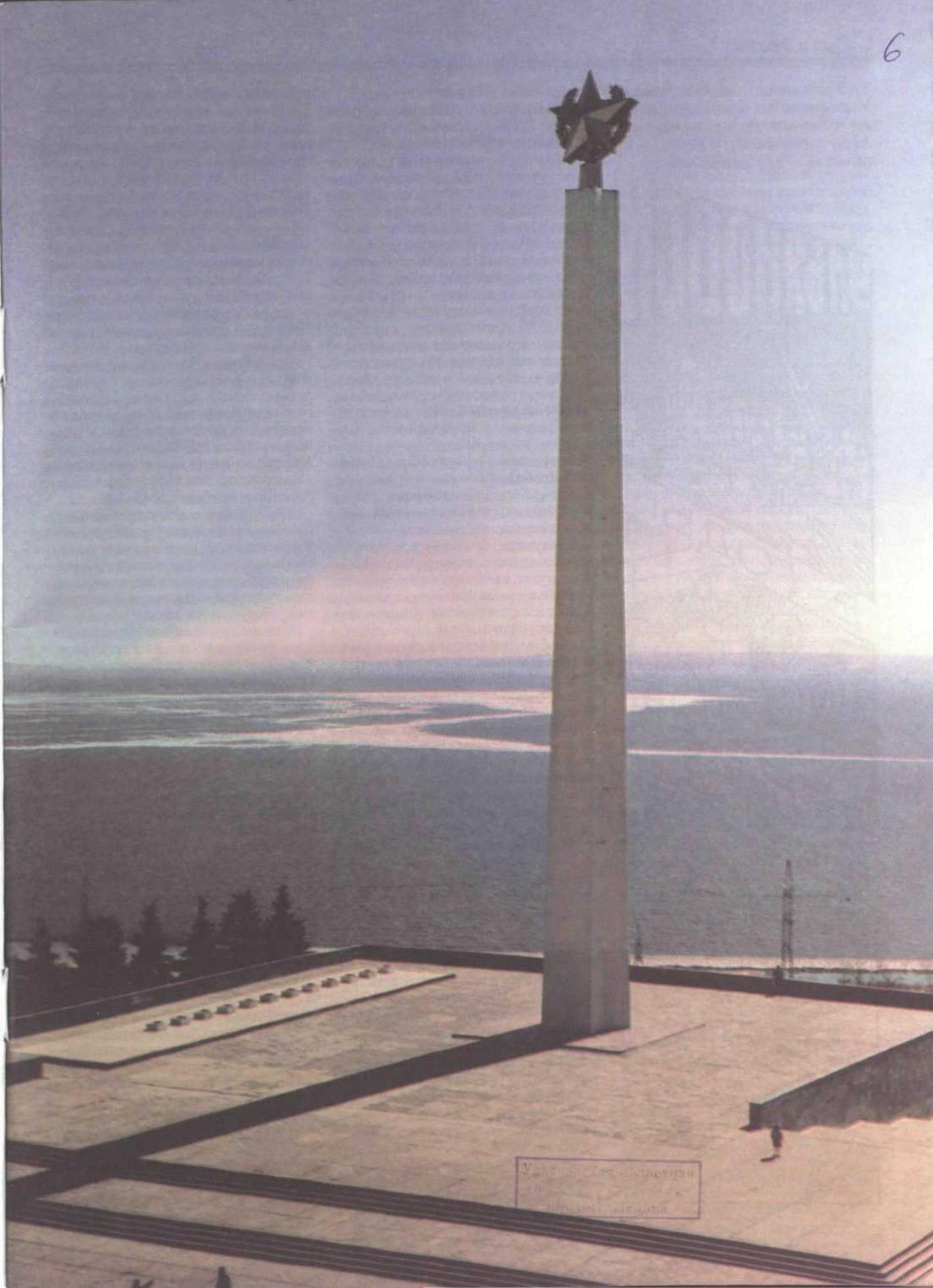

Дорогие ульяновцы!

60 лет отделяют нас от того дня, когда залпы салюта впервые возвестили о долгожданной Победе нашего народа в Великой Отечественной войне. День Победы всегда был и будет праздником патриотизма, силы духа и любви к Родине. Нынешняя юбилейная дата – это счастливая возможность осмыслить уроки истории, вспомнить о славе и величии нашей армии, о духовной мощи нашего народа. События далеких грозных лет мы оцениваем нравственными мерками тех, кто прошел дорогами войны и очистил страну от захватчиков.

От всей души поздравляю наших дорогих ветеранов и всех ульяновцев с Днем Великой Победы! Пусть в сердце каждого живет восторг победителя, гордость за свою Родину, желание оставаться в боевом строю. Любовь к Родине – это наше богатство, которое никто не отнимет. Память о П. б. д. вы пронести через всю жизнь своим детям и внукам.

Сергей Александров,
начальник
Ульяновской области

УНИВЕРСИТЕТ "СВ. СВЕТОСЛАВ"
ИЗДАТЕЛСТВО "СВ. СВЕТОСЛАВ"
СОФИЯ, БЪЛГАРИЯ

В первые месяцы войны из Ульяновска на фронт ушло более 10 тысяч добровольцев, всего за годы войны – 39301, а по области – 230 тысяч человек.

Накануне

Перед войной в Ульяновске, райцентре Куйбышевской области, проживало около 110 тысяч человек.

Крупных предприятий здесь не было, исключение – патронный завод им. Володарского. В городе работали кирпичный завод, мебельная фабрика, швейный комбинат, пивзавод, плодвинзавод, спиртоводочный и спиртотурбинный заводы, хлебзавод и шесть хлебопекарен, мяскокомбинат, гормолзавод, промкомбинат и 18 артелей. На всех этих предприятиях было занято 2,7 тысяч человек, в артелях города – 1,6 тысяч человек, в коммунальном хозяйстве – 665 человек.

Единственный маршрут общественного транспорта обслуживали четыре автобуса. Он связывал центр города и железнодорожный вокзал. Зато с дореволюционного времени на углу улиц Гончарова и Карла Маркса существовала биржа извозчиков. В Заволжье летом добирались на пароме или на паровозике «Патронник», зимой сообщение осуществлялось по льду.

Получить образование молодежь могла в педагогическом и учительском институтах, в училищах и техникумах. Четыре военных училища и авиашкола готовили для Красной Армии младший командный состав.

Любимыми местами отдыха ульяновцев были парк им. Свердлова и Венец, летний деревянный цирк. Досуг горожане проводили в драмтеатре, кинотеатрах «Художественный» и «Пионер», в художественном и краеведческом музеях, домах культуры. Издавались газеты «Пролетарский путь», районная «Путь Ленина» и заводская «Володарец». Телефонная станция обслуживала 900 абонентов.

Тыл кует победу

В городе были созданы городской комитет обороны, эвакусовет, бюро учета и распределения рабочей силы, противовоздушная оборона моста и завода им. Володарского. Началось сооружение различных укреплений на случай бомбардировки. К 15 сентября на улицах установили 18 уличных громкоговорителей и семь электросирен для оповещения о воздушной тревоге.

Ульяновск стал местом эвакуации 15 промышленных предприятий.

Первым эвакуированным предприятием стала чулочно-трикотажная фабрика им. КИМ из Витебска. Ее оборудование и рабочие стали прибывать в город уже в июле 1941 года, а 25 сентября начался выпуск теплого армейского белья и брезентовых мешочков для штатных узлов минометов.

На базе эвакуированных Московского НИИ-12, Ленинградского приборостроительного и Вяземского приборостроительного заводов был создан Ульяновский приборостроительный завод № 280, который разместился на бывшей Ярмарочной площади. Его первая очередь была пущена уже в начале 1942 года, здесь работало свыше тысячи человек. А по соседству, на пл. Революции, разместился завод «Электропускатель» из Харькова. Первоначально он занял магазины и склады на рынке и помещения местных артелей, позже были построены новые корпуса. Сначала завод выпускал различное электрооборудование, а с середины 1942 года – и комплектующие детали для знаменитых «Катюш».

Киевский и Московский заводы контрольно-измерительных приборов разместились в цехах ликероводочного завода. В короткий срок здесь было налажено производство узлов к прицелу миномета МП-82. Эти объединенные предприятия получили название «Ульяновский завод контрольно-измерительных приборов № 10».

Оборудование литейно-механического завода из г. Ахтырка поступило в некомплекте, но, несмотря на нехватку оборудования и отсутствие нужных площадей, рабочие и специалисты завода сумели малыми партиями изготовить оборудование для связи.

Самым крупным эвакуированным предприятием в Ульяновске стал Московский автомобильный завод им. Сталина, разместившийся на территории таможенных складов завода «Металлист». На нем собирались автомашины «ЗИС-5В» и трехосные грузовики вездеходы «Студебекер-ЮСБ-62» из деталей, поставляемых из Америки по ленд-лизу. Завод выпускал также детали и заготовки для снарядов и мин. В цехах бывшего завода «Металлист» продолжали выпускать и довоенную продукцию – оснастку для ремонта автомашин. В 1944 году на базе цехов «ЗИС» образовались два самостоятельных завода – малолитражных двигателей и автомобильных запчастей («Автозапчасть»).

Строительство в Засвияжье автомобильного завода было самым крупным в городе и области. Здесь использовался труд заключенных, а с 1943 года труд немецких военнопленных. Подготовка кадров для предприятий города была организована в пяти фабрично-заводских и шести ремесленных училищах. Специалистов среднего звена готовил механический техникум.

Ульяновск был определен местом эвакуации 25 правительственных учреждений и организаций союзного значения. Первыми стали прибывать организации Наркомата Военно-Морского Флота, затем – Управление тыла Волжской военной флотилии. Благодаря эва-

квации ряда научных и учебных учреждений в Ульяновске сконцентрировался значительный интеллектуальный потенциал. В годы войны в городе находились: Институт автоматики и телемеханики АН СССР, Проектно-конструкторское бюро № 39 Наркомата путей сообщения, проектные институты авиационной промышленности, Воронежский государственный медицинский институт, Воронежский государственный зоотехническо-ветеринарный институт и другие. Пребывание двух последних вузов самым благоприятным образом сказалось на медицинском обслуживании раненых в госпиталях. На этой базе в 1943 году был создан Ульяновский сельскохозяйственный институт.

В город прибыли выдающиеся ученые и конструкторы. Немало сделали для увеличения выпуска военной продукции рационализаторы и изобретатели предприятий.

Кроме решения главных проблем, стоящих перед производством, ученые и специалисты участвовали в разработке и производстве запасных частей для сельскохозяйственной техники, в поисках полезных ископаемых, в изучении фауны и флоры области, занимались вопросами борьбы с оползнями.

В июле 1941 года из Ленинграда на четырех баржах были доставлены ценные экспонаты Центрального военно-морского музея, среди которых был и всемирно известный ботик Петра Великого — «дедушка Русского флота». Прибывшие ценности разместили в бывшей лютеранской кирхе. Для горожан было организовано 15 выставок.

Всю войну работал городской драматический театр. В декабре 1943 г. начал свою работу Мелекесский драматический театр.

Как это ни парадоксально, но родина В.И. Ленина во время войны стала местом пребывания руководства Русской православной церкви во главе с митрополитом Сергием (1941-1943 гг.). В июле 1943 года в Ильинской церкви, откуда на несколько дней убрали оборудование красильного цеха фабрики им. КИМ и небольшую хлебопекарню, было проведено предсоборное совещание Русской православной церкви, на котором митрополит Сергей был рекомендован к избранию патриархом Московским и всея Руси. 8 сентября 1943 г. в Москве на Соборе епископов Русской православной церкви Сергей был избран на пост патриарха.

Суровые годы

Вместе с предприятиями и организациями в Ульяновск эвакуировались рабочие и служащие с семьями. На 1 января 1943 г. население города выросло почти в два раза без учета военных.

Главнейшими проблемами стали жилье, снабжение продовольствием, топливом, электроэнергией и водой. Уже 7 июля 1941 г. горсоветом была утверждена норма жилплощади на одного человека в 5 кв. м., но на практике получалось еще меньше. Эвакуированных расселяли в квартирах ЖЭКов, частных домах, в школах, клубах, в «благоустроенных» подвалах. В первый год войны из города эвакуировали в села и коренных ульяновцев.

Рост населения, ускоренное строительство промышленных объектов и жилья потребовали в марте 1942 года разделения Ульяновска на три района: Ленинский, Володарский (ныне Заволжский), Сталинский (ныне Засвияжский и Железнодорожный районы).

Острейшей проблемой стала продовольственная. Городские предприятия пищевой промышленности, колхозы и совхозы, кроме снабжения населения Ульяновска, поставляли продовольствие в действующую армию, обеспечивали формируемые на фронт воинские части, госпитали. В 1943 году началась поставка продуктов и в освобожденные районы страны. Высококачественные ульяновские продукты (копченые колбасы, сало, масло, яйца, мед) отправлялись на аэродромы в Куйбышевскую, Пензенскую и Саратовскую области для питания летчиков.

Снабжение продуктами горожан осуществлялось по карточкам разных категорий. Карточки низших категорий получали в домоуправлениях и карточных бюро, высших категорий — по месту работы. В 1942 г. рабочие получали 600 г хлеба в день, иждивенцы (неработающие, пенсионеры, инвалиды и дети) — 400 г хлеба, члены семей военнослужащих — по 350-400 г хлеба без учета пайка военнослужащего. Но и эти, утвержденные правительством нормы, выдерживались не всегда. Обычным явлением было неотоваривание карточек из-за отсутствия продуктов.

Продовольственная проблема решалась также за счет рыбной ловли, заготовки грибов, разведения домашнего скота в черте города. Несмотря на военное время и карточную систему, в Ульяновске работал городской рынок. В первую военную зиму один килограмм мяса здесь стоил 60-70 руб., литр молока — 20 руб., стакан махорки — 10 руб., ватные брики с фуфайкой — 500-800 руб. Для сравнения: зарплата уборщицы в это время составляла 75 руб., шофера — 300 руб., начальника цеха — около 700 руб.

Резко возросшие производственные мощности требовали создания новых электростанций. Пришлось создавать электростанции на предприятиях.

Большие надежды возлагались на ТЭЦ «ЗИСа», строительство которой началось в 1943 году, но пуск ее состоялся лишь после войны. Недостаток электроэнергии ощущался и населением. По этой причине отключались целые улицы. Основным топливом для населения служили дрова, заготовка которых была сопряжена с большими трудностями из-за нехватки рабочих рук и транспорта.

Остро в эти годы стоял вопрос снабжения города водой. Производственные мощности водопровода удовлетворяли потребности города лишь частично. Для бытовых целей жители нашли свой выход: рыли колодцы во дворах, а срубы для них делали из досок, снятых с заборов.

Острую нужду жители испытывали в мыле, предметах сангигиены, одежде, обуви, посуде. Частично эти проблемы решались местными артелями, которые изготавливали жестяную и глиняную посуду, обувь на деревянной подошве, игрушки из папье-маше, деревянные ложки, варили мыло, но эта продукция в первую очередь отпущалась для столовых, госпиталей, больниц и детских учреждений.

Бюро учета и распределения рабочей силы при горисполкоме, согласно специальному указу Верховного Совета, привлекало горожан к сельхозработам, к ремонту сельхозтехники, к заготовке дров и сена для городских лошадей, чистке железнодорожных путей от снежных заносов, к стирке и ремонту обмундирования фронтовиков, к дежурству в госпиталях. Все неработающие должны были проходить регистрацию по несколько раз в год. За нарушение Указа граждан привлекали к суду.

В годы войны была ужесточена трудовая дисциплина. Уже в первые дни войны вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время», согласно которому вводились сверхурочные работы, а нарушители трудовой дисциплины могли привлекаться к уголовной ответственности. Рабочим и служащим категорически запрещалось увольняться по собственному желанию. Нарушением трудовой дисциплины считались опоздание, преждевременный уход, прогул, сон в рабочее время, халатность, хищения. Так, например, в 1944 году на Барышской сукошной фабрике им. Гладышева за нарушение трудовой дисциплины были осуждены более 150 человек.

Репрессивные меры сочетались с материальными стимулами. Особое место в поощрении занимали продукты питания. Обычным поощрением служили дополнительные обеды в за-

Фото В. Никитина

водских столовых и бескарточные до-
вески хлеба.

Торговля промышленными товарами и предметами первой необходимости как поощрение за труд строго регламентировалась постановлениями правительства. По результатам труда рабочим и служащим предоставлялось право на покупку 3-4 метров ткани, 1-2 кусков мыла, 1 пачки папирос, 3-5 коробок спичек, 2-3 литров керосина, 1 электрической лампочки.

За перевыполнение производственного плана, внесение рационализаторского предложения, за добросовестный труд в сельском хозяйстве или за изготовление деталей для сельхозтехники в нерабочее время рабочим выдавались и денежные премии. Но часто рабочим «предлагали» на всю премию или ее часть подписываться на облигации военных займов или на билеты денежно-вещевых лотерей.

Укреплению трудовой дисциплины, повышению качества и количества выпускаемой продукции служили и моральные стимулы. Широко практиковались социалистические соревнования, создание Досок почета, присвоение звания «Фронтвая бригада», вручение грамот передовикам и знамен бригадам, выпуск «Боевых листов».

Все взрослое население участвовало в подписных кампаниях на облигации государственных займов и билеты денежно-вещевых лотерей, сдавало деньги на постройку военной техники. Считалось, что это дело добровольное, но каждое предприятие и организация имели план сбора средств.

Большой вклад в дело победы внесли медицинские работники. В Ульяновске работало 14 госпиталей. Первым, сформированным 25 июля 1941 года, стал госпиталь № 1647, размещившийся в здании на пл. Ленина. За годы войны в 26 госпиталях города и области было вылечено около 134 тысяч бойцов и офицеров.

Все годы войны ульяновцы собирали и отправляли подарки бойцам. Только к новому 1943 году из города на фронт было отправлено почти 95 тысяч фуфаяк, жилетов, перчаток, рукавиц и носков, 1838 коллективных и 8 тысяч индивидуальных посылок. Несмотря на тяжелейшее положение, наши земляки находили силы для оказания помощи освобожденным от врага районам страны. Целыми эшелонами туда отправляли продовольствие, семена, скот, автомашины и сельхозтехнику, запчасти, кирпич, пиломатериалы.

Ульяновская область

19 января 1943 года, согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР, была образована Ульяновская область. В нее вошло 26 районов, ранее находившихся в составе Куйбышевской и Пензенской областей. Территория области составляла 36,6 тыс. кв км, население – 1158 тыс. человек. В образованных районах насчитывалось 10 рабочих поселков, 2572 населенных пункта, 555 сельских Советов.

Промышленный потенциал области, включая Ульяновск и Мелекес, составляли 69 предприятий союзного значения, 43 предприятия республиканского и 45 предприятий областного значения.

В Мелекесе находилось несколько крупных хлебоперерабатывающих предприятий, льнокомбинат и небольшой механический завод. Здесь в 1941 году начала работу эвакуированная из Витебска чулочно-трикотажная фабрика им. К. Цеткин, на станции Базарный Сызган разместился машиностроительный завод из Гомеля, на станции Чуфарово – мастерские Наркомата путей сообщения из Льгова Курской области.

26 райпромкомбинатов и 150 промыслово-кооперативных артелей области были привлечены к производству нужной фронту продукции: шили теплую одежду и ружейные ремни, валяли валенки, в большом количестве изготавливали ящики для патронов и снарядов, упаковки для авиабомб. Промкомбинаты и артели продолжали выпуск бытовых предметов, в том числе и дефицитных товаров – мыла и спичек.

Главнейшей задачей области было производство сельскохозяйственной продукции. В области насчитывалось 1227 колхозов и 33 совхоза. Война поставила сельское хозяйство в тяжелейшие условия. С каждым годом сокращалось число рабочих рук, уменьшалось число автомашин и тракторов, которые направлялись в армию и на крупные оборонные предприятия. Некоторая техника простаивала из-за отсутствия запчастей и топлива. Резко сократилось и поголовье лошадей. Отсутствие техники заставляло использовать на полевых и транспортных работах коров, труд мобилизованных граждан, женщин и подростков. Все это вело к сокращению посевных площадей, мелкой пахоте, некачественной разделке почвы, плохой заделке семян при посеве и т. д. В область прекратились поставки сортовых семян. Даже выращенный урожай собрать было нелегко.

Падала урожайность. Результатом этого было сокращение из года в год сдачи хлеба государству. В 1941 году хлеба смогли сдать 245 тысяч тонн, в 1942 году – 198, а в 1943 году – 116 тысяч тонн. Отрицательно на положении дел в сельском хозяйстве сказывался призыв на действительную воинскую службу. За годы войны на фронт из сельской местности ушло более 190 тысяч мужчин. Их заменили женщины и подростки, но этих сил не хватало.

Тяжелое положение сельского хозяйства области заставило СНК СССР 28 августа 1944 года принять решение «О мерах по оказанию помощи Ульяновской области в подеме сельского хозяйства». Согласно этому постановлению планировалось списание задолженности государству по картофелю и овощам, по мясу и молоку за предыдущие годы, выделение дополни-

тельного количества тракторов и запасных частей к ним, обновление парка во всех МТС области, пополнение областного стада племенным скотом. Правда, выполнялось это постепенно и медленно и не последовательно.

В 1942 году жители прокладывали правительственную телефонную линию Москва-Свердловск, 300 км которой пролегли по территории области. Много людских сил и материальных ресурсов потребовало строительство железнодорожной линии Сызрань-Ульяновск-Свияжск, которое велось весь военный период. Пуск в апреле 1941 года в эксплуатацию ветки Ульяновск-Красный Гуляй протяженностью в 38 км самым лучшим образом сказался на подвозе строительных материалов из карьеров Ташлы.

Вместе с горожанами сельчане участвовали в строительстве оборонительных рубежей. Только в октябре 1941 – марте 1942 годов в район Тагай-Майна-Нагаткино было направлено семь тысяч жителей Ульяновска и 13 тысяч сельчан, из которых было сформировано три строительных полка, девять батальонов и 27 рот.

Сельских жителей привлекали на заготовку дров и торфа, на расчистку железнодорожных путей от снежных заносов, на ремонт дорог, на строительство временных казарм для военных и для граждан, прибывавших по трудовой мобилизации; на многие другие работы.

К крестьянам тоже подсаляли эвакуированных граждан и сезонных рабочих, особенно в районах формирования воинских частей. Главными пунктами формирования воинских частей, кроме Ульяновска, были Мелекесс, Барыш и Инза. Жители сел, в отличие от горожан, обязаны были, кроме денежного, платить и натуральный налог, то есть сдавать мясо, яйцо, шерсть.

Высокий патриотизм проявил пчеловод колхоза «Пламя революции» Ульяновского района А.И. Васильев, который в 1942 г. внес 100 тысяч рублей на постройку танка.

За самоотверженный труд сотни колхозников, рабочих совхозов и суконных фабрик были награждены орденами и медалями.

Жизнь продолжается

С февраля 1942 года из Ульяновска постепенно начали уезжать эвакуированные учреждения и организации. Сократилось население Ульяновска: 1 января 1944 года число жителей составило 152,5 тысяч человек.

Промышленные предприятия продолжали работать. Лишь два завода (литейно-механический и вагоноремонтный) в начале 1944 года покинули Ульяновск, оставив при этом большую часть своего оборудования местным предприятиям. Некоторые эвакуированные предприятия слились с другими и остались в городе, который превратился отныне в крупный промышленный центр Поволжья.

Постепенно происходили изменения в производственных программах предприятий. Так, на швейной фабрике № 5, слившейся с фабрикой им. Горького, с конца 1943 года начался пошив шинелей для учащихся ФЗУ, а на фабрике им. КИМ – пошив детского белья. С середины 1944 года на заводе контрольно-измерительных приборов № 10 началось освоение лашперезок и мясорубок, выпуск запчастей к автомашинам и тракторам, насосов, деталей к подъемным механизмам.

Освобождаемые помещения постепенно возвращались прежним владельцам. Улучшилось положение с жильем. Ситуация осложнилась внезапным бедствием: в 1944 году произошел сильный оползень на волжском склоне. Одной из причин явилась вы-

Фото В. Никитина

рубка и выкорчевка под огороды деревьев в садах, вымерзших суровой зимой 1941–1942 годов. В короткий срок на новое место было перевезено и собрано более 200 поврежденных домов. Одновременно велись работы по укреплению склона.

После образования Ульяновской области Москва стала уделять нашему городу гораздо больше внимания. Это сказалось на увеличении выделяемых средств и лимитов, выделении оборудования для городских предприятий и служб. Неоднократно правительством рассматривались вопросы благоустройства в центральной части города, строительства парфюмерной фабрики, консервного и стекольного заводов, трамвая и фуникулера. Легче решались вопросы по благоустройству, что положительно сказалось на санитарном состоянии улиц и дворов.

В мае 1943 года в Ульяновске возобновилось регулярное автобусное движение по маршрутам центр – железнодорожный вокзал и центр – пристань.

После освобождения фабрики им. КИМ помещения цирка там возобновились представления, а в 1944 году появился кукольный театр, но пока без постоянной сцены. Ожил сад культуры и отдыха им. Свердлова: горожане заполнили бильярдную, шахматную комнату, читальню и танцплощадку. Возобновили работу и художественный музей.

Первыми о Победе в ночь на 9 мая 1945 года, еще до официального сообщения по радио, узнали военнослужащие училища связи и телеграфисты завода им. Володарского. Радостная, долгожданная весть мгновенно разнеслась по городу. К началу рабочего дня о Победе знал уже весь город. А жители области узнали о Победе утром 9 мая по радиотрансляционной сети.

По материалам исследований
Юрия Ефимова,
Валерии Лосевой

Документы и судьбы

С каждым годом остается все меньше и меньше участников трагических и героических лет Великой Отечественной войны. Время неумолимо. И бесценны те документальные свидетельства, которые хранят ныне архивы и, в частности, фонды госархива Ульяновской области.

22 июня 1941 г. в жизнь миллионов советских людей ворвалась война. Перед отправкой на фронт, в августе 1941 г., Александр Иванович Козлов зашел в Мелекессе к фотографу. Война словно разом состарила 30-летнего мужчину. В глазах – тревога и боль. Он еще не знает, что через несколько недель его ждут кровопролитные бои под Москвой, что впереди – сражения под Севастополем, освобождение Белоруссии... И позже, в мирное время, война будет напоминать о себе, и из под пера Александра Ивановича будут рождаться стихи о боях и победах.

29 июля 1941 г. был призван с литфака пединститута Петр Сергеевич Бейсов. После Ульяновского пехотного училища Бейсов был отправлен на фронт. Петр Сергеевич прошел путь от командира роты до помощника начальника штаба полка. В кармане гимнастерки всегда была фотография любимой жены Маши. А в офицерском планшете – дневник. На внутренней стороне обложки надпись: «Если погибну» и указание адресов, по которым следует сообщить. На страницах же дневника не столько записи о сражениях, сколько песни, рассказы, байки – фронтовой фольклор. Лейтенант Бейсов и под огнем противника оставался филологом. Но война постоянно напоминала о себе.

Запись 4 августа 1942 г.: «Я ранен автоматчиками: вытаскивал раненого курсанта и станковый пулемет. Вытащили меня на шинели курсанты и связной». Пришлось помогать по госпиталю. «Кажется, буду калекой», – записал он в дневник 16 сентября. А через три дня новая запись: «К нам за-

шел Слава Ростропович... и на виолончели... исполнил для нас (лежащих): ...Баха, ...Чайковского, ...Римского-Корсакова». И в ту суровую годину музы не молчали.

А ранение, действительно, было тяжелым. За год война изменила Петра Сергеевича до неузнаваемости. Но оптимизма он не утратил. 5 января 1943 г. Бейсов записал анекдот: «Господь Бог сотворил осла, лошадь, козла и прочее. Черт смотрел, и захотелось ему тоже сотворить, ... и он начал собирать отбросы... Сделал из них фигуру. Дунул – не воскресает. Шел Бог, спрашивает: «Сделал?». «Сделал», – отвечает черт. Посмотрел Бог и с отращиванием плюнул на эту фигуру. Она и ожила. Черт и пустил ее. Это был Гитлер». В конце марта 1943 г. Петр Сергеевич вернулся в институт к любимой работе.

Прославленный ас-бомбардировщик, дважды Герой Советского Союза, генерал-майор авиации Иван Семенович Полбин появился на свет за решеткой. Его мать была арестована полицией во время крестьянских волнений. В архиве хранится свидетельство о рождении Ивана 9 февраля 1905 г., выданное волостным ЗАГСом в 1920-е. Младший брат («небесного генерала»), Петр, всю войну крутил баранку – ему выпала судьба фронтового шофера. В красноармейской книжке Полбина младшего указано – сержант технической роты 149-го отдельного мостостроительного ордена Красной Звезды батальона. Иван погиб во время боевого вылета в феврале 1945 года под Бреслау. А скромная могила Петра Полбина находится на старом городском кладбище Ульяновска.

Молодые девчонки-архивистки сравнивали работавшего в 1970-е гг. в архиве завхоза Ивана Николаевича Бурмистрова с постаревшим Д'Артаньяном. Очень добрый и очень ответственный, настоящий мужчина-рыцарь, скромный и отзывчивый, душа любой компании, безотказно дававший деньги в долг, помогавший и советом, и делом...

И не все знали, что герой-связист, удостоенный Золотой Звезды за форсирование Днепра, сполна хлебнул горя. 23-летний младший сержант в октябре 1943 г. попал в окружение и был пленен. Выжил чудом. Лишь с третьего раза, в марте 1945 г. удалось бежать из фашистского лагеря и вернуться в строй. А за неделю до Победы Иван Бурмистров был арестован СМЕРШем. Пока «органы» разбирались, что к чему, герой трудился в лагерной шахте на Урале. Домой вернулся чуть живой – кожа да кости. Лишь небесно-голубые глаза, несмотря на пережитое, остались по-детски искренними и добрыми. Женился, вырастил дочерей, внуков, правнуков. 24 февраля этого года Иван Николаевич отметил свое 85-летие.

В архиве хранятся материалы о несовершеннолетних узниках фашизма. Многим в нашем городе знаком Василий Петрович Бирсан. В течение ряда лет он возглавлял Ульяновское отделение Куйбышевской железной дороги. 16 июня 1941 г. Вася Бирсан окончил школу. А через несколько дней его родную Украину топтали немецкие сапоги. Вскоре его угнали на работу в рейх. В 1942 г. юного «восточного раба» сфотографировали на аусвайсе в Нюрнберге, в лагере «Те-Ка-Де».

А.И. Козлов. 1941 год

М.А. Бейсова. 1936 год

Могила П.С. Полбина

Благодарность Г.А. Белову

И.Н. Бурмистров

В.П. Бирсан

Д.Я. Старостин

В.М. Крупенников

На сегодняшний день на Ульяновской земле проживают три Героя Советского Союза. Один из них – почетный гражданин области **Дмитрий Яковлевич Старостин**. В ноябре 1943 г. 20-летний лейтенант Старостин, выпускник Ульяновского танкового училища, возглавил роту, сменив выбывшего из строя командира. Танкисты ворвались на железнодорожную станцию города Фастов и захватили несколько вражеских эшелонов. 10 января 1944 г. Дмитрию Старостину было присвоено звание Героя Советского Союза. А в апреле того же года в Москве ему вручили награды. Сразу после церемонии был сделан снимок героя. Если бы не ордена Ленина и Красной Звезды, медаль Золотая Звезда, нашивки, свидетельствующие о ранении и контузии, его можно было бы принять за мальчишку-старшеклассника. Но именно благодаря таким юным мальчикам с чистыми, одухотворенными лицами и была завоевана Победа.

Уроженец Вешкаймского района **Александр Сергеевич Гришин** отличился в боях за освобождение Витебской области. Гвардии старший сержант Гришин со своим отделением

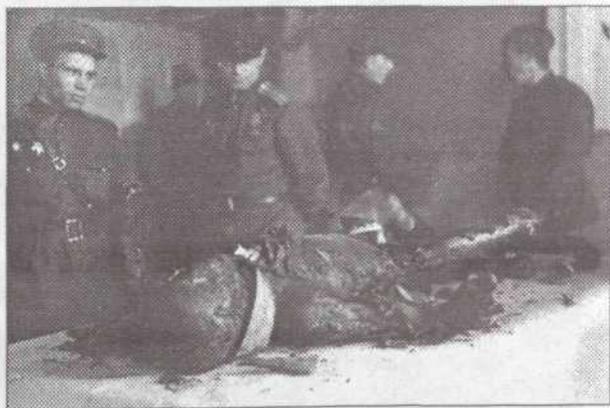
автоматчиков 23 июня 1944 г. в бою за деревню Сиротино внезапно налетел на фрицев с тыла. Среди немцев началась паника, и это решило исход боя. А на следующий день отделение Гришина под неприятельским огнем форсировало Западную Двину, подавило вражеские огневые точки и обеспечило переправу основных частей. 22 июля 1944 г. вышел указ о награждении Александра Гришина Золотой Звездой.

Григорий Андреевич Белов служил в Красной Армии с 1920 г. – в знаменитой 2-й конной. Форсировал Сиваш, рубал врангелевцев и махновцев... И в годы Великой Отечественной, наряду с танками, самолетами, «катюшами», свою достойную роль сыграла конница. Кавалеристы под командованием Григория Андреевича гнали неприятеля от Москвы до Бранденбурга. 15 января 1944 г. полковник Белов стал Героем Советского Союза. А в приказах Верховного Главнокомандующего об объявлении благодарностей Григорию Андреевичу Белову прослеживается героический путь 16 гвардейской кавалерийской дивизии с сентября 1943 г. по май 1945 г.: От Украины до Берлина.

Артдивизион ульяновца **Василия Михайловича Крупенникова** входил в состав 150-й стрелковой Идрицкой дивизии, штурмовавшей Берлин в апреле – мае 1945 г. Гаубичные орудия майора Крупенникова били прямой наводкой по Рейхстагу. Наш земляк возил с собой по фронтовым дорогам фотоаппарат, и мы имеем уникальную возможность видеть любительские снимки, сделанные в поверженной столице фашистского рейха. На рассвете 2 мая капитулировал гарнизон Рейхстага. Василий Михайлович в 6.15 утра поздравил с падением гитлеровской цитадели расчет орудия лейтенанта Вашулина, а потом, впервые за долгие годы войны, отдал по телефону приказ открытым текстом. Бойцы сфотографировались на ступенях Рейхстага. А потом офицеры со смесью любопытства и отвращения рассматривали обугленные останки одного из главных фашистских главарей Йозефа Геббельса. Именно он 22 июня 1941 г. объявил по радио о начале войны против Советского Союза. Министр пропаганды рейха, комендант Берлина покончил с собой. Уродливый колченогий труп – все что осталось от «кобеврала Германии».

Грамота о награждении А.С. Гришина

Труп Й. Геббельса

Братья-воины

«Мои дядя» – так называется групповой портрет, выполненный мной к 40-летию Победы.

У моего отца было два брата, у мамы – четверо. Каждый из них много сделал для Победы, а двое – Дмитрий Нецветаев и Василий Егоров – заплатили максимальную цену. Не знавшие друг друга при жизни, на картине они стоят рядом, высвеченные столбом багряного света.

В левом углу – высокий, типично северный дом моего деда – сельского учителя, репрессированного в знаменитом тридцать седьмом. Рядом – фигура дяди Бори; его смиренный вид пенсионера с палочкой, ох, как обманчив. С детства помню тусклое серебро ордена Александра Невского на его кителе; этот орден давался нечасто и только за проведение серьезных войсковых операций.

С ранней юности мечтаю стать военным, Борис прибавил себе пару лет и в финскую кампанию, будучи уже офицером, получил контузию с таким букетом осколков, что был комиссован, как говорится, «вчистую». И никогда бы не сломил медкомиссию в сорок первом, если бы не написал лично Верховному Главнокомандующему о том, что он, кадровый офицер, не может сейчас оставаться в тылу. В конце войны он командовал полком, освобождал Прагу, о чем напоминает альбом с видами этого прекрасного города, подаренный президентом Чехословакии Бенешем. Дядя Боря рассказывал, что перед офици-

альным банкетом, который Бенеш устроил для советских офицеров, маршал Конев предупреждал своих: «Ну, Ивановы, не подведите!» Но у «Иванов» вышла-таки промашка: двое опоздавших офицеров первым делом жадно напились из благоухающей вазы с розовой водой, предназначенной... для споласкивания рук после вторых блюд с дичью.

Война добавила дяде Боре новых «железку», как называл он не извлеченные осколки. Один из них и стал потом причиной его смерти.

Самый молодой на картине – младший брат отца дядя Митя, думать о котором не могу без шемящего волнения. В детстве он сильно ушибся и потому отставал в росте от братьев. В его нескольких уцелевших письмах звучит порой мотив одиночества: «...покуда жив, и этого должно быть достаточно тому, кого интересует мое существование; к сожалению, таких немного» (12.11.41 г.). Это была тонкая и незаурядная натура; и в памяти отца он остался образцом искренности и чистоты духа.

Уже имеющий боевое крещение, он был ценным преподавателем – командиром Велико-Устюгского военно-пехотного училища. Мать упрекала его за то упорство, с которым он стремился вырваться на фронт. Вот уцелевшая половинка письма от 15.11 (год неразборчив): «Дорогая мама! Напрасно обижаешься на меня. Иначе я поступить не могу. Жизнь моя сейчас там, где умирают люди, под крышей в теплой постели покоя я не нахожу и не найду, пока не услышу залповые салюты столицы, возвещающие об окончательном разгроме фашизма. Желание жить, а не умереть – результат этого стремления, и если тебе дорога жизнь моя, то только радостью и благословением можешь отметить мое отбытие».

И еще в одном письме: «...прежде всего – ты пишешь о горькой судьбе моей. Ничего подобного: несмотря на все трудности армейской жизни, я счастливей таких, как Борис (брат – Л.Н.) – ведь меня еще не обессилели раны, не пугают дальние переходы и лыжные броски, ноги по-прежнему

послушны, легкие в достатке пода-
ют воздух, сердце так же толкает
кровь, и голова не лишилась рассу-
дка. Я счастливее таких, как зять Ни-
колай – ведь у меня не осталось се-
мейного беспомощного очага, огонек
которого может померкнуть без по-
сторонней помощи; мои не плачут
дети, не проливают слез жена, а от-
сюда и не совет душу в короткие ар-
мейские ночи... Я счастливее таких,
как брат Коля: ведь мне уже не впер-
вые испытывать взрывы снарядов,
видеть предсмертные судороги ране-
ных товарищей-бойцов, обонянием
ощущать зловонный запах разлагаю-
щихся человеческих тел, недоеда-
ть, недосыпать.

Только ты, старая, несчастье
одно мое, да еще Лиза (сестра –
Л.Н.), да Борис, да дети Лизы, да и
все, кто обречен на незаслуженные
лишения – и много набирается, черт
поберу. Скорей бы на фронт, хотя бы
утолить там жажду мести за всех
и за собственную оборванную
юность».

Уцелевшие друзья и сослуживцы
дядя Мити через многие годы пронес-
ли память о его редких человеческих
качествах. А.В. Николаев, бывший на-
чальник разведки минометного полка,
а в те годы курсант-москвич, писал
моему отцу: «Дмитрий очень скоро
обрел среди курсантов такой авто-
ритет, какого не имели другие коман-
диры училища. Москвичей трудно
было удивить силой, выправкой, зна-
ниями, строгостью – их можно было
сразить только лишь нравственны-
ми качествами, добротой, а его Дмит-
рий обладал в избытке...». Курсан-
ты, оказывается, предполагали, что
Дмитрий по национальности коми (в
училище их было немало). «Нам тог-
да казалось, что такой добротой и
отзывчивостью уже не может об-
ладать русский человек, опоганив-
шийся цивилизацией и слишком вку-
сивший плодов от древа познания
добра и зла».

Другой бывший курсант, а ныне
известный ленинградский поэт Виктор
Федотов, прислал сборник своих сти-
хов, где галочкой было отмечено сти-
хотворение «Последнее письмо» с
эпиграфом: «Памяти первого коман-
дира моего Дмитрия Нецветая». По-
следние строки: «Говорили, под
Псковом стал стихи он писать» под-
тверждает желтый листок фронтового
письма-стихотворения «Маме».

Так, не дождавшись слов ответа,
Под пулями идет,
догадками томим.

Он будет жив!
Он ждет от вас привета,
Любовью к Родине храним.

Внизу четкая дата: 10.01.44 и раз-
машистая подпись: Д. Нецветаев.
...Ровно через двадцать дней он «...был
убит 30 января 1944 г. Похоронен в д.
Скачели Батецкого района Ленинград-
ской обл.» (из похоронки).

Рядом с дядей Митей – Василий
Егоров, любимый мамин брат, умни-
ца, весельчак и остролов. Маргарита
Львовна, дочь легендарного генерала
Л.М. Доватора, с которым мамини
братья вместе учились в академии
имени Фрунзе и были соседями (а
мама, десятиклассница, нередко игра-
ла у Доваторов в карты), рассказыва-
ла маме при встрече в 1968 году: «Боль-
ше всех мне запомнился дядя Вася. По-
мню, он меня в шутку называл
«королевой Марго». Часто возился с
нами, шутил».

Война застала его под Наро-Фо-
минском, где только что родилась его
дочка Галина. Московская Пролетар-
ская дивизия, начальником оператив-
ного отдела которой он был, направ-
лялась на фронт через Москву; туда,
в семью старшего брата он захватил
жену с малышкой. Неоднократно под-
ходил посмотреть, какие глаза у дочур-
ки, но она крепко спала. Больше они
не увиделись. Через несколько дней, 11
июля 1941 года, возле деревни Речка
Витебской области Василий Егоров, за-
менив убитого командира полка, под-
нял бойцов в атаку. И тут же пулемет-
ная очередь оборвала его жизнь.

В ранней юности моя кузина на-
писала стихотворение, в котором были
такие строки:

...Москва тогда шинелями серела
И пела песню про священный бой,
Я только за четыре дня успела
Родиться перед грозною войной.

Запомнить бы тогда сухие губы
И каски металлический овал,
И то, как брал единый раз на руки
И как единый раз поцеловал.

И еще три маминих брата стоят
возле родного дома в деревне Буйков-
ка Майнского района. Слева – дядя
Петя, самый старший. Когда в 1937 году
студия «Союзкинохроника» снимала о
братьях Егоровых киноочерк «Четыре
сына», он был уже орденосцем, слу-
шателем Военной академии им. Фрун-
зе. После окончания академии дядя
Петя работал в Генеральном штабе.
Оттуда на фронт не отпускали. Это
была напряженнейшая, нервная рабо-
та, подорвавшая в итоге его сердце.
Верховный (Сталин) любил работать
по ночам; поэтому в любое время
надо было быть готовым дать любую
необходимую справку. «Уйдешь с ра-
боты, а в голове абсурдная мысль, что
забыл запереть секретный сейф. Вер-
нешься – все в порядке, а сна уже нет»,

– рассказывал он. Пять орденов (в том
числе орден Ленина), не говоря о ме-
далях, украшали его китель старого об-
разца. Он был добрым и сердечным
человеком; поощряя пристрастие к
рисованию, подарил мне, малышке,
книгу Репина «Далекое-близкое». До
конца своих дней навещал родную
Буйковку, а когда я студентом возвра-
щался в Москву с каникул, требовал
подробного отчета о жизни в городе и
особенно в родном (тогда Тагайском)
районе.

Средний, в генеральской форме –
дядя Федя. В мою детскую память
именно он врезался как яркий вестник
Победы. Летом сорок пятого поздним
вечером жители Буйковки столпились
на просторном лугу за деревней. Все
знали, что захвативший к родителям Фе-
дор «Крысанов» (так деревня упрости-
ла сложное отчество Хрисанфович)
обещал устроить не ведомый никому
салют. Когда совсем стемнело, дядя
Федя поднял вверх руку с необычно
большим пистолетом, и ... дальше было
неописуемое. Грохнуло, и в небе рас-
цвело огненно-розовое чудо, залившее
всю округу трепещущим алым све-
том. Мы, ребятишки, впервые видим
ракету и следим за ней в каком-то шо-
ковым восторге, а ракетница бухает
снова и снова, зажигая и зеленые, и
голубые звезды, и снова алые; и мы,
словно проснувшись, начинаем орать,
визжать и носиться в поисках еще тле-
ющих, сладко вонючих гильз...

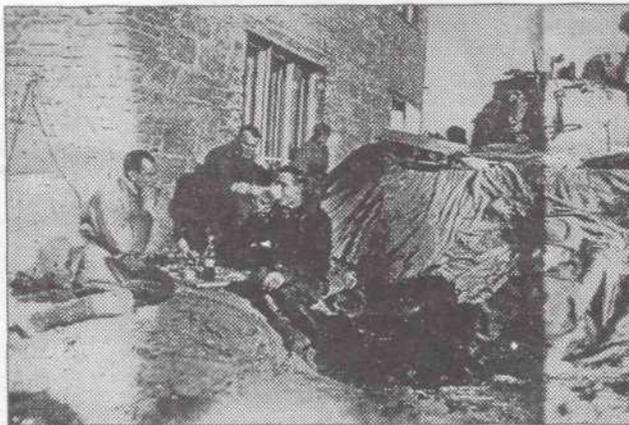
Отучившись в Ульяновской Крас-
нознаменной школе имени Ленина
(будущее гвардейское танковое учили-
ще), уже орденосцем досрочно
окончив в июле 1941 года академию
им. Фрунзе, он получил назначение в
Уральский военный округ, где готовил
танковые кадры для фронта. С июля
1943 года и до полной победы воевал в
составе 3-го гвардейского танкового
корпуса, командовал танковой брига-
дой. Это его танкисты первыми выш-
ли к побережью Балтийского моря в
районе Варнемюнде. Он рассказывал,
что Рокоссовский не поверил теле-
фонному сообщению и потребовал
бутылку морской воды. Когда ее дос-
тавили, он собственноручно приколол
танкисту звезду Героя (так мне запом-
нилось; возможно, это был орден не
столь громкий).

Из письма моей маме от 6 декабря
1944 года: «...Катя, сейчас я на штат-
ной должности, где должен быть ге-
нерал-майор. В тот день, когда вы
приехали в Кузнецк (29.10.44), я вел
упорный бой, прорывал сильноукре-
пленную оборону врага. Лично сам уча-
ствовал в атаке, чудом остался жив.

Сейчас здесь никакой зимы нет,
каждый день дожди, кругом сплош-

Б.П. Нещетаев. Германия, 1945 год

“Обеденный перерыв” под прикрытием танка во время боев в Померании. Комбриг Ф.Х. Егоров (справа)

Генерал-майор Ф.Х. Егоров

ные болота, грязь по пояс. Всем очень тяжело достается и особенно русскому солдату, как он только выносит, мокрый и усталый. Эту Прибалтику я никогда не забуду. Ведь вот я был в боях на 1-м и 2-м Украинском, 3-м Белорусском и Ленинградском фронтах, но этого не видел. Вот сегодня пришлось пройти пешком 20 км по пояс в грязи. Больше ничего не проходит, даже наши лошадки.

...В бою я чертом становлюсь и часто выскакиваю вперед других, о чем командующий уже меня предупреждал. А вот на днях только вышел из землянки, проводил совещание, как туда попал тяжелый снаряд. Убило – 5, ранило – 7. Нет, я, пожалуй, могу остаться живым. Больше погибают труссы...»

Из книги «Гвардейский Котельниковский»: «3-я гвардейская танковая бригада подполковника Ф.Х. Егорова следовала впереди и имела задачу к исходу 2 мая овладеть Висмаром. Совершив 80-километровый марш, 3 мая восточнее Висмара бригада встретилась с войсками союзников – передовыми частями 2-й британской армии.

В память об этой встрече остались фотографии, где среднего роста крепыш дядя Федя стоит чуть ли не по плечо долговязому британскому генералу.

Как память о войне хранится в его семье альбом с приказами Верховного Главнокомандующего, полученный от маршала Рокоссовского (в пятнадцати из них упомянут Ф.Х. Егоров). Девять орденов и множество медалей, среди которых резко выделялся польский Грюнвальдский крест. После войны дядя Федя был начальником штаба легендарной Кантемировской дивизии, а ее командиром – Якубовский, впоследствии главнокомандующий армиями Варшавского договора. Он неоднократно подтрунивал над сложным отчеством дядюшки, говоря: «Признайся, что ты – поповский сын...» Позже дядя и сам командовал дивизией, а также был военным советником на Кубе. В студенческую пору я был первым читателем его интереснейших воспоминаний.

И, наконец, младший брат – Григорий. Недавно отметивший свое 90-летие, дядя Гриша, слава богу, еще жив и регулярно звонит нам, справляясь о

здоровье сестры. Он тоже сполна хлебнул фронтового лиха. Будучи летчиком, в 1939 году воевал с белофиннами. В июле 1941 года он с женой, красавицей тетей Аней, повесил на дверь квартиры замок, и они разъехались в разные стороны. Будучи военфельдшером, она, рискуя жизнью, спасала жизнь раненым, прошла нелегкий фронтовой путь. За плечами дяди Гриши – блокадный Ленинград и сражения на семи фронтах. После войны – работа в главном оперативном управлении Генштаба. До самых последних пор он почти ежегодно приезжал в Ульяновск, стараясь каждый раз навестить сельское кладбище, где покоятся родители четырех братьев-воинов, а мои навеки памятные дядя и бабуся.

Все шестеро моих дядьев – люди уходящего поколения, вставшего навстречу страшной бронированной лавине фашизма. И не ради галочки в отчете, а по насущной необходимости души всматриваемся мы сейчас в их лица, в их жизни.

Лев Нещетаев

Павел Журавлев: от нелегала до генерала

Неизвестный «Алекс»

Промозглым октябрьским днем 1954 года из Базарного Сызгана выехала старенькая полуторка и, мерно переваливаясь на ухабах расхлябанного дождями, но уже схваченного морозцем большака, взяла курс на север района. Примерно через час машина остановилась на главной улице села Красная Сосна, и из кабины легко спрыгнул наземь пожилой мужчина в сером плаще «сталинского» покроя и черной шляпе. Любопытствующие хозяева ближайших изб увидели, как незнакомец прощально махнул рукой шоферу и с заметным волнением огляделся по сторонам. Но откуда же им было при-

знать в том незнакомце прежнего Пашку-журашку, которого родители увезли на юг области почти полвека назад? Да и сейчас вряд ли знают, что одиноко стоявший под дождем Павел Матвеевич Журавлев был не просто их земляком, а заместителем начальника внешней разведки Советского Союза, резидентом и руководителем нашей агентуры в Италии и Германии, «отцом» легендарной «Красной капеллы», другом и соратником Рихарда Зорге. И что это ему, «Алексу», передавал из Берлина ценнейшие сведения агент «Юстас»-Корсиканец – один из прототипов известного нам Штирлица из «Семнадцати мгновений весны»!

Комплимент от Муссолини

Этот загородный дом видел много и многих, но такого столпотворения, как 15 мая 1937 года, здесь еще не случилось. Это и понятно, ведь в резиденции фашистского диктатора Италии Бенито Муссолини собрались почти четыре сотни дипломатов, политиков, артистов и журналистов из многих стран мира, чтобы принять участие в торжестве по случаю 15-летия прихода дуче к власти. Сам именитник бабочкой порхал по просторному банкетному залу и лично выражал свое почтение дорогим гостям. Дошла очередь и до пишущей братии, среди которой заметно выделялись два высо-

ких, с одинаковыми залысынами на лбу, светловолосых господина, о чем-то весело говоривших по-немецки. Одного из них хозяину банкета представили как подданного Германии Рихарда Зорге, а другого — как англичанина Джорджа Хаггинса.

— От себя лично и от имени своих друзей поздравляю вас, дуче, с очередной славной датой вашего служения великому народу Италии! — на чистейшем итальянском поприветствовал хозяина Хаггинс и слегка приподнял бокал. — Весьма рад познакомиться!

— А вы прекрасно говорите на моем родном языке! — ответно польстил Муссолини. — Если бы вы имели черную шевелюру и южную внешность, то по характерному диалекту вас вполне можно было принять за сицилийца. Как, вы никогда не гостили на острове? Вот уж не сказал бы...

Но интересно, что сказал бы дуче Бенито, узнай он, с кем обменивается комплиментами? Потому как под маской английского журналиста скрывался никто иной, как советский разведчик Журавлев, который за несколько лет пребывания в солнечной Италии все же не раз бывал на Сицилии. Но приезжал туда не для языковой практики, а ради создания агентурной сети и добытия секретной информации. Кстати, успешно руководимая им резидентура сумела пробраться даже в «родное» посольство Великобритании в Риме и прямо из «первоисточника» добыть важнейшие документы, представлявшие огромный интерес для СССР. Трудно поверить, но даже дипломатическая почта, отправляемая в Лондон, прежде просматривалась нашим земляком!

Однако та встреча с Муссолини оказалась первой и последней не только для Журавлева, но и для Зорге. Вскоре Павла Матвеевича отозвали в Москву, в центральный аппарат советской разведки, и поручили руководство «германским направлением». Да и кому, как не ему, отлично владевшему английским, немецким, французским, итальянским языками и успешно работавшему в Иране, Ираке, Египте, Турции и на Апеннинах, было получить повышение по службе. К тому же, сам Феликс Дзержинский отмечал высокие организаторские способности нашего земляка и в 1924 году собственноручно вручил ему, тогда еще 24-летнему парню, нагрудный знак «Почетный чекист».

Незатейливая «Затея»

Бывший заместитель начальника советской разведки генерал-лейтенант Павел Судоплатов в своей книге мемуаров «Разведка и Кремль» дает отличную характеристику деловым и

профессиональным качествам нашего земляка. Одной из личных заслуг Павла Матвеевича стало создание «Красной капеллы», пожалуй, самой работоспособной из всех резидентурных групп. Кстати, в нее входили не только «истинные арийцы» Шульце-Бойзен (племянник генерала Тирпица) и Харнак, но и уругвайский бизнесмен Винсенте Сьерра — он же Антонио Гонсалес, он же Кент, он же майор Соколов, а в действительности — личный друг и подчиненный «Алекса» капитан КГБ Анатолий Гуревич.

Весьма интересный факт: когда гестапо арестовало Гуревича и он «принял» предложение участвовать в радиоигре против Центра, именно Журавлев отыскал в первой же радиограмме условное слово, означавшее: «Внимание, я раскрыт, передаю «дезу», прошу поддержки». И ходатайствовал перед командованием о продолжении «разработок» Гонсалеса-Сьерра-Кента-Соколова. После войны Павел Матвеевич пытался принять живейшее участие в судьбе разведчика, но того по представлению самого начальника СМЕРШа Абакумова объявили «вражеским пособником» и осудили на 20 лет лагерей. И только в 1991 году бывшего подчиненного нашего земляка полностью реабилитируют и вручат... Почетную грамоту.

Но «Красная капелла», конечно же, не была главным источником получения важной информации — она также поступала и от Корсиканца, работавшего советником в военном министерстве Германии, и от агента Отто — разведчика-нелегала, и от Рихарда Зорге. Документы и оперативные донесения были настолько важны, что Журавлев даже разработал специальную программу «Затея», с помощью которой и обосновал реальную угрозу развязывания Второй мировой войны. А когда весной 1941 года на стол Павла Матвеевича положили радиогрामму «Юстаса» с указанием точной даты вторжения фашистских полчищ на территорию Советского Союза, он решился на личный доклад Сталину. Однако к «отцу всех времен и народов» нашего земляка не допустили, и папочку с лаконичным заголовком «2 июня 1941 года» положили под сукно. Ладно хоть самого «разработчика» не репрессировали!

Однако в нужное время и в нужный момент Журавлеву все же припомнили его «перепрыгивание» через голову непосредственного начальства. После провала в 1942 году «Красной капеллы», берлинской и швейцарской разведгрупп, ареста Рихарда Зорге и советских радистов, Павла Матвеевича временно отстранили от руководства «германским направлением» и

даже подготовили ордер на арест. Но расправиться с полковником так и не смогли, потому как им неожиданно заинтересовался... сам Сталин. Точнее, документами на некоего графа Нелидова, разрабатываемого нашим земляком. Верховный Главнокомандующий настолько высоко оценил полученные сведения о планах немецкого командования, что опального разведчика повысили в должности и наградили орденом Ленина.

После победы генерал-майор Журавлев стал вторым человеком в служебной иерархии советской внешней разведки: он занял должность заместителя председателя вновь созданного Комитета информации, объединившего разведывательные структуры Министерства обороны и МГБ СССР. Здесь в наибольшей мере проявился огромный организаторский талант Павла Матвеевича, его деловые качества и опыт. Но в 1954-м, в возрасте 56 лет, наш земляк ушел на пенсию по состоянию здоровья, а спустя два года умер от очередного сердечного приступа.

Вместо послесловия

В 1995 г. полковник в отставке, председатель совета ветеранов УФСБ РФ по Ульяновской области А. Лихарев возвращался в родной город из командировки в столицу и в поезде «Москва-Ульяновск» купил газету «Новости разведки и контрразведки». Одна из страниц той «толстушки» полностью посвящалась троим самым выдающимся разведчикам Советского Союза, среди которых был назван и Журавлев. Это была первая публикация о нашем земляке, но, к сожалению, грешившая недомолвками и обобщенностью фактов. Увы, четыре последующих года ничего нового не добавили в «досье» Павла Матвеевича. Например, до сих пор неизвестно, в каких еще европейских странах работал до войны, чем конкретно занимался в 1942-1945 гг., каких успехов добился на посту зампреда Комитета информации. Вероятно, со всех этих сведений до сих пор не снят гриф секретности.

Автору этих строк, к сожалению, тоже не удалось отыскать в Красной Сосне Базарносызганского района тех людей, к кому Павел Матвеевич приезжал за два года до своей смерти. Известно лишь, что один день он гостил во втором от околицы села доме. Но кто знает, может, пройдет совсем много времени, и на «родовом гнезде» появится мемориальная доска. А на ней золотыми буквами будет значиться: «Здесь в 1898 году родился и жил выдающийся советский разведчик П.М. Журавлев».

Владимир Силантьев

У переднего края

В теплушке

Александр Шадрину снились звонкие перекаты Акшабарихи. Будто стоит он босоногий по щиколотку в воде и рыбачит. Но вот беда: никак не получается у него вовремя подсечка! Вот-вот, кажется, попадетса неуловимый пескарь или вьюн, но...

— Сашка, спишь? — спросил лежащий слева Серега Красноперов.

— Спал, — тихо ответил Шадрин и повернулся на левый бок.

Сосед Шадрина справа, широколобий Борис Матвеев, вдруг тихо зашел: *Из-за леса, из-за гор
Выезжал дядя Егор.*

*Он — на сивой на телеге,
На скрипучей лошади...*

Ему поддакнул Красноперов, и они дуэтом исполнили несколько перевертышей про то, как «Лошадь ела шаньги, а мужик — овес, Лошадь села в сани, а мужик повез» и про то, как: «Ехала деревня мимо мужика, Вдруг из-под собаки лают ворота».

— Вы чо распелись, дайте поспать, рано еще.

Дуэт тут же смолк. Красноперов повернулся на другой бок, а Матвеев вдруг прыснул от смеха.

— Ты чего? — удивился Шадрин.

— Да, так... вспомнил, как мы штурмовали холмы возле Шольи, гранаты деревянные кидали. Смех!

Красноперов поддакнул:

— Ага! Мне сунули в руки трещотку вместо пулемета и сказали, чтоб не было ни одной остановки!

— Все это мур! — вмешался в разговор бывалый солдат Фрол Дедюхин, — фронт научит всему! Только успевай поворачиваться. Иначе живо окажешься на том свете.

— А страшно там? — спросил кто-то.

— Где? На том свете-то?

— Да, не-е, на фронте.

— Конечно, страшно, — невозмутит-

мо ответил Дедюхин, — но трястись некогда, действовать надо, шевелиться.

— Ну, не скажи, — откликнулся другой бывалый солдат, Степан Потехин, — помню, как-то мы до того притомились, аж во сне суставы трещат, а тут вдруг снаряд как жхнет! Нас раскидало кого куда, а я, верите ли, не хочу просыпаться, одна только думка: убей, да не буди! Ей Богу, куда бросило, там до утра и проспал!

Проснувшиеся рассмеялись. Затем стало тихо, и в этой тишине явственно прозвучали слова уроженца Непряхи Сергея Ехлакова:

— Да-а, одна радость осталась — сон. Если не спишь, то и не живешь. Во сне дом увидишь, со всеми поговоришь... Я теперь как молитву вечернюю отчитаю, так и прошу: подай, Господи, сон про дом...

— Смотрите, братцы, Степаньч все еще дрыхнет, — раздался чей-то веселый голос из угла теплушки, — на пожарника сдает! Вставай, дядя, расскажи про свой боевой опыт по сну на фронте.

Бойцы засмеялись и повернулись к зашевелившемуся Степаньчу. Тот уселся на нарах, вздохнул и укоризненно покачал седовласой головой:

— Эх! Вам бы только ржать! Никакого опыта у меня нет. Я, помнится, только собрался тогда спать, как вдруг загудело грому страшнее, и земля обвалилась на меня... Сразу-то ничего и не понять, и дух пропал. А очухался — еще хуже: живой в могиле. Песок во рту, в носу, дышать нечем! Опять обеспамятел... Откопали, весь поломан был, и зуб сивый. До сих пор страшно вспоминать! А про опыт вон, хотя бы Дедюхина послушайте, он медаль «За отвагу» имеет.

Все повернулись к Дедюхину.

— А что? И расскажу! — Фрол уселся поудобнее. — Дело было летом. Сто-

яли мы в обороне. Траншей нарыли... И вот какая штука получилась. Услали от нас на соседний участок батарею, а немцы, словно знали, и на следующий же день поперли танками прямо на нашу позицию. Командир в телефонную трубку орет, помощи просит, а чем тут успеют помочь? Мы сидим в последней линии траншей, притихли, и будто что случилось со мной. Посмотрел на свои гранаты и спрашиваю ребят: «У кого бутылки есть?» Ну, нашлись. Попрошался с хлопцами и побежал вперед по траншее. Один танк уже совсем близко был, метров 30. Швырнул я гранату, прилег, слышу: танк остановился. Я приподнялся и бутылку ему еще добавил. Вижу: пыхает танк! А тут справа другой уже подползает. Я, недолго думая, и в него — гранату, и ему — бутылку. Загорелся! А третий танк метрах в 60-70 от меня остановился перед траншеей и, видно, боится дальше ползти. Ну, думаю, если ты ко мне не хочешь, так я сам к тебе пойду. И побежал по траншее навстречу. И третий танк точно так же загорелся. Но безопасы мои кончились, пришлось возвращаться. Прибежал к ребятам. Дайте, говорю, мне гранат и бутылочек поищите еще. Нашлись и гранаты, и бутылочки, но, к счастью, остальные танки вдруг повернули назад.

— Слышь, браток, а где ж ты наловчился так здорово попадать гранатой? — с завистью спросил Красноперов.

— А ты в детстве не играл в городки? — ответил вопросом на вопрос Дедюхин, — «Ваньку в колодце», «Бабушку в окошке» одной битой не сбивал?

— Нет, мы таких игр не знали.

— А я мастер был играть. Рука у меня верная!

Поезд замедлил ход. Вскоре после остановки в щит, служивший дверью теплушки, постучали, и раздался веселый звонкий голос: «Рота, выходи с посудой за завтраком!» В теплушке зашевелились, загремели пустыми котелками...

Пшеничная каша

Шадрин спал вместе с неразлучными друзьями-пулеметчиками Сорокиным и Беловым. На дежурство из них никого не вызывали, и выспались они отменно, но утром выяснилось, что все трое примерзли к днищу палатки. Кое-как высвободившись, Шадрин помог сделать то же самое Белову, а затем взял котелки.

— Юра, помоги Геннадию, а я схожу за едой. Федор обещал на завтрак сварить кашу с мясом!

День был чудесный, солнечный. Снежный покров ослепил Шадрина, и

он с минуту стоял на месте, очарованный игрой света и удивительной тишиной, словно этой ночью война уже кончилась, или передний край ее был где-то за тридевять земель. Наконец он двинулся к виднеющемуся вдали большому оврагу, где вчера поставлены были походные кухни. Проходя мимо соседней палатки, увидел выполняющего наружу Володьку Потехина.

— Ты куда, за кашей? — спросил тот, кивая на котелки. — Погоди, я с тобой!

Когда они подошли к кухням, там уже собралось много бойцов. Пристроились в конце очереди к Федору Чистякову, и Владимир сразу задымил припасенным с вечера окурком. Тут Шадрин, протянув котелки, сказал:

— Слушай, Потеха, стоять еще долго, возьми мои емкости, а я отойду в сторонку, отлить надо.

— Валай, — согласился тот.

Шадрин пошел по лесистому краю оврага, ища укромное местечко. Не успел он сделать и одного шага от сосны, у которой стоял, как на том месте, где были кухни и очереди к ним, вдруг выросло облако из снега, дыма, черной земли, и тут же грохнуло так, словно мир раскололся на части. Шадрин упал в снег, вжался в него, прикрыв голову руками и ожидая новых потрясений. Они последовали тут же. Раз за разом взрывы тяжелых снарядов бросали вверх все, что попадалось им на пути. Когда обстрел закончился, большой овраг представлял собой мешанину из расщепленных деревьев, изломанных кусков железа, алюминия, обрывков обмундирования и человеческого мяса.

Не веря, что остался жив, Шадрин поднялся на шатающиеся ноги. У одной из сломанных сосен лежал окровавленный Потехин.

Фельдшер Федор Маликов, по счастью, уже и сам спешил со своей сумкой в зону обстрела. Он тут же занялся раненым Потехиным. Шадрин подошел поближе.

— Жив?

— Кажется, да. Сейчас принесут носилки, помоги его до медпункта дотащить.

Тут вдруг недалеко зашевелился холмик из снега и земли, и перед изумленными бойцами предстал... повар Федор Чистяков! Оглушенный, весь облепленный кашей, землей и с черпаком в руке!

— Вот фашисты... проклятые... что делают, — сказал он, с трудом произнося каждое слово, — чем кормить теперь будем? Где готовить?

— Ты не ранен? — удивился Маликов, — ну-ка сними куртку, я тебя осматрю.

Он помог Чистякову сбросить оде-

яние и придирчиво исследовал его.

— Действительно, невредим! Везучий! На войне это главное!

Комбат

Очень высокий, худой, он явился перед строем своих подразделений и зашагал прямой горделивой походкой к середине второй роты, где и принял доклад начальника штаба. Затем поздоровался со всеми, послушал дружный ответ, по-доброму улыбнулся. На бойцов и командиров смотрели умные, уставшие глаза, которые словно спрашивали каждого: «А хороший ли ты?» Почувствовав, что его готовы слушать, комбат обратился к ротам с короткой неторопливой речью.

— Товарищи бойцы, товарищи командиры! Вот вы и прибыли к месту своей службы. Командовать батальо-

ном буду я, Эрастов Георгий Михайлович. Наше с вами подразделение будет чисто разведывательным. Что это значит? А то, что мы с вами должны всегда знать, что делается в стане врага, и что он еще собирается делать. Вот это и есть главная задача разведки, наша с вами задача! Если мы будем ее выполнять, наше командование будет иметь возможность маневрировать своими силами. Без нас армия будет небоеспособной, товарищи! Помните об этом и старайтесь не уронить чести и достоинства разведчика!

Эрастов сделал небольшую паузу и продолжил.

— Разведка — это самое-самое трудное дело на войне! Чтобы стать настоящим разведчиком, нужно многое знать, многому научиться, чем мы с вами и займемся в ближайшее время. А сейчас слушайте боевой приказ. Установить круглосуточное наблюдение за противником. Полученные данные фиксировать в журналах и донесениях. Сообщать только достоверные факты. Ночью фиксировать направле-

ния вспышек по колышкам, а днем искать в этих направлениях пулеметы, минометы и тому подобное.

Комбат взглянул на часы и закончил речь так:

— Поблизе мы с вами познакомимся в процессе службы, а сейчас — разоидись!

За языком

Наведаться к обнаруженному накануне блиндажу немцев и взять «языка» командир роты поручил лейтенанту Попову и отделению сержанта Сомова. В поиск были назначены рядовые Шадрин, Лихачев, Ехлаков, Коровин, Красноперов и ефрейтор Дедюхин.

Поздно вечером, надев поверх полушубков и ватных брюк белые маскхалаты, взяв автоматы и большой запас патронов и гранат, разведчики собрались у землянки комбата. Лейтенант Попов доложил о готовности.

— Ребята, — обратился Эрастов к молчаливому белому строю, — вам предоставляется право первыми открыть счет батальона по «языкам». Позавчера это могли сделать разведчики лейтенанта Архарова, но один растяпа задел маскхалатом за колючую проволоку. Загремели консервные банки, немцы открыли заградительный огонь. Половину группы побилло минами, остальные получили тяжелые ранения. Вот такой получился поиск. Будьте внимательны и осторожны! Желаю удачи, как говорится, с Богом!

И вот передний край уже позади. Группа ползком, вжимаясь при каждой вспышке ракет в колючий снег, передвигалась к темным кустикам лесопосадки. Шадрин полз последним, стараясь не упустить из вида валенки Володьки Лихачева. От напряжения было жарко. «Скоро, что ли кончится эта ничейная земля? — думал Шадрин, извиваясь на снежной борозде, — и почему она так называется? Она же наша, советская!» Володькин валенок исчез. Александр быстро пополз вперед и увидел, как Лихачев нырнул в проделанный саперами проход. Шадрин вдруг почувствовал бешеные удары своего сердца: «бух-бух-бух!». Усилием воли заставил себя ползти дальше, вжавшись в снег, поплотнее к землематушке. Наконец уткнулись в первую траншею немцев. Здесь разведчики разделились. Группа прикрытия осталась на месте, остальные, перебравшись через ров, поползли к невидимому пока блиндажу. Лейтенант тронул рукой плечо Дедюхина и чуть кивнул головой. Это был условный сигнал. Фрол полез за гранатой, чтобы кинуть ее к двери блиндажа, но тут Сергей Ехлаков начал отчаянно жестикулировать Попову, скинув одну рукавицу и

сунув ее под нос командиру, дескать, надо бы заткнуть ей трубу и этим выманить немцев наружу!

Лейтенант жесты понял и подал Дедюхиному сигнал отбоя. Тогда Сергей встал и спокойно пошел к трубе, а здоровяки Коровин и Лихачев притаились по обеим сторонам входа в блиндаж. Вскоре после того, как Ехлаков сунул рукавицу в трубу, в блиндаже послышались неясные гортанные голоса, и заскрипела, открываясь, дверь. Из блиндажа вышел ничего не подозревающий безоружный немец. Коровин обхватил врага, а Лихачев тут же засунул в рот фрица приготовленный кляп и быстро опутал его руки крепкой веревкой. Затем они взялись за плененного с двух сторон и быстро побежали с ним к месту прохода в колочей проволоке. За ними потянулись и Шадрин с Дедюхиным. Ехлаков легонько постучал по трубе и вытащил рукавицу обратно, а лейтенант с гранатой в руке заглянул в приоткрытую дверь блиндажа. При свете коптылки он увидел, что немцы... играли в карты! Попов от удивления покачал головой, спрятал гранату обратно в карман и потянул за собой подошедшего Сергея, дескать, уходим!

В считанные минуты они догнали своих. Лишь только когда разведчики и саперы ввалились в траншею нашего боевого охранения, немцы всполошились. В небо одна за другой взлетели ракеты, поднялась стрельба из автоматов, пулеметов и минометов.

— Пали, пали! — весело проговорил Коровин, доставая кисет, — теперь можно и послушать вашу музыку.

Вскоре, переждав суматошный обстрел, разведчики благополучно подошли к землянке комбата. Пленный, понурился, стоял рядом. Лейтенант Попов доложил Эрастову о выполнении задания и о выдумке рядового Ехлакова, благодаря которой группа вернулась без потерь.

— Молодцы! — похвалил комбат, — особо отличившихся представим к наградам!

— Служим Советскому Союзу! — был ему бодрый и дружный ответ.

Гамбит Ведерникова

Командиры рот сидели в штабной землянке и ждали возвращения капитана Эрастова из разведотдела армии.

— А что, Николаич, шахматы у тебя с собой? — спросил Архаров командира 2-й роты Ведерникова.

— Да, — ответил тот и достал коробочку, — только на этот раз я буду играть вслепую, чтобы хоть как-то уравнять шансы. Будешь ходить и за себя, и за меня.

Ведерников быстро рассовал фигурки карманных шахмат в гнезда, подвинул готовую доску к Архарову и отвернулся к стене.

— А! Ты сходил с e2 на e4!

— Да, да. Твой ход.

— Тоже, как обычно, пешкой e7 на e5... Второй ход тоже пешкой с f2 на f4.

— Я же съем ее!

— Ешь. Жертвую. Я играю королевский гамбит!

Ведерников пожертвовал еще и слона, развил сильнейшую атаку на короля противника и буквально в несколько ходов заматовал его. Архаров стоял ошарашенный, а Алейников, хлопнув по плечу победителя, в восхищении произнес:

— Ну, силен! А со мной сыграешь?

— Пожалуйста!

Но тут в землянку вошел, наконец, комбат и сразу заявил:

— Серьезное дело, мужики. Командарм требует верного «языка» с участка майора Иванова. А там... Сами знаете, немцы отгородились рядами колочей проволоки, минными полями. Без перерыва освещают местность ракетами, а по траншеям пускают собак. Но приказ есть приказ. Прошу высказать свои предложения.

— Подолбать артиллерией и сделать налет на боевое охранение, — тут же выпалил старший лейтенант Архаров.

— К сожалению, как раз сейчас возникли перебои с подвозкой снарядов и боеприпасов. Артиллеристы не могут нам дать нужной плотности огня. Еще будут предложения?

— Надо бы придумать что-нибудь новенькое, — подал голос Алейников, — но что?..

— А что скажет наш «гроссмейстер», лейтенант Ведерников? — язвительно спросил Архаров.

— Да есть тут одна идея, — отозвался едерников. Когда он изложил свой план, комбат с удовлетворением тряхнул шевелюрой и усмехнулся:

— Молодец, Сергей Николаевич! Ей Богу молодец! Если твой вариант не удастся, тогда и сделаем прямой налет. Третьей роте поручаю обдумать вариант налета с участием минометного взвода и батареи лейтенанта Бабина.

Эрастов уселся за импровизированный штабной столик и сказал:

— А сейчас прошу всех разойтись, кроме старшего лейтенанта Ведерникова.

Когда все вышли, комбат спросил:

— Кому думаешь поручить?

— Из взвода Попова, товарищ капитан.

— Давай, вызывай его сюда, разработайте подробный план.

Явился лейтенант Попов, Ведерников поставил ему задачу, и они тут же начали обсуждать, как ее надежнее решить.

— Посылать надо самых морозостойких. Есть такие?

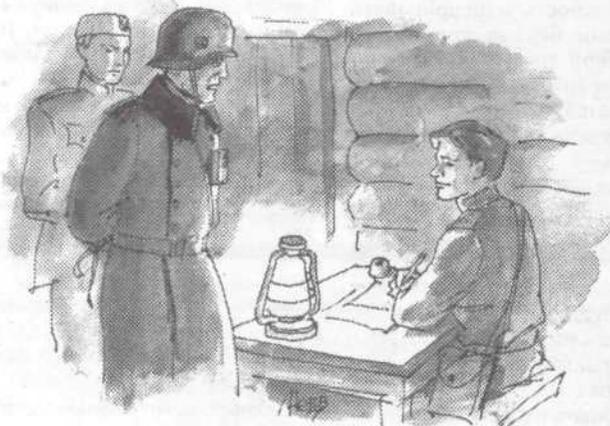
— Да. Лесорубы, охотники: Дерябин, Морозов, Свешников, Афанасьев... И сержант Сомов — за старшего.

— Хорошо. Повторим, что надо сделать.

— Один из группы разведчиков метров за сто до колочей проволоки зарывается в снег, остальные ползут дальше. В момент обстрела зарывшийся в снег разведчик закричит, изображая раненого. Фашисты, как обычно, откроют заградительный огонь и вышлют разведку, человека три. Как и наши, они поползут друг за другом, вжимаясь в снег и осторожничая в свете непрерывных ракет. Вот этим и надо будет воспользоваться. Наши должны ползти следом и заколоть сначала последнего, затем предпоследнего, и так далее. А как только первый немец схватит «раненого», так тот постарается нейтрализовать его. Тут и остальные наши бойцы навалются.

— А кто закалывать будет? Кто-то из охотников?

— Да, конечно. Лучше всего это получается у Афанасьева.

Четыре патрона

Об Алексее Наганове, герое-защитнике Брестской крепости, написаны десятки очерков и статей, но за последнее время были обнаружены новые материалы, раскрывающие характер этого человека.

Вечером разведчики перед уходом на «охоту» выстроились у землянки комбата. С ними были и офицеры. Эрастов вышел, выслушал доклад лейтенанта Попова и спросил:

— Ну, а кто же у нас «раненый»?

— Я, товарищ капитан, — подал голос Морозов.

— Хорошо, — оглядев его мощную фигуру, Эрастов поочередно пожал всем руку. — Желаю удачи... Пленного — сразу ко мне. Если, конечно, он будет!

— Есть! Должен быть!

Ночь стояла на удивление морозная. Немецкие ракеты непрерывно озаряли местность белым, мертвенным светом, через равные промежутки времени раздавался дробный стук пулеметов. И вот после очередного «та-та-та» со стороны нейтральной полосы явственно раздался вскрик человека. Через некоторое время — еще.

Ведерников и Попов приютились в одной из ячеек боевого охранения. Мысли крутились вокруг возможных событий там, у колючей проволоки. Услышав вскрики, разведчики радостно ткнули рукавицами друг друга в бок: «Морозов?»

Немцы тут же открыли ураганный огонь. «Как бы нашим не попасть под него! — волновался Ведерников. — А ведь немцы могут и не выслать разведку, что тогда? Сколько еще ждать?»

Ждать пришлось долго. Лишь к утру в траншею ввалились разведчики с плененным немцем. После радостных объятий направились к Эрастову. Комбат поздравил всех с удачей, отправил на отдых рядовых и сержанта, а офицерам предложил поприсутствовать при допросе «языка».

Лишь теперь, при свете карбидного фонаря, Попов и Ведерников разглядели пленного. Им оказался высокотелый, плотного телосложения фельдфебель с голубыми глазами, полными большого удивления. Как только ему вытащили кляп, он на первый же вопрос разразился целой тирадой с очень живой жестикуляцией. Комбат слушал его, чему-то улыбаясь, коротко о чем-то спрашивал, записывал. Через полчаса немца увел конвой, а довольный Эрастов сообщил офицерам:

— Этот фельдфебель сам с разведки, приволакивал наших растяп, но на этот раз попался. Он видел ползущих за ним, но думал, что это его соратники, а когда его стиснул «раненый», да еще навалился кто-то сверху, он все понял, но было уже поздно.

Комбат перевел дух и добавил:

— Так что, Сергей Николаевич, очень удачным оказался твой «гамбит»!

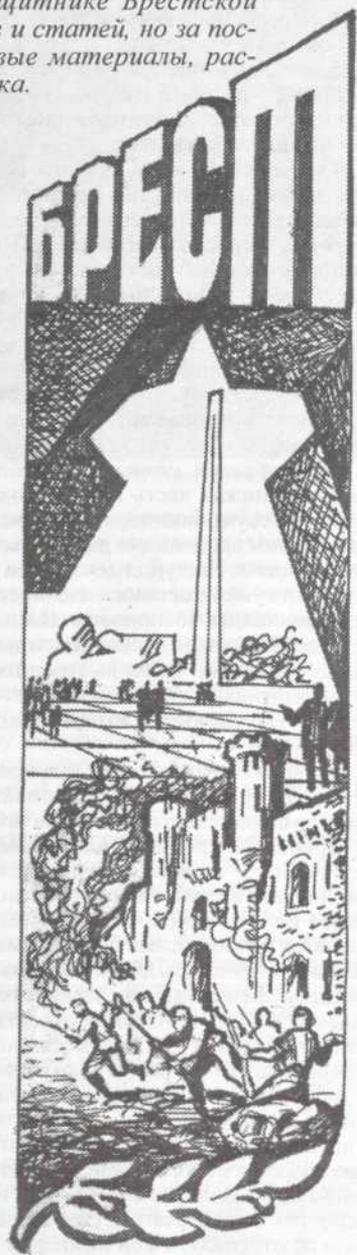
Середина 1930-х годов. Заволжье. Село Красная Река вдалеке и от Волго-Бугульминской дороги, и от старого, но по-прежнему бойкого почтового тракта. Колхоз имени В. Чапаева справный, и живут здесь не бедно. И вроде бы недалеко от Ульяновска, но на отшибе. Хорошо, если два в месяц в клуб заедет кинопередвижка, да и радио только в совете. По вечерам молодежь спешит в клуб на звуки гармошки. И потому даже еще до появления афиши на клубной село волнуется — будут играть пьесу. А затеял все это второй сын Федора Наганова, что недавно вернулся с курсов в райцентре.

...На первом ряду посадили отца и мать главного героя постановки — Федора Андреевича и Наталью Терентьевну. Рядом старший брат, а за ними на лавках вся большая нагановская семья и ветераны, воевавшие в мировую и в гражданскую. В главной роли командира Красной Армии активист, комсомолец Алексей Наганов. Финал представления: победная атака красных — и белые бегут. И вдруг тишину зала разорвал выстрел. Главный герой с орденом на гимнастерке упал наземь. «Алешенька», — вскопчила было мать. «Сиди, Наталья Терентьевна, это ведь только игра. Жив наш Алешка».

Осенью 1937 года призывников села отправили в райвоенкомат.

Письма Алешки из армии приходили нечасто: завершил начальную подготовку, отправили на курсы в полковую школу, затем через год — в Минское военное училище.

Летом 1940 года он прибыл в свое родное Красноречье. Пропадали по целым дням в лесу на охоте. Но отпуск пролетел быстро. Провожали Алексея всем селом, всей родней — родители да восемь братьев и сестер. Отец напоследок спросил: что там у германцев, уже захвативших Польшу. В Европе уже второй год шла вторая мировая война. Сын ответил: «Что знаем — про то не болтаем. Нападут, мы не дадим врагу топтать нашу священную землю. В случае чего не пожалеем свою жизнь». «Скоро вернешься?» «Не ранее, чем через год». На прощание Алексей признался матери, что у него есть уже избранница, и в следующий отпуск он намерен приехать с ней в родные края.

С весны 1941 года на западной границе стало тревожно. 22 июня в 12 часов дня краснореченцы по радио узнали о нападении Германии на СССР. А там, на Буге, война шла уже восемь часов.

Прошел месяц, сердце матери заболело за сына, и вдруг пришло письмо с номером полевой почты. «Дорогая мама и отец! Настал час испытаний. Вероломный враг нарушил мирный труд нашего народа. Он рас-

платится за это собственной гибелью. Стоим насмерть. Целую, Алексей». Каким чудом командир Красной Армии А. Наганов из полного окружения сумел переслать из Бреста на Волгу через линию фронта это письмо, никому не известно.

После этого письма родные три года ничего не знали о сыне. На все запросы родителей командование отвечало: пропал без вести.

В четыре часа утра 22 июня под грохот немецких орудий прозвучал сигнал «тревога». Лейтенант Наганов оборонял Тереспольский мост. Не один десяток фашистов уничтожили советские пограничники, но силы были неравны. Когда гитлеровцы стали обходить его воинскую часть, Алексей Наганов попросил командира танка Алексея Полемчука прикрыть их отступление к крепости, задержать фашистов.

...Мы не знаем, сколько дней обороняла воинская часть А. Наганова Тереспольскую башню, на которой назло врагам продолжало развеваться красное знамя. Наступил день, когда у лейтенанта уже не осталось подчиненных и кончались боеприпасы. В комнату, где остался он, ворвались гитлеровцы. Волжанин успел выстрелить, но автоматная очередь сразила его наповал. Немцы взорвали башню цитадели.

Обнаруженные позднее документы штаба вражеской группировки «Центр» свидетельствуют, что на захват Брестской крепости планировалось не более получаса. А цитадель оборонялась в глубоком тылу гитлеровцев более месяца. В подземных казематах продолжалась борьба. Вместе с военными находились и семьи офицеров. Женщины ухаживали за ранеными. И супруга Алексея, Анастасия Кондратьевна с их двухмесячной дочкой была там же. Защитники решили, нельзя подвергать угрозе жизнь детей и женщин. Решено вывести их из цитадели. По распоряжению командира обороны майора Гаврилова женщинам было дано указание выйти из крепости с белым флагом. Немцы решили не отправлять жен офицеров и детей в лагерь, приставили к ним охрану. Жене Наганова удалось вместе с дочкой Надей сбежать из-под стражи и добраться до своих родственников в деревню Мотыкало. От местных полицейских скрыли, что прибывшие из Бреста женщина с девочкой — из семьи советского офицера. В 1944 году, когда Красная Армия освободила Белоруссию в ответ на запрос Анастасии Нагановой ей сообщили: мужа в числе погибших защитников крепости не обнаружили.

Прошло почти четыре года после окончания войны. В один из летних дней в колхоз имени Чапаева на имя Федора Наганова пришло письмо с воинским номером на конверте «На днях во время раскопок, произведенных в знаменитой Брестской крепости, были обнаружены останки героически погибшего вашего сына Алексея Федоровича Наганова».

Комсомольский билет, удостоверение личности и другие материалы убедительно показали лицо замечательного советского патриота. Командование части разделяет вашу скорбь и приглашает вас принять участие в похоронах героя».

Трудно передать чувства, которые охватили всю большую семью Нагановых, давшую Родине двух защитников. Старший брат Алексея Сергей к этому времени продолжал свою воинскую службу. За годы войны он получил немало воинских отличий, был ранен, три месяца пролежал в госпитале. А затем после Победы решил стать по примеру своего погибшего брата кадровым военным.

В один из осенних дней начальнику гарнизона Брестской крепости пришло письмо из Красноречья: «Товарищ генерал! Ваше извещение о гибели моего сына очень тяжело для нас стариков. Но сознание того, что он честно отдал жизнь за наше Отечество, наполняет нас гордостью. Если сын достоин того, прошу похоронить его останки с подобающими почестями. Федор Наганов».

...В эти сентябрьские дни 1949-го задолго до того, как жителям нашей страны стало известно о героическом подвиге брестских героев из радиопозиций, а позднее из книг писателя Сергея Смирнова, в «Ульяновской правде» был помещен очерк о героической цитадели и подвиге нашего земляка Алексея Наганова. Но многие подробности его подвига тогда еще не были известны.

Ровно через год Федор Андреевич Наганов все-таки решил отправиться в далекую Брестскую крепость. Сохранился газетный снимок, где отец, супруга погибшего Алексея и его дочка Надя стоят у памятного обелиска, уже сооруженного к этому времени на месте гибели красноармейцев. На нем было всего две фамилии: Наганова и его товарища, а затем следовала надпись: «Здесь покойтся прах пяти неизвестных». В небольшой заметке корреспондент газеты, делая репортаж с места гибели Наганова, привел слова дочери погибшего героя: «Я горжусь папой и буду такой же честной и храброй как он».

В цитадели Федор Андреевич уз-

нал о последних днях жизни сына. Сохранился кожаный планшет офицера 333-го стрелкового полка Алексея Наганова, а в нем — топографическая карта, конспект лекции по боевой подготовке и конспект политзанятия. Отцу рассказали — в руке сына, погребенного под развалинами, в течение всех этих девяти лет был зажат пистолет. В обойме оставалось три патрона, а в стволе — четвертый.

...В 1959 году напротив дома Нагановых в колхозе имени Чапаева торжественно открыли памятник своему земляку. В Красноречье уже был один Герой войны — Константин Ежов. И вот второй — Алексей Наганов. Ему не дали звезды Героя, но наградили орденом Великой Отечественной войны I степени посмертно. И отец, и мать Нагановы присутствовали на митинге. С этого дня Наталья Терентьевна из окошка могла видеть своего сына на постаменте — отлитого в металле. А у Нади Нагановой все эти годы была мечта — побывать на его родине. В один из февральских дней 1960-го года она с мамой наконец-то приехала в далекое заволжское село. Из райцентра прибыли в колхоз уже за полночь. Первым делом подошли к памятнику. На следующий день состоялась их встреча с учениками в местной школе. Надя Наганова рассказала ребятам Красноречья о том, как в Бресте бережно сохраняются документы об отце. Бывшая учительница местной школы Александра Павловна Королева, пришедшая на встречу с семьей Нагановых, вспоминала о том, что два года она учила Алексея Наганова. Он получал только пятерки.

С этого времени началась переписка школьников Красной Реки с Брестом, с Надей Нагановой. И развернулась их поисковая работа.

Так закончилась эта история, начавшаяся в сентябрьский день 1949 года, когда наши земляки из областной газеты узнали о подвиге Алексея Наганова. В музеях Бреста и Минска хранят вещи ульяновца: его наган и комсомольский билет № 0957174. А у нас в Ульяновске в Ленинском мемориале в зале, посвященном защитникам Отечества, представлены фотографии детей, с ужасом глядящих на пикирующие самолеты, в дымке взрывов горит приграничный город Брест. В витрине — спешившие осколками и земля из белорусского города-героя. По соседству — обойма с проржавевшими патронами немецкого производства, напоминающими о кровавой и жестокой войне, принесшей миллионы смертей.

Владимир Радаев

Боль утрат, триумф победы

Я, Обмелюхин Иван Андреевич, участвовал в Великой Отечественной войне с июня 1942 года по май 1945 года. Много повидал горя, боли и страданий людей. Освобождаемые нами после оккупации села почти полностью были сожжены, города разрушены, предприятия взорваны. Видел виселицы, много похоронил своих боевых товарищей. Дважды был ранен сам. Пройдя путь от Сталинграда до Германии, День Победы встретил в городе Бреслау.

На фронт!

В армию меня призвали 7 марта 1942 года. Многие семьи в моем родном селе Большая Кандава уже получили похоронки. Но мы были молоды и не представляли, что такое война, поэтому уходили на фронт без страха за свою жизнь, с гневом в сердце и с большим желанием побить врага.

В этот год дороги были заметены снегом, а от нашего села до Мелекесса почти 40 км. Сельсовет выделил лошадей, и мы на сборный пункт добились на санях.

Из призывников 1923 года рождения сформировали 1-ю пехотную дивизию. Солдатами стали неопытные, не нюхавшие порошу ребята. Командный состав был назначен в основном из числа воевавших офицеров. Меня зачислили в зенитную батарею вместе с 16-ю односельчанами. Четверо из них (В. Рябинов, Н.М. Обмелюхин, В. Шагаров, И.Н. Сарычев) погибли, других комиссовали по ранению и лишь немногие прошагали военными дорогами до самой Победы.

Наша батарея разместились в пойме реки Черемшан. Артиллерийский полк и штаб дивизии находились в Мелекессе. Жили мы в землянках по 100 и более солдат. Спали на земляных нарах, в качестве постели делали настил из хвойных лап. По краям землянок стояли две большие кирпичные печки.

Весенние морозы иногда доходили до 35 градусов. Ежедневно мы занимались по 12 часов на открытом воздухе. Много времени уделялось боевой подготовке. Вся исправная боевая техника направлялась на фронт, в учебных же целях мы изготовили деревянные зенитные пушки. Для отработки действий по маскировке орудий рыли окопы, копая мерзлую, как камень, землю для себя и для тягача.

В учении прошло два с половиной месяца. Предстоял экзамен. Принимать его приехал сам Ворошилов. Маршал лично провел разбор учения и похвалил за хорошую подготовку.

29 мая 1942 года нас погрузили в эшелон и повезли в направлении Сталинграда. На станции Алексеевка эшелон разгрузили. Дальше маршем на юго-запад. Через семь дней пути выш-

ли к Дону. Там нашу батарею передали в артиллерийский полк. Меня назначили телефонистом на 7-ю батарею.

Высота 117

Наш батальон занял оборону на правом берегу Дона по оврагу на высоте 117. А тем временем немцы подтягивали все новые и новые силы.

Большой овраг имел очень крутые берега, практически непроходимые для танков, и потому вселял в нас уверенность. Мы сделали высоту неприступной для врага: протянули несколько рядов колючей проволоки, берег заминировали, соорудили несколько дзотов, соединенных траншеями. За передовой линией окопов тоже прорыли траншеи и построили три дзота. Земля была очень твердая, с мелом, копали с киркой и ломом.

На самой высоте был оборудован наблюдательный пункт. Фашисты знали, что отсюда отлично просматриваются их позиции, поэтому стремились любой ценой захватить высоту.

В конце августа немцы с утра провели мощную артподготовку, затем на передний край нашей обороны бросили авиацию. 12-15 бомбардировщиков пикировали чуть не до земли, делали разворот и снова бросали бомбы. Потом начинали обстреливать окопы из пулеметов. После этого поднималась вражеская пехота и пыталась преодолеть овраг. Однако наша пехота мужественно держала оборону, хотя у нас не было ни зениток, ни авиационной поддержки.

Высоту мы отстояли. Немцы потеряли очень много живой силы. Когда со стороны оврага дул ветер, дышать было трудно: погода стояла очень жаркая, и трупы разложились. За этот бой в числе других меня наградили медалью «За отвагу».

Форсирование Дона

В ноябре 1942 года подошли свежие сибирские дивизии. Наша дивизия сузила ширину линии обороны по фронту со 110 км до 10 км. Изменилось и снабжение боеприпасами. Если летом выдавали на одно артиллерийское орудие 6-8 снарядов, то с ноября ограничения практически сняли, теперь по немцам стреляли – игра в «обманки» закончилась. К тому же на

И.А. Обмелюхин

наше направление перебросили полк реактивных минометов («Катюши»).

Наши силы были готовы к наступлению, но ждали, когда встанет Дон. И вот 16 декабря в 8 часов утра началась артподготовка. С рассветом в атаку по льду пошла пехота. Первая линия обороны фрицев была прорвана. Лед был недостаточно толст и прочен, поэтому переправлять артиллерийские орудия приходилось с солдатской выдумкой и большой осторожностью. На льду делали настил из досок, по ним руками перекачивали тяжелые пушки, затем осторожно проводили лошадей.

Однако не все было так легко и просто. Оказалось, что за второй линией окопов у немцев были замаскированы позиции зарытых в землю пяти средних танков, над землей находились одни лишь орудийные башни.

К вечеру 17 декабря 1942 года с ходу взяли город Богучар. Захватили много пленных, в основном итальянцев и румын. Дальше двигались без дорог. Снега было много, а шли мы пешком. Некоторые захватили у противника верблюдов и ослов, привязали к ним салазки, самодельные сани и ехали на них. А на пленных смотреть было жутко, они укутывались в разное тряпье, на ногах были соломенные галоши, кое-кто ботинки обматывал тряпками.

Далее наш полк развивал наступление в направлении райцентра Надеждино, и далее на Миллерово. На протяжении нескольких суток продвижения по ранее оккупированной территории нам не встретилось ни одного целого селения. Все дома были сожжены или разрушены.

Мы ночевали прямо в снегу. Нахо-

дили место, где толщина снега была побольше, делали норку и ложились спать. Часовым ставилась задача наблюдать, чтобы солдаты не обморозились или не замерзли во сне, ведь морозы достигали 25-30 градусов с сильным ветром. Хлеб нам выдавали настолько мерзлый, что даже топором не могли его разрубить. Мы наловчились распиливать его поперечной пилой. Выручали итальянские продукты, достававшиеся нам в качестве трофеев. Это были макароны, сухие галетки, похожие на наши пресные лепешки. Даже в сильный мороз они не замерзали, вот мы ими и питались.

Гвардейская дивизия

В начале января 1943 года всему личному составу был предоставлен трехдневный отдых для вручения гвардейского знамени нашей дивизии, переименованной в 58-ю гвардейскую. Как раз в это время в Советской Армии были введены погоны, и во время отдыха мы их пришивали к обмундированию.

Продолжили наступление в направлении станции Красновка. Освободили ее почти без боя. И здесь враг бросил большое количество оружия и боеприпасов. На станции стояли эшелоны с зерном, подготовленные для отправки в Германию, а также 16 вагонов с русской водкой. Наши солдаты обрадовались такому трофею и сразу начали запастись. Очень многие напились. Хорошо еще немцы об этом не узнали, а то бы сделали из нас гуляш. Я хоть и не пил тогда, но друзья приневольили, я выпил грамм 300, опьянел («в стельку») и спал до утра на снегу. Утром командиры построили личный состав и приказали сдать всю водку, пригрозив расстрелом.

Дальше были освобожденные города и тяжелые бои у станции Лозовая. Со стороны немцев в ней участвовало около 200 танков. Из тяжелого вооружения мы имели танки и «Катюши», но мало было боеприпасов. Вспоминается ожесточенный бой в конце февраля. Противник массированно применял авиацию. Мы потеряли тогда почти всю артиллерию и все танки. Авиации у нас не было. Понеся большие потери, мы получили приказ командования оставить Лозовую.

Горечь отступления

Отступали мы в направлении города Балаклея. Вся дивизия отступала одной дорогой. Немцы постоянно нас обстреливали, разбрасывали листовки с призывом сдаваться в плен. Днем погода стояла ясная и теплая, и мы в валенках шли прямо по воде, а ночью температура опускалась до 5-12 градусов. Питания практически не было.

Расскажу несколько эпизодов от-

ступления. У нас в отделении разведки и связи была одна лошадь, закрепленная за моим земляком из поселка Чердаклы Александром Бутовичевым. Дома у него осталось семеро детей. На повозку, запряженную этой лошадью, мы сложили свое имущество. Сашка гнал лошадь во всю прыть, а мы держались за повозку, стараясь не отстать. Вокруг рвались снаряды и мины. Неожиданно все стихло, и тут, очень низко, появились два самолета врага. Пролетели над нами, развернулись и направились прямо на нас. Сашка остановил лошадь, сам сел за колесо, сбоку повозки, а мы разбежались в разные стороны и легли на землю. Самолеты стали обстреливать нас разрывными пулями. Лошадь убило, повозка разлетелась. Сашка погиб. Еще трех человек ранило: одному оторвало руку, другому пуля попала в ногу, а

И.А. Обмелюхин с другом в Опеле третьему в бок. Когда самолеты улетели, мы пошли в село (около станции Лозовая), понесли раненного в ногу и убитого. Здесь и остался навсегда Сашка Бутовичев.

А вот какой эпизод произошел с моим земляком из деревни Урайкино Абдулом Абдурахимовым. Во время отступления он с политруком отстал от нашей колонны. К вечеру оба сошли с дороги и решили заночевать в стог с соломы. Только зарылись в омет, слышат, едет какая-то техника. Выглянули и увидели, как к ним приближается немецкий бронетранспортер с солдатами. Немцы обстреляли омет из пулемета. Их офицер на ломаном русском языке прокричал: «Рус, выходи, сдавай!» Пригрозил поджечь солому. Тогда политрук сказал моему земляку: «Я выйду, а ты не выходи, лежи и молчи». Он вышел, немцы его схватили и увезли, дав перед отъездом еще одну очередь из пулемета по омету. Абдул после длительного блуждания по немецким тылам пришел в свою часть.

За всю зимнюю кампанию мы прошли около 750 км пешком. Тылы от нас отстали, есть было нечего. Приходилось собирать колоски. Из вооружения у нас осталось одно орудие, его тащили шесть лошадей. Кормить их было нечем, и мы начали их уничтожать. Нашу 58-ю дивизию отвели на формирование в город Купянск. В артиллерийском полку из 36 орудий осталось только 5, из личного состава — одна треть.

Новая кампания

В Купянске личный состав пополнился молодыми солдатами 1925 года рождения. Получили также летнее обмундирование, новую технику и боеприпасы. На вооружение полка поступили новые полуавтоматические пушки, которые были намного легче прежних. Мы изучали немецкие танки «тигры», «пантеры», которые появились на нашем участке фронта. Изучали их слабые места, способы уничтожения.

В конце июня нас повезли на фронт. Выехали ночью, а рано утром наш эшелон атаковал немецкий самолет, ударил по паровозу, пробил котел. Нам приказали быстро разгрузить всю технику и отойти от эшелона. Не прошло и часа, как прилетели немецкие самолеты и весь эшелон разнесли в щепки. Они не могли и предположить, что мы так быстро разгрузимся.

5 июля в 5 часов утра услышали сильный гул самолетов. Оказалось, это наши самолеты полетели бомбить скопление врага.

9 июля с утра в течение часа провели артиллерийскую подготовку. Пехота приступила к форсированию реки Северный Донец. Нас хорошо поддерживала авиация, особенно штурмовики «Ил-2». Их немцы называли «черная смерть» за наличие на борту реактивных снарядов, пулеметов и пушек, пробивавших броню «тигров». А еще наши штурмовики брали на борт до 200 штук небольших бомб-шаров, и все это сыпали по живой силе противника. Летали они очень низко над землей.

Продвигались мы медленно, и потери были большие. Пехота потеряла около половины личного состава. До Харькова оставалось 70 км, но мы преодолевали их целых восемь дней.

Освобождение Украины

К Харькову подошли только 6 августа. Вышли к тракторному заводу. Началось жестокое сражение. День и ночь бомбила авиация, не утихал обстрел из пушек, минометов и танков.

Каждый день мне приходилось по 15-20 раз восстанавливать связь. Когда идешь по проводу, кругом рвутся снаряды, мины, а иногда и бомбы. А

связь нужна каждую минуту. Никогда не ждешь, когда тебе прикажут: как порвется – тут же бежишь, катушку на плечо, нитку в руку, пока не найдешь разрыв. Сколько побито связистов, а меня еще не задевало.

Харьков освободили 23 августа 1943 года. За взятие города наших солдат и офицеров наградили орденами и медалями, меня – орденом Красной Звезды.

Немцы отошли от города и закрепились на выгодных рубежах. Наша пехота окопалась от врага на расстоянии 700-800 метров на кукурузном поле. Мы свои позиции оборудовали недалеко от пехоты.

Наш наблюдательный пункт располагался около старого стога соломы. На НП находились командир разведки дивизиона и нас двое связистов. Мой напарник сидел в окопе с телефонным аппаратом, а я бегал восстанавливал связь с батареей, потому что ее постоянно обрывали. Сбежал я на линию раз восемь, возвращаюсь на наблюдательный пункт, а там мой товарищ лежит с разбитой головой – около окопа разорвалась мина. Я поднял трубку телефона, а связи опять нет. Снова пришлось брать в руки провод и идти искать обрыв связи. Прошел метров 300 и упал без памяти. В это время мне навстречу с батареей шел и искал обрыв связи мой товарищ, земляк из деревни Урайкино. Увидев, что я упал, он побежал ко мне. Со лба у меня текла кровь. Оказалось, что в лоб попал осколок, но кость не пробил. Земляк меня перевязал, и я пошел в медсанбат.

В медсанбате я лежал 46 дней – заболел малярией. Выписавшись 19 октября, я с двумя товарищами отправился догонять свою часть. Она находилась уже на Днепре, возле города Верхнеднепровск.

Первое ранение

14 ноября начали штурмовать Верхнеднепровск. Шли жаркие бои, потери были большие с обеих сторон. 17 ноября меня ранило. Мы находились на НП, расположенном на небольшой высоте. Враг нас обстреливал почти непрерывно. Около окопа вырыли себе окоп. В окопе, кроме меня, были командир дивизиона капитан Кравченко и солдат из Сызрани. Рядом разорвалась мина. Солдату оторвало обе ноги, капитану – левую руку, а мне достались небольшие осколки, ранило в ногу в трех местах и повредило левую руку. Вскоре пригнали лошадь, погрузили нас на повозку, повезли в медсанбат, где обработали раны, и на автомашине отправили в эвакогоспиталь в Днепетровск. Через 5 дней раненых повезли в товарных вагонах в Рязань. Здесь нас распределили по раз-

ным госпиталям. Меня отправили в Спас-Клепики Рязанской области, где я пролежал до 24 февраля 1944 года.

После излечения меня направили на сборный пункт в Рязань. Оттуда меня и еще несколько молодых парней забрал офицер из Рузаевки – там формировали бронепоезд.

В июне ко мне в Рузаевку приезжала мама. Из продуктов привезла немного хлеба, лепешки и дала 250 рублей денег. Она у меня погостила два дня. Перед отъездом мы сфотографировались. Я все время хранил эту фотографию, ей тогда было 50 лет, а мне 21 год.

Служба на бронепоезде

В состав эшелона бронепоезда, кроме боевой техники, входили также три вагона для солдат и офицеров, кухня, два вагона со шпалами и рельсами, подложками, шпильями, ломami и лопатами. Эти вагоны всегда устанавливались впереди бронепоезда с таким расчетом, чтобы в случае повреждения полотна железной дороги в результате бомбардировки быстро восстановить поврежденную часть. Вражеские самолеты часто бомбили и разрушали железнодорожное полотно, и нам приходилось подолгу стоять, пока не восстановим дорогу.

В июле 1944 года мы прибыли на фронт. Первую боевую позицию заняли у станции Броды недалеко от Львова. Ночью мы на двух бронепоездах подошли почти вплотную к передовой. Нашему расчету дали команду уничтожить два дота и еще несколько огневых точек, а затем поддержать пехоту. С рассветом мы открыли огонь, и вскоре пехота пошла в наступление. К 10 часам утра станция была освобождена.

По ходу продвижения к границе мы больше воевали с бандеровцами. Они убивали из-за угла офицеров и солдат, взрывали небольшие мосты. Когда нам сообщали местонахождение банды (обычно в какой-нибудь глухой деревне), мы ехали туда на машине. Для этих целей нам дали четыре «студебекера», бронемшины мы брали из расчета бронепоезда.

Припоминается случай, когда нам сообщили о том, что недалеко от Львова в селе Дубна находится банда численностью около 300 человек. На ее вооружении были ручные пулеметы и автоматы немецкого производства. Ночью мы окружили село. наших солдат было всего 17 человек. На рассвете банда наткнулась на нашу засаду. Многие бандиты были убиты, некоторые повернули обратно в село, остальные, обогнув засаду, побежали к лесу. Тогда наш командир дал распоряжение на бронепоезд, чтобы беглым огнем стреляли из орудий по окраине леса. Село

сожгли, бандитов почти всех уничтожили. Мы потеряли в том бою пять человек. Схоронили их недалеко от железной дороги, поставили памятник.

Конец войне

В конце декабря 1944 года командование решило форсировать Вислу и штурмовать город. 25 декабря после артподготовки по льду реки переправилась пехота, а саперы навели понтонный мост. К 10 часам утра пехота ворвалась в город, а через час по введенному мосту пошли танки и артиллерия. К полудню город был полностью освобожден. Дальше продвигаться не удалось: немцы успели перегруппироваться и подтянули свежие силы.

Наш бронепоезд простаивал на левой стороне Вислы, у разрушенного моста. Мы не сидели без дела, а воевали с бандеровцами на территориях Львовской, Луцкой и Ровенской областей. Много оружия оставили немцы бандитам, желая таким образом создать самостоятельную Западную Украину на освобожденной территории, где была установлена советская власть.

Однажды нам дали задание выселить жителей украинских сел, которые располагались около леса. Происходило это так. Села окружали и шли по домам. Проживающим объявляли, что им разрешается взять по 200 кг на человека, и определяли срок готовности к выезду. Грузили людей на автомашины и отвозили на станцию. Там сажали в товарные вагоны и отправляли в Северный Казахстан.

В конце марта 1945 года наш бронепоезд направили в сторону фронта в Германию. Наши войска уже дошли до Одера и готовились к форсированию реки. Одер неширокий, но немцы сильно укрепили противоположный берег.

6 апреля прибыли к городу Опель. Меня поразили дивные дачные места, маленькие, аккуратные домики, деревья, как на картинке. Все в цвету! А людей не было – жители ушли на запад. Их напугали, что большевики захватывают людей и отсылают в Сибирь, а кто сочувствует фашистам, тех расстреливают.

День Победы встретил в боях за Бреслау. Его гарнизон сдался только 9 мая. В день Победы в городе нечем было дышать. Погода стояла теплая, было много немецких трупов, и они разлагались.

Вечером 9 мая начался праздник. Столько было радости! Друг друга обнимали, целовались. Нашлось и вино. Повезло же остаться живым после такой Войны!!! Даже не верилось, что ужас кончился.

Курносые – значит задиристые

Всем нам дорого имя Нины Ивановны Никитиной, посвятившей свою жизнь краеведению, пропаганде истории и культуры родного Симбирского края.

Перед кончиной она просила друзей уничтожить ее личный архив. Однако некоторые дневниковые записи сохранились, и, по мнению ее коллег-библиографов, могут заинтересовать читателя, особенно те, которые относятся к периоду Великой Отечественной войны. Н.И. Никитина была призвана в армию в апреле 1942 года в зенитную часть, охраняющую Волжский мост. В 1943 году попала на центральный участок фронта. Дошла до победы, за боевые заслуги была награждена орденами и медалями. Предлагаем читателю два фрагмента из дневника Нины Ивановны.

Весна 1942 года

Шли дни, в институт я ходила от случая к случаю. А между тем в армию тоже не брали. Мне нравилось являться в аудиторию к 3-4-му часу свежей, румяной с улицы, беззаботной, веселой. Девчата за эти три часа занятий в подвале синели и с завистью смотрели на нас, будущих фронтовиков. Хотя это меня успокаивало, заглушало немного бешеную зависть – я так хотела учиться!

Поболтав с девчатами в перерыв, я перед носом преподавателя, шмыгнув в дверь, отправлялась в читалку или домой. Так с неделю. А потом снова взялась за ум.

Часто бывали в госпитале. 19-е, воскресенье, теплый весенний день. Я впервые надела летнее пальто и пошла к Зое. Там я услышала, что девчата «годны», уже пришли повестки, по-мрачнел день...

Уговорила Зою идти домой. Бегу к дому с замирающим сердцем. Повестки еще нет. Только вошла – несут. «Завтра являться». Вошла в комнату, легла на кушетку и немного поплакала. Услышала мамочкины шаги. Подошла к окну и высунулась в форточку. Лицо обдуло ветерком, и все в порядке.

Пошла в госпиталь. Там у меня несколько книг. Ребята удивлялись, сердечно прощались. Когда проходила мимо второго этажа – там пели «Прощальную комсомольскую». Ее же пели и на Гоголевской площади и еще где-то на улице. Мне показалось это необычным. Дома уже ждали. Мамочка пекла. Разговаривали, советовались, что взять на дорогу. Потом легла спать. Подумала, что сплю дома последний раз и тотчас же уснула. И не догадывалась тогда, что больше трех лет не буду я спать на своей узкой, жестковатой кровати. И сколько раз за эти три года буду совсем не спать или спать кое-как.

Утром собрались. Мамаши пошли на пересыльный, а я и Тая в институт. Было еще рано, директора не было. В

коридоре столкнулась с Щербатюком, поговорили полшутя, полусерьезно. Он сомневался, что из меня получится воин: «Хотя, впрочем, у тебя курносый нос, и получится солдат, может быть, – курносые задиристые». Это правда – иногда я бываю боевая – когда я в хорошем коллективе и всем трудно, тогда я задираю нос и мне делается нетрудно и интересно. Тогда бывает две меня – одна со всеми переживает трудности, но переживает весело, т.к. знает, что второе «я» смотрит со стороны, все запоминает и потом будет вспоминать это время с веселым смехом. Гораздо интереснее вспоминать комичное, чем совсем ничего не вспоминать, ведь хорошее проходит быстро и бесследно.

В армии я хандрила месяц-полтора, а в остальное время только часами и днями.

Начало 1943 года

Приближался День Красной Армии. Все было как обычно. Поверка боевой и политической подготовки. Комбат устраивал поголовный опрос по всем дисциплинам. Днем проверяли огневую и матчасть, а вечером силуэты, стрелковую и матчасть на схемах. Огневую и матчасть проверял и техник по приборам из дивизиона...

23 февраля решили отпраздновать в столовой: электрифицировали, поскоблили со стен лед, устроили сцену, из одеял занавес. Играли какую-то пьесу. Играли Шаров, Лишанин, а вот кто играл девушку не помню. Пришли к нам гости из дивизиона. Зам по п/ч и девушки. Среди них радистка, поклонница Колесникова.

Этот вечер прошел довольно весело, играли в почту, танцевали. Правда, я не танцевала, хотя Колесников не раз тащил меня танцевать. Я отбрыкивалась. Потом прицепилась Аська и Петр Федорович (артмастер) – один из моих приятелей. Петр Федорович предложил мне пива, а Аська схватила стакан и выпила его за меня, про-

изнеса пышный тост. И сразу опьянела. Потом П.Ф. признался мне, что смешал пиво с водкой, так как знал, что я много не пью. Получилось, что Аська, сама того не зная, выручила меня.

Приказом по полку присвоили мне звание младшего сержанта и всякие благодарности от командира дивизиона. А нам с Валькой Шаровым еще и от командира дивизионного района. На другой день утром собрали сержантов и проинструктировали, а потом ребята торжественно вручили мне треугольнички. Комбат в виде награды выписал мне увольнительную в город. Ребята нацепили мне треугольнички на петлички шинели, и я побежала в город.

Изо всего похода запомнился лишь один факт: на Куйбышевской улице, там где скверик с Лениным и комендатура, встретился мне очень пожилой красноармеец и первый поприветствовал меня, да по всем правилам – три шага строевым, поворот головы и т.д. Я так растерялась, что и поздоровалась, и поприветствовалась.

Вечером, когда в нашей землянке собрались и ребята, и офицеры, прибежал Виктор Крылов и каким-то запыхавшимся, испуганным голосом крикнул, что комбат вызывает меня. Я побежала за ним в столовую. Влезаю. На столе батарея стаканов, и комбат в окружении сержантов сидит и улыбается. Я метнулась обратно к двери. Но там уже стоял старшина и припирал дверь – не выпустит. Пришли братья-грузины, комбат пригласил к столу. Усадили и меня. Произносили тосты. За меня пили, за тех, кого раньше произвели пили, за братьев-грузинов пили...

Климова перевели в дивизион старшиной. На его место поставили Аню Завертяеву. Таким образом, командирами дальномеров стали девчата.

На фото Н.И. Никитина, 1943 год

Участники войны нередко вспоминают о самых тяжёлых годах своей жизни как о самом счастливом времени. Ценность прожитых лет и состоит в осознании значимости когда-либо совершённых поступков и событий, сквозь которые прошла линия судьбы. После Победы, увы, далеко не всем удалось найти себя в мирной жизни, сделать всю её такой же яркой и памятной, как военные годы.

Миг между прошлым и будущим

Наш земляк, Евгений Александрович Сиголаев, был кадровым военным. До войны он закончил Ленинградское военное училище и стал офицером-связистом. Медали, в том числе, боевые – «За оборону Киева», «За освобождение Праги», «За взятие Берлина», «За победу над Германией» – свидетельствуют о его долгом и трудном пути по дорогам войны. Со своей будущей супругой, Александрой Леонидовной, он познакомился вскоре после окончания войны – в Австрии... Он почти не рассказывал о своей военной биографии, даже родственникам и друзьям. Дело здесь вовсе не в том, что рассказывать было не о чем... Дело в том, что его послевоенная жизнь была наполнена яркими событиями и не оставляла времени предаваться воспоминаниям.

После демобилизации в 1946 году Евгений Александрович вернулся в Ульяновск и устроился работать на единственный в городе радиоузел. Потом он восстанавливал радиоузел в Сенгилее, благо, был с собой целый чемодан трофейных радиодеталей. Там же родились две дочери. Казалось, жизнь идёт своим чередом, и едва ли будет возможность сделать что-либо действительно выдающееся... Но многочисленные таланты и страсть к самообразованию не давали ограничиться двумя обычными основами жизни – семьёй и работой.

Александр Васильевич Сиголаев (отец Евгения Александровича) был известным в Симбирске и Ульяновске человеком. До революции он был регентом церковного хора, а впоследствии руководил русским народным хором, который был известен не только в Ульяновской области, но и гастролировал по всему Советскому Союзу. Музыкальные способности в полной мере передались от отца к сыну. Люди, знавшие Евгения Александровича в 1950-60-х годах, утверждали, что он мог сделать музыкальный инструмент из чего угодно – хоть из пилы, и это – не

считая профессионального владения аккордеоном, контрабасом, банджо, гитарой, фоно...

Евгений Александрович работал над оборонными проектами сначала на радиоламповом заводе, потом – на механическом. О том, что он был не рядовым инженером, говорят многочисленные свидетельства об изобретениях, но «физик» в нём легко уживался с «лириком». Вокальный ансамбль, которым он руководил, не раз удостоивался наград на областных смотрах самодеятельности. Джазовый коллектив, который он создал, был популярнее в городе, чем иные приезжие знаменитости. Документальные фильмы любительской киностудии, в создании которых он участвовал, занимали призовые места на всесоюзных конкурсах. Помимо всего этого, он успевал играть за заводские команды по волейболу, футболу и водному поло.

Последние годы его жизни были насыщены событиями не меньше, чем те, что принято считать «порой расцвета».

В 1976 году в Ульяновске возник клуб самодеятельной песни, и одним из его основателей стал Евгений Александрович. Именно тогда развернулся в полной мере его организаторский талант. Вскоре после создания клуба в Ульяновске прошёл фестиваль, о котором вспоминают до сих пор как о чём-то феерическом и невозможном – «Гамбургский счёт». В качестве участников конкурса на нём выступили такие барды как Леонид Сергеев, Александр Суханов, Вероника Долина, Александр Дулов и многие другие, чьи имена стали чуть ли не легендой. Впрочем, конкурсанты сами же были и членами жюри. В бытность Евгения Александровича президентом КСП масштабные фестивали авторской песни проводились в Ульяновске ежегодно, концерты бардов – практически каждый месяц, и всегда при переполненных залах. Его упорство и дар убежде-

Евгений Александрович Сиголаев в Вене, 1945 год

ния позволяли порой делать невозможное. 25 декабря 1981 года именно в Ульяновске прошёл первый в стране вечер памяти Владимира Высоцкого – не на кухне, а в тысячном зале, куда, впрочем, смогла попасть едва ли треть желающих. Он вовсе не ломился в начальственные кабинеты с орденскими планками наперевес, хотя, конечно, его авторитет как ветерана войны тоже играл свою роль. Он умел находить общий язык с людьми, не зависимо от занимаемой должности, при этом не поступаясь собственными принципами.

Кстати, в тот период его жизни, никто уже не видел в руках Евгения Александровича гитары или другого музыкального инструмента – он делал только то, что кроме него никто сделать не мог, справедливо считая, что каждому делу – своё время. Видимо, по той же причине он старался не слишком оглядываться в военное прошлое. В январе 1984 года его не стало. Он умер внезапно, от сердечного приступа, и всем, кто его близко знал, было трудно в это поверить. Казалось, человек такой неиссякаемой энергии и светлой души должен жить вечно. Судьба отпустила ему не слишком много лет – всего 64, но каждый из них по своей насыщенности и полноте был сопоставим с целой человеческой жизнью.

Казалось, такая широта интересов и обилие дел не могли оставить времени семье, детям... Но и своим близким он отдавал себя целиком. Его дочь, Елена Евгеньевна, до сих пор вспоминает семейные прогулки на Свяягу, занятия гимнастикой и плаванием, душевные разговоры на самые разные темы, обогащающие разум и согревающие душу. Лишь об одном она сожалеет – что её сыну было всего пять лет, когда Евгения Александровича не стало, и дед не успел передать внуку все сокровища своего сердца и ума.

Сергей Юрьев

Начался сентябрь 1941 года. Немцы вплотную подошли к Ленинграду. Мы не решились уехать из города. Не так просто семье из семи человек сняться с места, оставить квартиру и всё, что в ней есть, и уехать неизвестно куда.

Многие отказывались от эвакуации. Большинство были уверены, что война продлится недолго. А если затянется, то не страшно: на Бадаевских складах запасов продовольствия на десять лет хватит.

Немцы бомбят не только наш город, но и другие города, деревни и железнодорожные станции, эшелоны с эвакуированными и даже санитарные поезда с ранеными. Неизвестно ещё, где скорее умрём: дома или в дороге.

По городу пролетела тревожная весть: Бадаевские склады горят! Официальных сообщений нет. Одни говорят, что от бомбы загорелись, другие, что диверсанты подожгли.

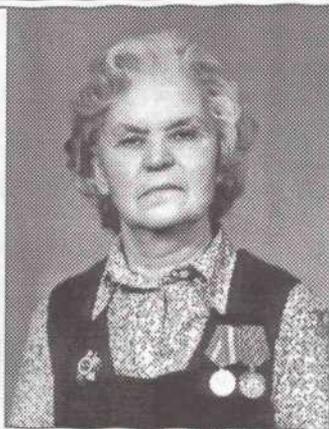
Сколько продовольствия сгорело на Бадаевских складах, сколько чего удалось спасти — мы так и не узнали. Но последствия пожара вскоре отразились на наших желудках: за сентябрь дважды снижались нормы выдачи хлеба по карточкам. По сравнению с августом снижены нормы на крупу и мясо.

Несмотря на частые бомбёжки, в бомбоубежище мы не бегаем: нет никакой возможности, тем более, что в нашем доме такового нет.

Идёт морозный, метельный ноябрь. Дважды сокращались нормы выдачи хлеба. Последняя норма: рабочим 250 граммов, остальным — 125. Продукты получили частично, совсем ничтожное количество.

Осунулись, посуровели лица людей. Вместо улыбок на них тревога. Эвакуироваться сейчас уже нельзя: все дороги перерезаны. Ленинградцы стали умирать от голода.

Наш район обстреливается из дальноточных орудий. Снаряды высоко поперёк перелетают Лесной проспект, и пешеходы спокойно идут по своим делам, в том числе и я. Вдруг над головой оглушительно трахнуло, посыпались осколки со свистом. Один упал у моих ног, проделав дырку в снегу. Я не успела ещё сообразить ничего, быстро наклонилась и сунула руку в дырку, но обожглась. Полождав пока ос-

Блокадный дневник

Никифорова Клавдия Ивановна - участница Великой Отечественной войны, пережившая блокаду Ленинграда, награждена медалью «За оборону Ленинграда». Ее дневник хранится в Музее-мемориале им. В.И. Ленина. Публикацию подготовила внучка Клавдии Ивановны - Анна Власова.

колок остынет, я взяла его и стала рассматривать. Он был большой и тяжёлый, испещрённый множеством острых граней. Проходившая мимо женщина сказала: «Смерть-то рядом упала, а в тебя не попала».

Я положила осколок в карман, на память, но он мешал мне, и я выбросила его в снег. Снаряд по какой-то причине взорвался в воздухе.

По просьбе мамы ходила в детскую молочную кухню за питанием для маленького Серёжи. Кухня оказалась на замке. На двери приклеена половина тетрадного листа в клетку с написанными карандашом двумя словами: «Кухня закрыта»... Потом вышла со двора женщина-дворник и объяснила, что кухня закрыта совсем, молочных продуктов больше не будет. Медленно и молча расходились люди по домам. Каждый понимал, что закрытие кухни — смертный приговор для грудных детей: у матерей от истощения молоко пропало.

Впервые увидела, как человек умирает от истощения. Стояла я в очереди за хлебом, на улице. Впереди упала мо-

лодая женщина. Попробовали поднять её. Но она словно одеревенела вся, будто сковало её сразу стоградусным морозом. Оставили лежать на снегу. «Скорую помощь» теперь не вызывают, да и незачем: ничто эту женщину уже не спасёт. Получив хлеб, я остановилась на мгновение возле женщины. Глаза её неподвижно устремлены в небо.

Возвращаюсь с работы. Поднимаюсь по лестнице нашего подъезда ощупью, в сплошной темноте. Наткнувшись на человека, едва не упала. Достала из кармана коробок, зажгла спичку. На ступеньке, привалившись к стене, сидел наш сосед Алексей. Руки лежат на коленях. Веки глаз слегка опущены. Он мёртв. Несколько метров не дошёл до своей квартиры. Семья его эвакуировалась в начале войны, он жил один. Никогда его родные не узнают, как он умер.

Уходя утром на работу, я жгла спички, чтобы не споткнуться о соседа, спавшего на лестнице вечным сном. Днём его убрали бытовики (так мы называем бытовые дружины).

Отчим принёс плитки какого-то клея, из него варим кисель. Запах у киселя отвратительный.

Начала работать «Дорога Жизни» через Ладожское озеро. В конце декабря прибавили хлеба: рабочим теперь будет 350 грамм, остальным — 200 грамм. Но продуктов получили совсем мизерное количество.

Смертность растёт с каждым днём.

Иду на работу. Впереди, тяжело шаркая ногами, бредёт мужчина. Сразу за навесным железнодорожным мостом, пересекавшим Лесной проспект, на сугробе сидел старик с палкой в руке. Он странно весело улыбался. Улыбка выглядела нелепо на землисто-сером лице с ввалившимися глазами и щеками. Мы остановились.

- Вы чего? — спросил мужчина с недоумением старика.

Тот рассмеялся громко, скорчив гримасу.

- Господь-то! Господь-то! — твердил он, указывая головой в небо и лукаво подмигивая. — Рехнулся! — С досадой заключил мужчина, и мы пошлагали дальше.

Вслед нам слышался ехидный смех — старик потерял рассудок. Теперь это нередкое явление и среди взрослых, и среди детей.

Начиная с октября 1941 года, мы мясо совсем не получали. То яичный порошок, то какое-то подобие студня, то рыбу, то совсем ничего. Хоть бы жиры да сахар дали полностью, да крупы какой-нибудь хоть частично. Смертность растёт катастрофически. Люди падают по дороге на работу и с работы, в очередях за хлебом, у станков.

Отчим принёс куски каких-то шкур. Мы резали их на мелкие кусочки и варили похлёбку. Сложив руки он не сидел. Добирался до железнодорожных станций, на которых находились порожние вагоны для перевозки муки. Ему удавалось наместить щёткой на полу немного драгоценной пыли.

Часто приглядываюсь я к окружающим меня людям. Поражаюсь их мужеству, выдержке, стойкости. Страшные испытания не сломили их духа. Я никогда не слышала ни жалоб, ни роптаний, ни сомнений. Силы убывали, а человеческое достоинство оставалось. Дисциплинированность и организованность наблюдаются постоянно.

Ранним утром стою в магазине за хлебом. Помещение освещается коптилками. Молча двигаются друг за другом уставшие, обессиленные люди. При скудном свете коптилок тёмные их лица с свалившимися щеками и глазами похожи друг на друга. Кажется, что это не люди, а призраки, выходящие с того света.

Вот одна женщина-призрак отошла от весов, держа на ладони кусок блокадного хлеба. Она смотрела на этот хлеб несколько секунд, склонившись голову над ладонью. Крупная слеза, сверкнув в отблеске коптилки, упала на кусок. Повернувшись спиной к очереди, женщина быстро съела свой суточный паёк.

Отсутствие воды мучительно. Невадалеко от нас. С каждым днём вёдра становятся тяжелее. Отчим приделал проволоку к большим жестяным банкам из-под меланжа, но и они скоро станут не под силу. Придётся таять снег.

От стирки и мытья пришлось отказаться: чтобы натаять воды для этого, нужно несколько раз сходить за снегом. Истощённому человеку это не по силам. Появилось множество вшей. Откуда только они берутся? Завшив-

ленное бельё сжигаем в «буржуйке». Бани и прачечные не работают.

Отчим рассказал: в одной из квартир нашего двора остались в живых старая бабушка и внук пяти лет.

Ложась спать, бабушка прижимала ребёнка к своему телу, чтобы он не мёрз во время сна. Однажды ночью бабушка умерла. Рука, обнимавшая внука, застыла вокруг его тела. Сам по себе дистрофик, умерев, окаменеваёт, да ещё в квартире холоднее, чем на улице. Проснувшись, ребёнок не мог освободиться из объятий мёртвой бабушки, начал кричать: «Бабушка, пусти! Бабушка, пусти!» На его счастье, не все соседи умерли. Услышав крик ребёнка, поспешили ему на помощь. Мальчика отнесли в детский дом.

Шла вечером с работы. Когда поравнялась с Выборгским универсамом, вдруг услышала: «Стой!» Со двора вышли двое мужчин. Я остановилась на мгновение, потом, испугавшись, быстро пошла дальше, часто оглядываясь. Пешеходов на проспекте, кроме меня, не видно было. «Стой!» – приказали мужчины, следуя за мной. Я побежала. Один из них остановился, другой стал догонять меня. Поверх шапки у меня повязана была шёлковая шаль с кистями. Мужчина схватил за шаль рукой. Я в ужасе равнулась, закричала: «Помогите! Помогите!» Шаль выскользнула у него из рук, и я помчалась что было силы, как говорят, на втором дыхании. Преследователь отстал.

Остановившись, чтобы отдышаться, я вдруг почувствовала страшную слабость, ноги дрожали. С трудом добрела до дому. Рассказала всё своим. Мама предупредила: «Не ходи одна по вечерам, а то съедят ещё».

Наверное, это были охотники за карточками. Карточек я с собой никогда не брала. Начиная с января 1942 года, взамен утерянных и украденных другие не выдавали. Оставшийся без карточек блокадник или семья обрекались на верную смерть. Законы блокадной жизни суровы!

Голод разрушительно действует на психику и сознание. Одни лишаются рассудка, другие отнимают хлеб у ближнего, спасая свою жизнь. Но большинство нашли в себе мужество сохранить человеческое достоинство и не потеряли чувства долга перед обществом и Родиной.

Те, кто падал замертво у станка, по дороге на работу или с работы, совер-

шили подвиг, равный которому трудно сыскать. Невозможно понять, а нужно лишь на себе испытать, что такое голодная смерть. Это не просто смерть, а медленное, мучительное умирание, сопровождающееся постоянными, изматывающими муками голода.

Блокадники – существа бесполое. Никакого тяготения, интереса или любопытства к противоположному полу нет. Полнейшее равнодушие.

До войны смерть человека являлась выдающимся горестным событием. В последний путь провожали со слезами и причитаниями. Многие боялись покойников, в том числе и я.

Теперь ни дети, ни взрослые ничего не боятся: спят рядом с мёртвыми, работают рядом с мёртвыми, шагают и спотыкаются через них. Никто не содрогается при виде умирающего на дороге человека. Сердце у нас есть, а души нет. Она умерла или уснула на период тяжких, невыносимо тяжких испытаний. В связи с физическим истощением тела истощилась и нервная система. А может быть, эта бесчувственность – защитная реакция организма в ужасающих условиях блокады с целью сохранения и выживания? Отойдут ли души тех, кто выживет, возродятся ли человеческие чувства: радость, сострадание, жалость, любовь, – узнаем лишь после войны.

Ранним туманным утром, проходя мимо детского дома, заметила, что от зелёного деревянного забора, окружавшего дом, почти ничего не осталось: разобрали на топливо. Подойдя поближе, поняла, почему уцелела часть досок: к забору складывали умерших детей. Они лежали большой, беспорядочной кучей. Ломавшие забор не посмели взять все доски, боясь, что куча рассыплется.

До предела исхудавшие тельца застыли в самых разнообразных позах: сидя, лёжа, свернувшись калачиком. Они промёрзли насквозь, превратились в куски льда. Куча припорошена снегом. Из-под снега местами высывались то тоненькая ножка, то ручка-сосулька, то стриженная головка. Я не нахожу слов, чтобы описать подобно это фантастически страшное зрелище. Мало чем можно удивить нас теперь, мы ко всему привыкли. Но эта свалка мёрзлых детских тел потрясла до глубины души. Остановилась прохаживая мимо женщина. Потрясённая увиденным, она воскликнула с гневом: «Неужели есть Бог?»

Машина на все времена

Первые эшелоны с оборудованием Московского автомобильного завода прибыли в Ульяновск на станцию «Киндяковка» осенью 1941 года. Без грузоподъемных механизмов люди разгружали многотонные станки, затаскивали их под крышу. Нужно было в кратчайшие сроки пустить завод, чтобы поставлять фронту необходимую продукцию. Полторы тысячи москвичей за два месяца – ноябрь и декабрь 1941 года – разгрузили свыше двух тысяч платформ с оборудованием.

Первые автостроители приступили к работе на территории таможенных складов завода «Металлист». Они сделали все возможное, чтобы уже в феврале 1942 года первые десять машин «ЗИС-5» были собраны и отправлены на фронт. Постепенно темпы сборки автомобилей возрастали – с пяти до пятидесяти машин в сутки. В 1942 году на фронт были отправлены 1893 автомобиля.

«ЗИС-5» был автомобилем надежным, легко заводился в холода и довольствовался любым бензином. Он состоял из 4,5 тыс. деталей. Разобрать или собрать его можно было, пользуясь минимальным количеством инструментов. Автомобили «ЗИС-5» в годы Великой Отечественной выпускались без передних тормозов, бампера, правых фар, хромированных деталей облицовки. Не обладая повышенной проходимостью, «ЗИС-5» тем не менее успешно преодолевал размокшие грунтовые дороги и заснеженные проселки, и стал незаменимой машиной советских войск. А создавали эти автомобили ульяновцы, в большинстве своем – молодежь.

Трудились под девизом: «Работаем сегодня лучше, чем вчера, а завтра лучше, чем сегодня!». Весной 1943 года, когда наша армия громила немцев на Украине, бригады автостроителей Ульяновска боролись за присвоение звания «фронтовой». Всего этой высокой чести на заводе удостоились 13 бригад. Молодые ребята, почти девчонки и мальчишки, трудились не покладая рук, по неделям не выходя из цеха, работали по 12-14 часов в сутки. Плохо было с теплой одеждой, пита-

нием. Были случаи, когда ребята обмораживались. Они отправляли на фронт теплые вещи. Автостроители внесли более 300 тысяч рублей своих личных сбережений в фонд Верховного Командования.

В 1943 году Государственный комитет обороны принял решение о строительстве автомобильного завода в Ульяновске. Было выделено 200 га земли за рекой Свиягой под промышленное и жилищное строительство.

Наряду со строительством производственных цехов, была поставлена еще одна задача – построить ТЭЦ. 3 марта 1944 года все, как один, автостроители вышли на рытье котлована под ТЭЦ, которая должна была дать тепло строящемуся Засвияжью.

В 1944 году по решению ГКО автомобиль «ЗИС-5» передавался в Миасс. Перед коллективом завода встал вопрос: какой автомобиль выпускать. Группа энтузиастов и руководство отстаивали свою модель автомобиля. Заводу было предложено производство дизельного грузовика «УАЗ-253», разработанного нашими конструкторами. Именно для этого автомобиля и строился автозавод.

В канун первого мая 1944 года был изготовлен первый опытный образец этой машины, которой в то время в стране не было равных. На первых испытаниях 3,5 тонная машина показала отличные динамические качества. Это была большая трудовая победа ульяновских автостроителей. Но, к сожалению, все технические документы на этот автомобиль были переданы в Новосибирск.

Всего за годы войны автозавод выпустил 7260 автомобилей «ЗИС-5» и почти 20 тысяч двигателей.

Около 500 автостроителей были награждены медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны».

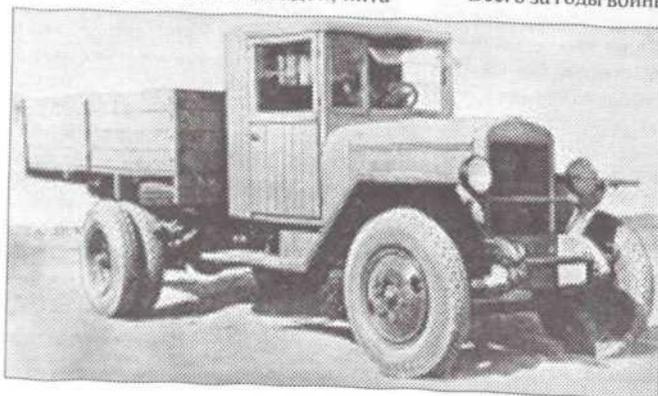
Но не толь-

ко в тылу боролись за свободу своей страны автостроители. На фронтах Великой Отечественной сражались сотни солдат, которые свою дальнейшую мирную жизнь связали с ульяновским автомобильным заводом. Они бились с врагом на самых различных фронтах, участвовали в исторических сражениях, от исхода которых зависела дальнейшая судьба Родины. Танкистами, пехотинцами, артиллеристами и разведчиками, летчиками и саперами были на войне автостроители. Все они были награждены боевыми орденами и медалями, а двое – И.Н. Бурмистров и Н.Н. Чижиков – удостоены звания Героя Советского Союза.

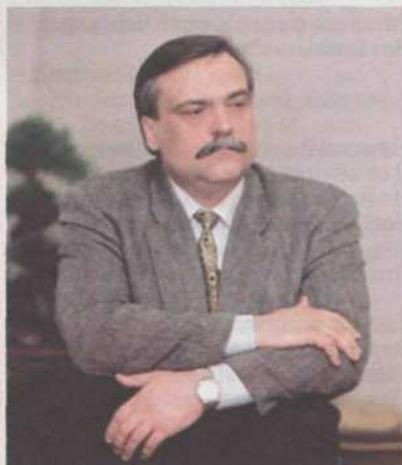
Со дня Победы прошло 60 лет. Автомобиль с деревянной кабиной сменили новые машины, способные удовлетворить самые высокие требования покупателя. В ноябре 2003 года на Ульяновском автозаводе начался серийный выпуск внедорожника «UAZ Hunter». В июле 2005 года на производстве будет поставлен «UAZ Patriot», который озаменует для Ульяновского автомобильного завода начало новой эпохи. Прогрессивная конструкция автомобиля, использование высококачественных импортных комплектующих, кардинальное изменение подходов к сборке новой модели позволяют УАЗу создать машину принципиально нового уровня как по потребительским характеристикам, так и по надежности. И это будет совершенно другая история. А тот легендарный «ЗИС-5» занял почетное место в музее автомобильного завода.

Прошло 60 лет. Сегодня в цехах завода практически не осталось тех, чья юность пришлась на те страшные годы, тех, кто видел кровопролитные бои Великой Отечественной войны, тех, кто, не жалея себя, трудились на благо страны и народа. Но остается память. Завод не забывает своих героев. В этом году УАЗ поздравляет с Днем Великой Победы 280 участников Великой Отечественной войны и 800 тружеников тыла. Заводчане по сей день хранят в своих сердцах воспоминания о подвиге отцов и дедов, подвиге, который был совершен ценой невероятных усилий.

Елена Головина

Дорогие ветераны войны и труда!

Генеральный директор ОАО «УАЗ» Виктор Ключай

Герои УАЗа

Иван Николаевич Бурмистров родился 24 февраля 1920 года в селе Норовка Цильнинского района в крестьянской семье. Война застала его в Забайкалье, где он проходил военную службу. В составе своей части был направлен в Подмосковье. Служил в пехоте. Боевое крещение принял в Тихвине во время ожесточенных боев в Подмосковье. После ранения окончил курсы связистов и был направлен в 78-ю Гвардейскую стрелковую дивизию 7-й армии, дислоцировавшуюся под Белгородом, в составе которой он и прошел весь дальнейший боевой путь. Золотую Звезду Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина он получил за участие в операции по форсированию Днепра. В ночь на 25 сентября 1943 года в районе с. Домоткань (Днепропетровская область), с группой связистов из семи человек он, переправившись под огнем противника на правый берег Днепра, проложил кабельную линию связи и передал данные для корректировки огня артиллерии и в течение всей операции обеспечивал бесперебойную связь батальона с командованием полка, что сыграло неоценимую роль при отражении контратаки противника. Воюя с фашистами, он не знал, что за свой подвиг был представлен к высокому званию. Лишь после войны в 1946 году в Кремле ему торжественно вручили эту высшую правительственную награду. После войны Иван Николаевич трудился на Ульяновском автомобильном заводе - в Управлении главного

В канун 60-летней годовщины Великой Победы от всего сердца хочется поздравить Вас с этим праздником!

Война стала для русского народа тяжелым и жестоким испытанием. Вы, фронтовики и труженики тыла, ценой нечеловеческих мук, ценой здоровья и жизни отстаивали свободу страны и наше будущее.

С честью пройдя через тяготы и лишения Великой Отечественной войны, послевоенного восстановления народного хозяйства, вы и сегодня в строю, проводите большую работу по воспитанию у подрастающего поколения чувства патриотизма и гражданственности, ответственности за свою страну.

Желаю Вам, дорогие ветераны, крепкого здоровья, долгих лет достойной жизни, благополучия и чистого мирного неба над головой. Спасибо за ваш подвиг. Низкий поклон всем, кто жив, и светлая память тем, кого нет с нами.

конструктора. Вел большую работу по воспитанию патриотизма у молодежи.

Стефан Иванович Галлером в августе 1942 года, скрыв свой реальный возраст (ему тогда было всего 17 лет), добровольцем ушел на фронт. В этом же году под Сталинградом, в ночь с 19 на 20 ноября, он получил тяжелое ранение. Около года провел в госпиталях. Летом 1943 года - снова на фронт. При наступлении на Кривой Рог (форсирование Днепра) был серьезно ранен, взят в плен и отправлен в концлагерь Бухенвальд, затем - в Дахау. После освобождения в апреле 1945 года лечился, а потом был направлен на

службу в автополк. В марте 1946 года его демобилизовали. За храбрость и отвагу он был награжден орденом Отечественной войны I степени, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией».

В 1946 году приехал в Ульяновск, устроился на автозавод, работал в цехах шасси, ковкого чугуна, кузнечном, механическом. В 1985 году Стефан Иванович ушел на заслуженный отдых, но продолжал работу до 1989 года в центральной заводской лаборатории.

В январе 1943 года **Олега Анатольевича Азбукина** 17-летним юношей призвали в армию, в Ульяновское пехотное училище, окончив которое в июне, он был направлен в 12-ю гвардейскую воздушно-десантную бригаду командиром взвода разведки. Ему довелось воевать на Карельском, 3-м Украинском фронтах. С боями прошел Финляндию, Венгрию, Болгарию, Югославию, Румынию, Австрию, южную Германию, Чехословакию. Был пять раз ранен. Счастливая случайность спасла его от смерти в Финляндии: выполняя задание, отделение разведчиков, которым командовал Олег Анатольевич, попало под обстрел. Шесть десантников погибли, выживших вечером следующего дня расстреляли. Но случилось чудо. Олег Азбукин очнулся от того, что нечем было дышать. Раскидав землю, десантник смог выбраться из неглубокой могилы и спастись.

В ноябре 1945 года Олега Анатольевича из-за полученных ранений демобилизовали из армии. А в 1979 году фронтовик стал завучем ГПТУ №7. Олег Анатольевич Азбукин награжден 4-мя орденами и 18-ю медалями.

Рис. Л. Нецветова

ПОЛЯ

Поля, поля под серым зимним небом,
Под призрачным покровом тишины...
Спокойной силой будущего хлеба
Вы снова до краев напоены.

Лелеять жизни главную основу,
Казалось, вам от века суждено.
Но помнят люди поле Куликово
И в памяти хранят Бородино.

И в дни того, победного, Салюта
Россия вспоминала неспроста,
Как опалая «сеча, зла и люта»
Никем не покоренные места.

Во имя правды, вольной жизни ради
Вы делались погостом для врага,
На вас дрались Кутузовские рати,
И разгибалась Курская дуга.

Кто думать мог, что здесь пора настанет
Великое сражение вершить,
И маленькая Прохоровка станет
Судьбой России: жить или не жить...

Но шли в атаку танковые роты
Там, где еще недавно рожь цвела...
В какие после севобороты
Войдут поля, сожженные дотла?

Они вошли в историю по праву,
Себя не пощадив на той войне,
Чтоб разделить и с Бородинским славой,
И с Куликовым полем – наравне!

...Не все отпыхали войны,
Еще немало на планете бед,
Но так поля российские спокойны,
Что чудится – спокоен целый свет.

И спят они в пушистом облаченьи,
Полны делами завтрашнего дня,
Извечное свое предназначенье
Так трепетно и бережно храня...

ПОНЫРИ

*Грели в долах и лесах
Бои с зари и до зари.
Орел и Курск – как на весах.
А посредине – Поньри.
Евг. Долматовский*

Он смотрит, отрешенно и зорко,
Как детишки с цветами спуют,
И безмолвная «тридцатьчетверка»
Обретает последний приют.

Курская дуга

Он в отставке давно – не в запасе,
Что ж ты, память? Сказать помоги,
Что творилось на северном фланге
Разгибаемой Курской дуги.

Это после уже, как по нотам,
Разобрали тот огненный ад...
Но торопит девчонка с блокнотом:
– Много ль наших тут было солдат?

И какие вы приняли меры,
Стоя здесь, у врага на пути,
Чтобы «тигры» его и «пантеры»
Дальше вас не сумели пройти?

Что ответить?
...Со сдернутой каской
Он лежал в том бою роковом,
Прикрывая тяжелую связку
Набухавшим в крови рукавом.

И, набрав на ходу обороты,
Одолев невысокий бугор,
По остаткам раздавленной роты
Самоходка лупила в упор.

Да и было ему, лейтенанту,
Приподняться навстречу огню –
Все равно, что тому «Фердинанду»
Прошить лобовую броню.

Но стрелял и ругался ершисто
Каждый камень, казалось, и куст.
Поднялись, кто живой, и фашисты
Перекрыли дорогу на Курск.

Чем уж эту дорогу мостили,
Страшно вспомнить.
А чтобы забыть...
– Вот уж так, – говорит, –
не пустили.
Не могли мы его пропустить.

ЛЕТОМ 1983 ГОДА

Где - в музеях,
где - на обелиске,
Где и на квадратиках литых –
Общей скорби памятные списки,
Лики новоявленных святых...

Тот же случай
лишь сперва казался странным,
Но как символ до сих пор живет во мне:
День под Белгородом.
Встреча ветеранов.
В старой школе снимки на стене.

Земляки, односельчане, братцы –
Те, кто в горькую землю лег навек:
Семь Петровых. Струковых двенадцать,
Карнауховых – шестнадцать человек.

Не забылось, не утихло это горе –

Григорий Медведевский

Разве что уже не хлещет через край.
Вот Владыкины –
Егор, Иван, Григорий,
Афанасий, Дмитрий, Николай...

Николай Владыкин... Отчего-то
Я от снимка отвести глаза не мог
И заметил, что глядит на это фото
Ясноглазый и серьезный паренек.

Что тянуло их друг к другу
в старой школе,
Там, где прошлое не поросло буйлем?...
Вдруг послышалось в дверях:
– Владыкин! Коля!
Ты куда запропастился? Мы же ждем!

Вздрыгнул я и в снимок
впился взглядом:
Что же это? Где? В каком году?
А серьезный паренек,
стоявший рядом,
Повернулся и откликнулся: «Иду!»

ПАМЯТЬ

*Ни в одной стране мира нет такого
количества безымянных могил.
Из газет.*

В стороне от асфальтовых
звонких дорог,
У зеленой лесной полосы,
Чуть приметен,
остался с войны бугорок –
То в снегу он, то в каплях росы.

Там растет по весне молодая трава,
Наливается соком земли,
И березки хмельные плетут кружева,
И моторы рокочут вдаль.

Не поставлены здесь обелиски пока,
Нет надгробья из мраморных плит –
Только душу все так же сжимает тоска,
Так же горестно сердце болит.

Озаботили крепко хозяйство и быт,
И почетная смерть на миру...
Что же мы заклинали:
«Никто не забыт...» –
Если косточки тлеи в бору?

В сотнях новых печальных
и памятных дат
На погосты сойдет тишина,
Но пока не закопан последний солдат,
На земле не затихнет война...

Приходи же, товарищ, почаще сюда
И бывшее в душе воскресит.
Пусть рубином фанерная светит звезда
Над просторами вечной Руси!

1985-2000 гг.

12 февраля 1943 года

Мороз, метель, дорога фронтовая
Солдат уводит в синий горизонт,
Сторевшие деревни остывают,
Вдали за лесом громыхает фронт.

Идут полки печальной вереницей
За строем строй, в глазах солдат тоска.
Огнём пожарац высвечены лица,
А где же этот финиш марш-броска?

Матросов Саша видит пепелища,
Он видит смерть детей и стариков.
И мысленно с врагом он встречу ищет,
Утраивая силу кулаков.

Глаза его сверкают гневом жгучим,
В глазах темно, и на закате дня
Идёт солдат в строю, а снег скрипучий
Озвучивает всполохи огня.

Скорее бы дойти до вспышек боя,
Скорей бы встретить на пути врага.
А небо над колонной голубое,
А под ногами мечется пурга.

Четвёртый день идёт в строю пехота,
Четвёртый день усталость на плечах.
Горячей пищи похлевать охота,
И пальцы ног озябли в кирзачах.

Но вот сегодня марш-бросок окончен.
В землянке тёплой греются бойцы.
А взрывы мин всё ближе и всё звонче,
Земля кусками в стороны летит.

И непривычно слушать взрывы эти,
Глаза солдат тревогою блещат.
А завтра снова утром на рассвете
Над полем боя пули засвистят.

Когда бойцы пойдут в атаку смело
Встречая грудью дикий шквал огня.
Пусть немцы бьют из пушек очумело,
Пусть взрывы смерти тут и там звенят.

Но русский воин не боится смерти.
Он в бой идёт за Родину свою.
И я, друзья, сегодня о бессмертьях
О подвиге в стихах своих пою.

Чтоб в этой жизни не всегда весёлой
Напомнить внукам будущих времён,
Как на Руси освобождали сёла
Под звонкий шелест боевых знамён.

23 февраля 1943 года

Перед рассветом батальон пехоты
Разбужен был тревогой боевой.
И в звонкой тишине рассвета — роты
Пошли вперёд, цепочкою живой.

Глубокий снег мешал нести снаряды,
И пушки вязли, утонув в снегу.
Окопы немцев где-то уже рядом,
Опушка леса немцы стерегут.

Василий Коробков

ПОДВИГ

фрагменты поэмы

И вдруг внезапно в тишине морозной
Раздался залп невидимых «Катюш»,
И вот уже снаряды воем грозным
Встревожили вдали лесную глушь.

Лежит пехота на опушке леса,
Сигнал к атаке с нетерпеньем ждёт.
Горит земля, горят фашисты-бесы,
Артподготовка целый час идёт.

И вот над лесом красная ракета
Взмывает, оставляя в небе дым.
И батальон в морозный час рассвета
Идет в атаку облаком седым.

В селе Чернушка немцы суетятся,
А в поле лётся русское: «Ура-а-а!»
А немцы рукопашной-то боятся,
Спасает дзот, что в глубине двора

Стоит, снарядам неподвластный,
И пулемёт косит солдат свинцом.
И вот ещё один боец несчастный
Упал на снег, уткнувшись в снег лицом.

Атака в русском поле захлебнулась,
К земле прижат пехотный батальон.
Душа комбата птицей встрепенулась,
И вновь атаку возглавляет он.

Но шквал огня немецких пулемётов
Не дал подняться батальону в рост.
От пуль смертельных вражеского дзота
Поляна превращается в погост.

Комбат Артюхов, раненный осколком,
На помощь артиллерию не ждёт.

Не ведая исхода боя толком,
Приказывает обезвредить дзот.

Кого послать? Все парни молодые,
Им в этом мире жить ещё и жить.
А вон гляди, виски уже седые,
Легко мальчишек в землю положить.

Матросов Саша находился рядом
И вглядывался в силуэт села,
Немецкий дзот крошил колючим
взглядом,
И гнев кипел, как черная смола.

- Товарищ лейтенант! - воскликнул
Саша:
- Позвольте мне, я точно доберусь!
Деревня эта вскоре будет нашей.
Деревня эта - наша с Вами Русь!

- Давай сынок! Ползи, но осторожно!
Вдоль тех кустов, что снегом занесло.
Лежать на бранном поле невозможно
С победой мы должны войти в село.

Ползёт Матросов в маскхалате белом,
Свинец горячий в воздухе свистит.
От пуль смертельных прячется умело,
И вот уже прополз он полпути.

Немецкий дзот стоит перед глазами
Немецкий пулемёт строчит, строчит.
Перед броском гранаты Саша замер,
Он чувствует, как сердце в нём стучит.

И вот летит граната в амбразуру,
А вслед за ней летит ещё одна.
Осколки взрывов алою глазурью
Летят на снег, и стонет тишина.

Бегут бойцы, и громкое «Ура-а-а!»
Колышет воздух, как волна цунами.
Но вновь стрельбой ощерилась гора,
И снова смерть летит над головами.

Опять строчит проклятый пулемёт,
И серый снег от крови багровеет.
И каждый выстрел злом душу жжёт,
А немцы-то патронов не жалеют!

Матросов в ход пускает автомат,
Стреляет он в окно чужой бойницы,
Но кончились патроны, он не рад,
И сам не знает, чем оборониться.

А в поле боя гибнут на бегу
Его друзья, его однополчане.
И снова батальон лежит в снегу,
И снова поле замерло в молчании.

И тут Матросов в боевом бреду,
Забыв о страхе, весь горячке боя,
Вдруг бросился на дзот
и страшную беду
От всех других он заслонил собою.

Рис. Е. Сидорова

Художник Великой Победы

В его квартиру в обычной городской девятиэтажке входил, как в художественную мастерскую. Картины висят на стенах, стопками лежат на шкафах и тумбочках, стоят рядами на полу. Балкон переполнен палитрой особых красок и запахов: здесь сохнут полотна, только что вышедшие из-под кисти. На мольберте – последняя работа: фашистский танк выползает на пшеничное поле, а в него прямой наводкой нацелена пушка, и молодой боец загоняет в дуло смертельный для врага снаряд...

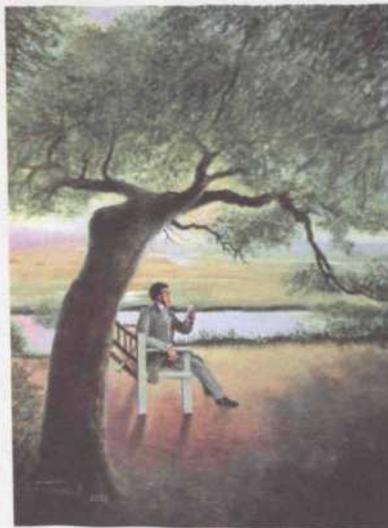
Виктор Иванович Басалаев

Такие остросюжетные батальные сцены Виктор Иванович Басалаев носит в своём сердце с войны. В 1943 году восемнадцатилетний пареньёк, мечтавший поступить в Пензенское художественное училище, отправился на фронт бить фашистов. И школу живописи пришлось проходить под пулями и осколками снарядов. Став командиром пулемётного расчёта, Виктор Басалаев с друзьями-однополчанами брал безымянные высоты, освобождал Донбасс, форсировал Сиваш, а в боях за Севастополь получил свою первую награду – медаль «За боевые заслуги». Вручил её генерал-майор Дмитрий Станковский, тогда командир 346-й Дебальцевской Краснознамённой стрелковой дивизии. На привалах между боями творческая душа тоже рвалась в бой: художник доставал блокнот с карандашом, и вскоре на бумаге появлялись лица однополчан, характерные эпизоды сражений. Многие зарисовки он раздавал друзьям, а те отправляли их с письмами своим родным и близким.

К блокноту и карандашу Виктора Басалаева приучил ещё в 1941 году художник, прибывший в составе стройбата в его родное село Марьяновку для возведения на берегах Суры оборонительных укреплений. Он остановился на постой в доме Басалаевых и по вечерам кропотливо разъяснял любознательному пареньку всевозможные хитрости рисования карандашом и красками. А любовь к живописи зародилась раньше, на школьных уроках рисования. Портрет Челкаша из рассказа Горького так понравился учителям, что директор школы Гельд Троицкий подарил способному ученику первые в его жиз-

ни кисти и краски. А соседский мужик, кавалерист времён гражданской войны, научил рисовать грациозных коней.

Война прервала романтические планы. Но творческие ростки в сердце заглушить не смогла. Даже в госпитале, куда Виктор Басалаев дважды попадал после ранений, он продолжал делать зарисовки в своём блокноте. А ещё – писал стихи и читал их своему командиру взвода Николаю Старшинову, уже тогда известному фрон-

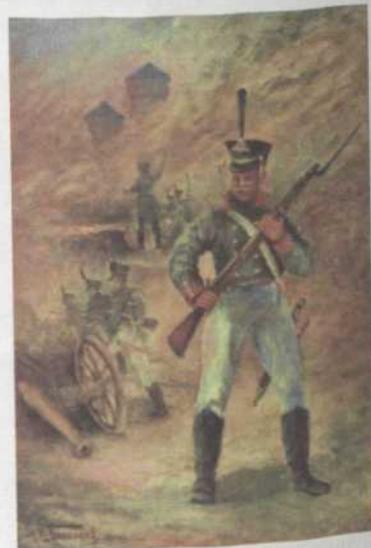
Тригорское. Скамья Онегина. 2000 г.

товому поэту. После второго ранения Басалаева отправили из госпиталя в разведроту 279-й Лисичанской Краснознамённой стрелковой дивизии. Он и здесь отличился: с друзьями-разведчиками взял важную «языка», за что получил орден Красной Звезды. А ещё были медаль «За отвагу» и орден Отечественной войны I степени. День Победы Виктор Басалаев встретил в Прибалтике.

Два военных года изменили мировоззрение. Живопись казалась любимым занятием для души, а у настоящего солдата-фронтовика тогда была одна профессия – Родину защищать. И Виктор Басалаев поступил в Томское зенитно-артиллерийское училище. Затем около трёх десятков лет – жизнь армейского офицера. За эти

годы он 25 раз переезжал из гарнизона в гарнизон. Но где бы ни находилась новая воинская часть, обязательно посещал местные музеи, выставки, художественные галереи. В Саратове, Самаре, Перми, Одессе, Киеве, Харькове... Посетил и всемирно известные центры художественной культуры – Эрмитаж, Русский музей, Третьяковскую галерею. Жил все эти годы мечтами о собственном уголке, где можно было бы всеми цветами радуги отобразить самые тонкие впечатления, накопившиеся в ранимой душе. И такой уголок нашёлся в Ульяновске, в квартире на Верхнеполевой улице, где полковник в отставке Виктор Иванович Басалаев живёт и творит уже четверть века. Все эти годы рядом с ним живёт Муза. Зовут её Валентина Михайловна – вдохновительница, помощница и любимая жена...

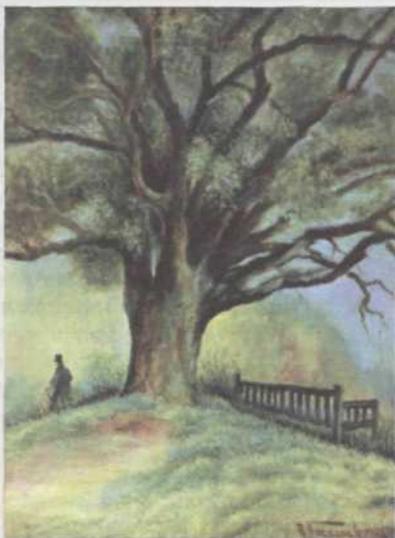
Рабочий день самодеятельного художника начинается в пять часов утра. А вдохновение не кончается никогда. В его картинах – простые и понятные образы России... Ветряная мельница на берегу убегающей вдалёк реки. Стая гусей, клином пикирующая на скошенное поле. Букет ромашек и наполненный ягодами тучес на широком сосновом пне. Прячущиеся в камышах лодки на фоне куполов далёкой

Оборона страны. 2000 г.

церквушки. Зимняя повозка, исчезающая в глубине ослеплённого инеем березняка... Десятки пейзажей и натюрмортов, навеянных воспоминаниями детства и красотой родных сурских просторов, создал Виктор Иванович за эти годы. Особо любимая его тема – пушкинская. Ещё в школе он увлекался срисовыванием портретов великого поэта. А побывав в Тригорском, нарисовал несколько навеянных увиденным картин. Одну из них – «Дуб уединенный» - Виктор Иванович передал в дар Литературному музею «Дом Языковых», другую – «Скамья Онегина» - подарил музею «Усадьба Языковых». Здесь же хранится ещё один подарок от Басалаева – триптих «Россия», состоящий из картин «Оборона страны», «Иван да Марья» и «Опора Отечества». Его пейзажи можно увидеть в госпиталях, школах и библиотеках. Немало картин раздарил художник своим друзьям и знакомым. Просто так, от чистого сердца. Он и «Мономах» не обошёл вниманием, передав в дар журналу на юбилейном вечере архитектурный пейзаж с изображением одной из башен Псковского кремля.

Творчество Виктора Ивановича Басалаева не раз получало высокую оценку и любительских, и профессиональных художников и искусствоведов. Его картины за последние десятилетия демонстрировались на выставках самодельного художественного творчества в Норильске, Красноярске, Чебоксарах, Москве, Ульяновске. В нашем городе прошло несколько персональных выставок Басалаева. На одной из них лет пять назад побывал космонавт Алексей Леонов, тоже на досуге художник-любитель. В Ленинский мемориал он наведился по своим делам, но, увидев галерею картин,

Тригорское. Дуб уединенный. 1998 г.

не удержался. Осмотрел выставку «космическим» оком и с благодарностью пожал Виктору Ивановичу руку. Понравилось!

Очередная персональная выставка художника Виктора Басалаева открылась в Ленинском мемориале в марте этого года. Фронтовик посвящает её 60-летию Победы, в величественном здании которой есть и его прочный кирпичик. А организаторы выставки напоминают ещё об одной юбилейной дате - 27 июня Виктору Ивановичу Басалаеву исполняется 80 лет. Целая вечность! Но солдат Победы по-прежнему в строю. Он встаёт каждый день в пять часов утра, берёт в руки кисть и продолжает работать.

Николай Марянин

Фото Алексея Жданова

Владимир Янушевский

Полет Валькирий

*Дыханье смерти. Повист пуль.
Молчанье неба. Время - "нуль".
Бей милосердие войной!
Огонь, вода... Прагматик Ной
Смолит ковчег, стругает руль.*

*Потенье тел. Пыхтенье душ.
Воинствен клич. Красив картуш.
Коварный Марс посеет срам.
Арес распушит по домам
Спецназ, сорвав солидный куш*

*Изменой долгу. Долог путь
К долгам, которых не вернуть.
Цена оружия - выше бровь!
Но дешевле наша кровь.
Летят тяжёлые, как ртуть*

*Над полем пули прямо в цель.
Страда Валькирий: канитель
Над грудой тел, под тучей душ.
Оркестр судьбы играет туш,
Не слыша тихую свирель.*

*Викторий суть: парад, салют,
В стаканах водка "Абсолют",
Пряданье флагов и знамен
И колокольный перезвон
Медалей, что к победам льют.*

*Пыры Валгаллы. Хлеб да соль!
Любовь Валькирий снимет боль,
Обмоет грязь, развеет грусть,
Облегчит обещаний груз
Взять героическую роль.*

Иван да Марья. 2000 г.

Опора Отечества. 2000 г.

А в это время Симбирская городская дума, узнав о «Приказе по военному ведомству об учреждении хозяйственной комиссии для постройки третьего Патронного завода», обращается в правительственные органы с просьбой к правительству построить это предприятие в Симбирске. Еще бы! Речь идет о 41 миллионе рублей!

Решение в пользу Симбирска принято в ноябре 1916 года.

Февраль 1917 г. Симбирск бурлит: демонстрации, манифестации. У губернарторского дома рабочий люд сковырнул с пьедестала бюст Столыпина и двинулся по городу, разбивая булыжниками окна в богатых домах, наводя ужас и страх на местное начальство.

Весна 1918 г. В Мурманске высадились английские солдаты. Совет обороны принимает решение эвакуировать Петроградский патронный завод в Симбирск. Сюда направлены 509 вагонов и 19 барж с оборудованием завода, а также более трех тысяч квалифицированных рабочих.

Май 1919 г. На Симбирский патронный завод командирован с мандатом от Ленина чрезвычайный комиссар тульских заводов Кирилл Орлов «для принятия мер для срочного поднятия производительности патронов».

Июль 1921 г. Знойное солнце высушило каждую травинку. Жестокий голод в Поволжье. Настоящий мор.

На каждого рабочего патронного завода выдается в день по одному фунту хлеба. И вдруг – радостная новость: на патронный завод идет эшелон с хлебом! Ликують заводжцы, знают, что рабочие не оставят их в беде, поделятся последним. Так и есть. Завод на свои отчисления открывает столовую на 210 человек, обеспечивает хлебом детский сад, ясли, детский дом.

Январь 1923 г. Выходит приказ по заводу: «На основании постановления комитета Главного управления военной промышленности присвоить предприятию новое название «Патронный завод имени Володарского».

Володарка

Страницы биографии завода

Тихо на левом берегу Волги, напротив старого Симбирска. Выйдет пастух со стадом в поле, щелкнет бичом, чтобы не заснуть от скуки. Иногда из-за холма вывернется эскадрон усатых улан, квартирующих в Нижней Часовне, и с криком, свистом, блестя саблями, набросится на высокий, густой бурьян, лихо порубит его и пронесется мимо остолбеневшего пастуха, не ведающего, что еще может нарушить тишину медленного течения жизни в окрестных слободах – Нижней Часовне, Королевке, Канаве...

Годы коллективизации. «Лицом к деревне!» – володарцы принимают лозунг партии и берут шефство над селами Чердаклинского района. В уборке урожая 1930 года участвуют около тысячи рабочих и служащих завода.

22 июня 1941 г. У каждого на устах – обжигающее слово «война». Страшная весть быстро облетает даже тех, кто отправился отдыхать и рыбачить на острова. Заводской гудок собирает рабочих. На стадионе – митинг. «У нас есть кому и есть чем защищать родину», – говорит слесарь-лекальщик Г.М. Хасанов. В райвоенкомате очередь, но не всех берут на фронт: специалисты должны ковать победу на трудовом фронте!

Весна 1942 г. Все силы брошены на строительство новых корпусов: вводятся в эксплуатацию цех №№ 101 и 102, пристройки к существующим цехам, котельная при ЦЭС. Построено 28 общежитий для вновь прибывших рабочих.

Женщины осваивают «мужские» профессии и выполняют план на 130-150%. Возвращаются на завод пенсионеры, бывшие пионеры, их опыт и авторитет помогают обучению молодежи.

Рационализаторы завода И.Н. Кузьмичев и А.И. Звягин разрабатывают

новую технологию производства изделий, в результате чего завод экономит 2300 тонн цветного металла. Авторам новой технологии присуждена Государственная премия СССР.

Звание лауреата Государственной премии получает и главный конструктор завода Л.Н. Кошкин за создание многооперационных станков, повышающих производительность в 8-10 раз. Несколько позже будут внедрены роторные линии, которые повысят выпуск патронов в несколько сот раз.

Сентябрь 1944 г. В Москве проходит совещание изобретателей, рационализаторов и организаторов предприятий Наркомата. Коллективу завода имени Володарского, обеспечившему внедрение 235 рационализаторских предложений с экономическим эффектом на сумму 8466 рублей, присуждена третья премия.

В течение всего 1944 г. проводится автоматизация производства. Изготовлено и установлено 208 автоматов, 362 питателя, 165 установок. На 1 января 1945 года автоматизировано 85,6% всех разработок.

За годы войны володарцы внесли в Фонд обороны свыше 45 млн. рублей. Свыше 1500 заводчан ушли на фронт. Среди воинов-володарцев, участников Великой Отечественной войны – четыре Героя Советского Союза. Двое из них – Борис Андреевич Кротов и Владимир Николаевич Деев – удостоены этого звания посмертно.

«Можете гордиться – я стал Героем Советского Союза», – писал заводскому коллективу Владимир Субботин.

С 1941 по 1945 гг. завод им. Володарского произвел столько продукции, сколько выпустил за все время довоенного существования – за 24 года.

Доля труда володарцев в промышленном производстве Ульяновской области очень велика: за годы войны предприятия области изготовили продукции на сумму свыше трех миллиардов рублей, около половины этой суммы на счет патронного завода.

Изобретенный А.Д. Сахаровым прибор для закалки сердечников

Старейший токарь России

Трудно поверить в то, что человек может проработать у станка 75 лет, и – продолжать трудиться на заводе в возрасте 96 лет! К счастью, это не сказка, а современная реальность.

Михаилу Ивановичу Лимасову 96 лет, и в этом возрасте рабочий в строю! «Меня многие спрашивают: когда бросишь? А я говорю: вот попаду в книгу рекордов Гиннеса, тогда брошу», – смеется. Что касается книги рекордов Гиннеса, то уже установлено: в стране таких рекордов больше нет! Лимасов – старейший токарь России. На разных станках он работал в строительном и инструментальном цехах, работал «на микронах». Михаил Иванович – токарь-расточник самого высшего – восьмого разряда. С увлечением и каким-то молодым задором рассказывает он о станках и деталях, о «живом» металле. Про Михаила Ивановича написано много статей. Интересуются люди: в чем секрет такого долголетия и работоспособности? На мой взгляд, секрет прост: беззаветно любит человека свою работу.

А еще Лимасов любит шашки. С 1936 года и до сего дня он остается чемпионом завода по шашкам. «Никто меня еще не перебил!» – говорит он с гордостью. Михаил Иванович участвовал во всех городских турнирах по этому виду спорта. Он бережно хранит небольшую коробочку с подаренными ему на заводе в 1936 году шашками.

Предприятие не забывает своего уникального работника, ценит его мастерство. Вот и в военные годы не пустил завод Лимасова на фронт. Но не только на кровавом и безжалостном фронте люди совершали подвиги. Был еще тыл, где трудились на заводах и фабриках инвалиды, старики, женщины и дети, трудились у станков, изможденные и усталые. Но никто не останавливался: только вперед, только к победе.

«Стояли у станков по 14-16 часов,

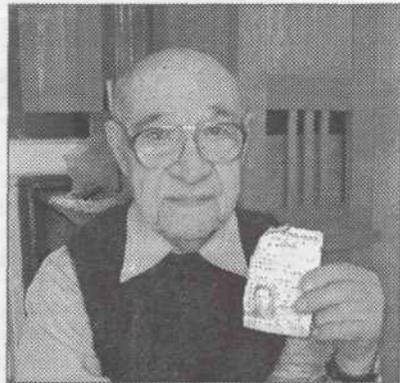
– вспоминает Лимасов. – Приходишь на завод, вешаешь бляшку. Значит, ты на месте. За опоздание снимается часть зарплаты. А если вообще не приходишь, то на фронт. Один вот был такой, молодой, пробегает, не выспится, а потом дремлет за станком. И сразу докладную на него. Отправили на войну. Месяца через три-четыре вернулся без ноги. Даже не воевал: до Москвы не доехал – попал под бомбежку. А вернулся, снова работать пошел: руки целы – иди на завод. Вот так. Никто сначала и не ожидал, что война затянет-

ся. Думали, что шапками закидаем немцев. Оказалось – нет».

С продуктами было тяжело. Давали хлебные карточки по нормам: 800 или 400 граммов. Выручала картошка. У Лимасовых был свой огород, который обрабатывали в свободное от работы время (на сон оставалось часов пять). Крупы и сахара не было. Все лакомства – тыква да свекла. Даже хлеба хватало не всем.

Все рабочие с волнением следили за приходившими с фронта вестями. «У нас на заводе была железнодорожная карта России. Взяли резиночку, булавки и стали отмечать приближающуюся линию фронта: Литва – Минск (до Киева 100 километров) – Черное море... Все оттягивали и оттягивали резиночку. А после 1942 года в другую сторону ее передвигали: Болгария, Литва, Латвия, Эстония, – вспоминает Михаил Иванович. – Тяжело тогда было, только и слышали: повестка или похоронка. У кого несчастье, кто из госпиталя приехал – калека».

В 1942 году на завод привезли несколько вагонов фуфаяк с фронта: грязные, в крови, одна без рукава, другая разорванная... Раздали рабочим по пять на каждого: нужно постирать (мыла и горячей воды не было). Потом портные латали на них дыры, отправляли на сборные пункты и – на фронт. Работали без отпусков и выходных. Был, правда, небольшой отдых раз в два месяца – пересменка. Болеть тоже некогда было. Тогда же, в 1942-м, Михаил Иванович обжег плечо и вроде простудился. Оказалось – туберкулез. Работать у станка было невозможно: рука не поднималась, кашель. Пошел к врачу, но врач сказал: «Люди воюют, а ты болеть собрался. Иди ра-

ботай». И Михаил Иванович работал. Лекарств не было. Спасла молодая картошка. А на легких остались рубцы.

И на рабочем месте проявляли люди инициативу, подходили к делу творчески. Появился на заводе молодой парнишка – Лев Николаевич Кошкин. Его хорошо знал Михаил Иванович: «В то время он был еще «зеленьский», только из института приехал. Все бегал по цехам, интересовался: дотошный. Журналы заграничные получал, читал на английском. Конструктор был способный. Изобрел один станочек, а детали я делал. Вот мы и познакомились. Не знал он только тогда расчет на прочность: закрытил сильно гайку – вал и согнулся, стучит. Кошкин ко мне: что делать? Я помогу, подсказал. Он меня зауважал. Еще несколько раз его подучивал: лучше цельные детали вытачивать, а не собирать по мелочам; какую пружину взять, чтобы не гнулась, выдерживала... Это для него открытием было». Наблюдал Лев Николаевич за работой станков: один станок – одна операция. Возникла идея: а если несколько станков объединить... Так появились первые роторные линии: ручная сборка заменяется автоматикой, изделия ставятся на поток. А потом Кошкин уехал в Москву. С Михаилом Ивановичем его судьба больше не свела.

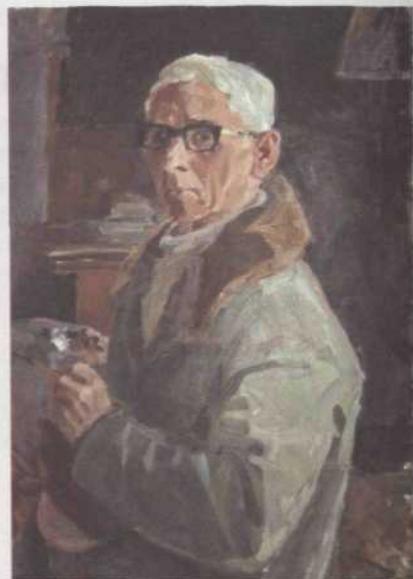
В последний год войны рабочим дали землю на колхозных полях. Ездили туда на велосипедах, копали, сеяли просо. Там Михаил Иванович познакомился с жаворонками. Однажды на рассвете увидел: сначала низко, прямо по земле, потом, вместе с солнцем, поднимались со свистом, с песнями, все выше и выше, пока совсем их в небе видно не стало. Это жаворонки землю осваивали и кликали Победу. И она пришла.

Олеся Тибирькова
фото автора

К 60-летию Победы Ульяновский областной художественный музей подготовил уникальную выставку «Я – очевидец». В экспозицию вошли живописные и графические работы фронтовика, заслуженного художника России Виктора Киселева. На протяжении всей жизни Виктор Васильевич был ближайшим другом Аркадия Александровича Пластова, который проявлял заботу обо всей семье Киселевых, а в годы войны писал своему товарищу на фронт теплые письма и даже прислал графический портрет его матери – Параскевы Петровны. Неслучайно поэтому выставку «Я – очевидец» украсила также самая знаменитая работа академика А.А. Пластова «Фашист пролетел».

Виктор Киселев прошел по дорогам войны с июля 1941 года по ноябрь 1945 года. Второй период службы, по ходатайству А.А. Пластова, был связан с профессиональной работой: Виктор Васильевич находился на фронте уже в качестве художника студии имени Грекова, поэтому имел возможность не только рисовать и писать картины, но и записывать впечатления. Предлагаем читателям познакомиться с отрывками из военного дневника В.В. Киселева.

Автопортрет. 1984 г.

Виктор Киселев

Фронтовые заметки художника

22 апреля 1945 года

Ночевали у майора артбригады, чтобы утром раненько поехать на НП. Вечером беседовали о проблемах искусства, на тему войны. Майор – любитель художников – был очень любезен.

Утром наскоро позавтракали и на машине отправились. Дорога шла узким ущельем. Серые скалы, чередуясь с лесными массивами, нависали над дорогой или торчали из лесной массы утесами причудливой формы. По ущелью с шумом катилась речка, с пеной пробиваясь между камней. В ущелье темно. Дорога вилась зигзагами, огибая скалы. Въехали в небольшую котловину. Машину оставили тут.

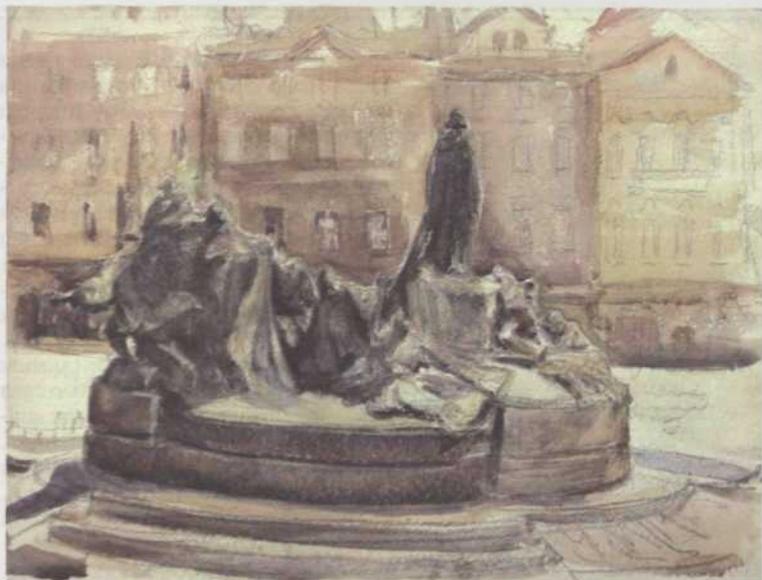
Прага. 1945 г.

Львов. 1944 г.

Прага. 1945 г.

Львов. 1945 г.

Голова солдата. 1945 г.

сами пошли на гору пешком. Передохнули, выбрались на седловину. Здесь развернулась огромная панорама. Ближко-близко селение Бела, вчера только занятое нашими войсками. За селением – передовая. Видны дымки разрывов. Дальше – еще селение, и хорошо виден город Жилин, куда идет наступление.

Начали подъем на вершину по узенькой тропиночке. Взбираться очень тяжело: скользко и круто. К тому же мы несли с собой этюдники. Несколько раз приходилось отдыхать. Но вот, наконец, и вершина: слышен разговор, смех. На самом гребне вырыта траншея, установлено несколько стереотруб. Наблюдатели в плащ-палатках сидят у костра. За гребнем разбито несколько палаточек. Начальство только просыпается, на четвереньках вылезает из палаток, снимает рубашки и умывается. Рассказывают: «Ну, ночью и погодка была, чуть нас не сдуло отсюда».

Наблюдаем за линией фронта, рассматриваем немецкую сторону. «Вижу спиртовой завод», – смеется один. «А я вижу – вот нагружают бочки», – говорит другой.

В атаку

Стоянка обоза (чехословацкий фронт). 1945 г.

Мальчик в пилотке. 1947 г.

«Товарищ майор, постреляем немного?» – «А куда?» – «Да вон в ту деревню. Куда ни кинь – в любом доме немцы. А попадем точно! Ну, пустите снарядиков пяток, товарищ майор!»

Засуетились, передают приказ на батарею, прицел, готовность. Наблюдатели у труб. Снаряд упал левее. Исправили прицел. Огонь! Опять мимо. «Ну, вот, попусту тратим снаряды». – «Виджу повозку на дороге!» – «Нет смысла в одной повозке».

Чудно! Стреляют, будто для забавы, со смешком. Как человек может привыкнуть! Как будто так и надо. Видимо, таков закон войны.

Тяжелый фронт – по горам. Мыто из любопытства влезли, а тут надо под огнем лезть к врагу. Пищу и боеприпасы доставляют выюками или волоком на лошадях, а на крутые высоты – совсем на себе.

27 апреля. Деревня Бела

Народ живет небогато. В избах грязно. В деревне много уродов, карликов. Очень живописные дворы, но грязно, много навоза. Наблюдал сегодня любопытное явление: ночью была видна радуга и очень четкая, видимо, от луны. Необычно объявляются здесь приказы, распоряжения. Идет по улице человек с барабаном и выбивает, приостанавливаясь около дворов. Со всех хат выходят люди к нему, и он объявляет: либо несите сено, картофель, либо с лопатами идите зарывать трупы немцев и лошадей.

1 мая. Тепличка (не доезжая Жилина)

В пять часов утра здесь еще был немец, а в десять уже мы. Хорошая, чистая деревенька. Жители все высыпали на улицу, с удивлением смотрели на нашу армию. А по улицам двигались сплошным потоком машины, пушки, «Катюши», конники, обгоняя караван ишаков, навьюченных в два раза большими по объему, чем они сами, узлами, выюками. Такой транспорт у всей толпы вызывал смех. Сегодня я видел караван, когда он направлялся в брод через реку. Весь караван был привязан к хвосту лошади. Над водой были видны только выюки и ушастые головы. Картина очень комичная, но ослы, ишаки и горные лошадки на фронте в Карпатах играют огромную роль: на гору по узким крутым тропинкам, кроме человека и этих животных, никто не может взобраться. А фронт здесь идет с горы на гору.

Вчера было особенно приподнятое настроение. Распускающаяся зелень, цветущие деревья, а главное, откуда-то прошел слух, что Германия капитули-

Встреча, 1945 год

ровала. Все с радостными лицами потихоньку переспрашивали, с каким-то внутренним нетерпением ждали сообщения радио, настроенного на Москву, но ничего не случилось.

Любопытный пейзаж. Холмы, где нет леса, изрезаны полосками пахоты, и всё так цветно, густо-густо по краскам. Горы какого-то сине-лилового, густого бархатного цвета, вершины некоторых ярко белели, облизаемые облаками. На фоне гор – оранжево-коричневые пирамидальные тополя. По густоте и яркости красок вспоминается Ван Гог, а по плотности – Курбс.

Деревни с постройками городского типа, крытыми красной черепицей. Жители одеты чисто. К обеду вся деревня была забита солдатами, машинами. В обед все выпили. Везде слышны русские песни, грубые пьяные голоса, смех, и не без мата. Ежели зажмурить глаза и слушать, то напоминает какой-нибудь престольный праздник или масленицу 1924 года.

2 мая

Сегодня ехали через Жилин, километров 50. Дорога шла узкой долиной, по сторонам – горы, покрытые лесом, узенькие полоски пахоты. Всюду разбросаны маленькими группами домики, на межах воль дороги стоят вишни, черешни. Домики деревянные, в палисадниках цветы. Жители по всей дороге стоят группами, приветствуя движущуюся сплошную колонну, бросают цветы.

Был сегодня очевидцем неприятной сны. Идем улицей деревни, у каждого дома стоят машины, везде

военные и гражданские. У одного дома с надписью «Ресторан» стоит группа солдат в плащ-палатках, самоходчики в шлемах, разведчики в пестрых комбинезонах. У стены в толпе стоят пойманные в этом районе пленные: высокий чех в гражданском костюме и в немецких ботинках и маленький немец в солдатском обмундировании. На них с ненавистью наседают допрашивающие: кто они – шпионы? Почему чех воюет против русских? – совестят его. Тыкают пальцем на немецкий значок на пилотке. Один с брезгливостью снял с него пилотку и с ненавистью с корнем выдрал значок, опять надел на чеха. К немцу особо не приставали, но на чеха наседали. «Немец – враг, а ты, курва, что?» Чех доказывает, что он взят немцами, носил пищу на передовую, а воевать не воевал. Ехидно смеются. «Знаем, это вы показали на партизан, которых вчера здесь расстреляли власовцы, – 25 человек». Подходит цивиль, указывает на них: вот эти выдали наших, их было четверо, а этот немец, они привели власовцев. Толпа еще больше разошлась, заскрежетала зубами... «В расход их!» – раздаются возгласы. Все ближе, яростнее наступают, вот-вот разорвут. Последнему начали хлестать по морде. Подходит какой-то командир: «В чем дело?» Приговор: «Ну, дайте немного, только не до смерти. Немца не надо, он наш враг». Чеха начали яростно бить. А один подходит к немцу, берет его за волосы, с силой роняет его на землю: «Вы у меня, гады, четыре самоходки подбили!» Толкает, бьет по голове. Немец кубарем катится на землю. «Ну, ладно, поведем в штаб, может, что скажут». Два разведчика повели.

Дождь цедит. Сумерки. А по улице идут, идут, движутся войска. Сейчас сидим в избе, у приемника: взяли Берлин!

4 мая

Оторвавшись от корпуса, пробираемся в другую часть. Путь лежит по только что очищенной от немцев дороге. Машины ходят редко. Нашли квартиру у гражданских. Хозяева сначала топырились, потом, когда на них наступили, начали шевелиться, убрали комнату, целой оравой готовили ужин. Сам старший пан управлял ужином. Стали кушать, мы сажаем с собой прислугу. Хозяева на дыбы, с удивлением: как это слуги сядут вместе с господами? Все же настояли, но пан остался страшно недовольный. Девушек-прислуг тоже смутили. Была пятница, а мы ели мясо...

Утром быстро выехали с попутной колонной. Дорога шла долиной, горы становились ниже, заметно было, что из гор выбираемся. Едем границей по

Польше, по Чехословакии. Природа тоже изменилась. Листва уже большая, в бурном цвету вишни, яблони, черешни, начала цвести черемуха, набрала бутоны сирень. Воздух прозрачный, краски сочные. Кругом всё чистенько, благоустроено. Домики с палисадниками, цветниками. На кухне в любом доме столько видной посуды: ножей, рюмок, сеточек, половничков. В каждой кухне стоят на полочке стандартные фарфоровые посудины с надписью: цукер, кава, рис, корица, мука... Посуда вся эмалированная, белая, изящные маленькие печечки чугунные или чугуны с изразцами. Модернизированные шкафы, точно отполированные. Над кроватью или в овальной или в квадратной раме литографическая икона-лубок – Христос и Матка Боска. Масса всевозможных пузрычков, баночек. Жители – степенные чехи и поляки.

Ехали долго. Мосты по дороге все были взорваны, приходилось делать большие объезды. Жители все остались на месте. Много мужского населения. Досадно: ходят, руки в карманах, а мы за них воюем.

Приехали в город Цешин, не доезжая Моравска Острава километров 30. Небольшой промышленный городок, но дух уже европейский. На улицах масса флагов: советских, польских, чехословацких. Здесь два дня назад еще были немцы, теперь начала работать комендатура. Идут толпы русских – мужчин, женщин, девушек, освобожденных нашей армией. Жители смотрят за военными из-за занавесок окон. Ночевать устроились в гостинице. Сейчас кто пишет дневники, кто проверяет рубашки от непрошенных гостей – вшей и блох. Рядом ратуша, слышен бой часов. Двенадцать. Завтра дома праздник. Хочется домой. Среди освобожденных искал Епашку. Жив ли милый брат? Больно.

6 мая

Едем на Моравску Оставу. Прекрасная дорога, машина мчит вихрем. Хуторки, хуторки в сочной весенней зелени и в бурно цветущих фруктовых деревьях. Всё кругом вылизано. Каждая межа использована под деревья, беленькие домики. У каждого домика – ветряная мельница, цветники. Везде на домах висят огромные флаги – чехословацкие, наши. Моравска Острава – большой город, серый, закопченный, но есть водопровод, электричество.

Самое благоустроенное – кладбище. Вход: мрачная, тяжелая архитектура, грубый ампир с низкими, неуклюжими колоннами. Дальше идет прямая дорожка поперек кладбища, в конце стоит крематорий, увитый плющом,

так же, как и вход на кладбище. Это немного скрашивает грубость и черноту. Рядами стоят памятники – стоячие мраморные плиты. На многих скульптуры: головка Христа в терновом венце. В плитах – застекленные углубления, а внутри урна, там же фотография ушедшего. Могилы все в живых цветах. Каких цветов тут только нет! Сплошной цветник. К тому же ряды могил все густо засажены кипарисами, есть липы и плакучие ивы. И все это обихожено, все строго подстрижено. Больших деревьев нет, так что кладбище светлое. Чистота поразительная.

Ходил еще по городу. Серо, мрачно. Архитектура – сплошные коробки. Публика одевается чисто, изящно. В домах – полный комфорт. В городе много разрушений. Сегодня открылись некоторые магазины, пошел трамвай. Писать и рисовать совсем не располагает. Скорее бы на фронт. Сегодня чешские газеты публикуют о капитуляции Германии, но у нас по радио не слышно. Ночью слышим шум: крики «ура». Бегают, пляшут, одним словом, – садом. Подняли стрельбу из всякого вида оружия. Быют в жестянки, в колокола. Бешеное торжество.

11 мая. Шернберг

Едем в Шернберг... С горы открывается огромная мглистая панорама, а внизу у горы город, весь в зелени и цветущих деревьях, с серо-голубыми черепичными крышами. Загагообразный спуск. Город совершенно иной, чем Моравска Острава. Дома светлые, желтые, огромный костел. Все настолько красочно и цветуще, что невольно вспоминается Моне и все

Орав. Подзамок. 1945 год

импрессионисты. Каждый кусочек засажен цветами. Остановились в районе новых построек, принадлежащих национал-социалистам. Район цветущий. Позавчера тут (рассказывали) уже при наших один немец (покойный секретарь нацистской партии), узнав, что Германия капитулировала, повесил всю семью и сам повесился (вот гад).

12 мая

С утра писал этюд с сиренью. Как же трудно! Не знаю, как нужно писать. Измучился. Завтра опять надо пойти. До обеда писал цветы, мучился и тоже не написал. Такая чистота цвета – ничем не возьмешь. Вспоминал Аркадия (Пластова – Ред.). Сколько надо работать! Вспоминал и Кончаловского. Очень тяжело пишется...

Ходил по садикам. Каких только кустов нет: и ягодные, и декоративные, и яблони-кустики, и стелющиеся по земле, яблони ползучие, точно прилипшие к стене. Все это так обихожено, каждый кустик обработан. Все в бурном цвету. Понизу идут клубника и всевозможные цветы – такое разнообразие!

15 мая 1945. Пародобице

С утра поехали дальше по направлению к Праге. В утренней дымке кучки леса, преимущественно хвойного. Поля прекрасно обработаны, посева пышные, местами уже колосится пшеница. Аккуратные кучки минеральных удобрений раскинуты по полю. Во всем аккуратность, заботливость. Единственное, что нарушает порядок, это свежерытые извилистые траншеи... На немецких домах белые флаги. Каждый населенный пункт укреплен: на улицах устроены срубные надолбы, траншеи, противотанковые рвы. Во всех городах происходили сильные бои, много разрушений, пожаров.

Едем дальше. По сторонам в кюветах навалено много немецкой техники: лежат вверх колесами машины, подорванные или сожженные пушки, танки, трупы лошадей раздутые, со вздутыми ногами, кучи касок, противогазов, ящиков, снарядов, вороха горелой бумаги – документы, что ли? Чувствуется бешеное бегство обреченной армии.

Вот отдыхает огромная масса пленных по обе стороны дороги. Группами, в одиночку, загорелые, грязные, оборванные, обутые во что попало, в платках, пилотках, в шляпах, без головного убора, без рубашек, в трусах. Косматые старцы, юнцы, толстые, краснорозие, худошавые, кривоносые, горбоносые, лупоглазые... Невероятное зрелище! Сфантазировать невозможно!..

Никто не забыт – ничто не забыто

Знание своего края, его прошлого и настоящего необходимо для непосредственного участия в его преобразовании, поскольку родной край – живая частица великого мира.

Можно ли забыть историю своей страны, своего города, своего маленького села, в котором ты живешь? Ответом на этот вопрос служит работа многих сотен поисковых отрядов, которые действуют на территории Ульяновской области и за ее пределами. Поисковая работа – не разовое мероприятие, не дань моде. Она выстрадана и проверена на прочность и эффективность не одним поколением ребят. Это сложная, многогранная работа по воссозданию истории своей страны. Ребята ищут без вести пропавших, устанавливают судьбы и имена погибших земляков, работают с Книгой Памяти, изучают пути воинских соединений, сотрудничают с государственными музеями и архивами. Любая поисковая работа в конечном итоге перерастает в создание в школе музея или комнаты боевой славы. Благодаря ей на территории Ульяновской области в муниципальных образовательных учреждениях создано и работает 32 музея военно-исторической тематики. Вот лишь некоторые из них.

В Ульяновском районе нашей области такие музеи есть в Кривушинской и Шумовской средних школах. А самый знаменитый в районе – Мемориальный музей А. Матросова в Ивановском детском доме.

Два музея Димитровграда расположены в школах №№ 17 и 19 – имени В.М. Богданова и Музей Свирской Победы.

В новоульяновской школе № 1 есть Музей боевой славы «Люди и легенды».

В каждом из административных районов Ульяновска действуют по несколько школьных Музеев боевой славы.

А в школе № 51 Засвияжского района одновременно есть и военно-исторический музей и военно-исторический клуб «Клио».

Экспозиция каждого музея уникальна, наполнена множеством подлинных экспонатов. Среди них: личные вещи участников Великой Отечественной войны – земляков-ульяновцев, фронтовые письма и

фотографии, приборы самолетов, орденские книжки, газеты военного времени, медали. В музеях проводятся экскурсии, встречи с участниками и ветеранами войн, викторины и конкурсы. Областной Центр детско-юношеского туризма и краеведения сотрудничает с музеями муниципальных образовательных учреждений области и в год 60-летия Победы проводит областной смотр музеев боевой славы.

Знания по курсу истории, которые учащиеся получают в школе, воспринимаются подчас как мифология, поэтому использование экспозиций музеев делает обучение более конкретным, наглядным, позволяет связать историю страны с историей края, пробудить у ребят интерес к углубленному изучению краеведения.

Школьные музеи области всегда в движении: кипит работа по комплектованию коллекций из новых поступлений, создаются экспозиции, оформляются выставки, организуются музейные праздники, работают поисковые отряды и советы музеев, проводятся встречи с создателями музеев и ветеранами.

Наталья Ардакова

На фото: экспозиция Музея боевой славы Героев Свири в школе № 31. Фото С. Юрьева

Сохранить связь поколений

Отрадно, что в наши непростые времена не только создаются новые школьные музеи, но и возрождаются старые. Значит, есть еще энтузиасты-учителя, стремление и горение которых не затухают от экономической или политической ситуации в стране, а их воспитанники знают: дорого то, что сделано своими руками, обдуманно мысленно и воплощено в жизнь в стенах родной школы. Главное – дерзнуть и идти вперед, протягивая ниточку памяти будущим поколениям.

В год 60-летия Победы ульяновская школа № 61 преподнесла прекрасный подарок ветеранам войны – восстановлен Музей боевой славы, который на протяжении четырех последних лет был заброшен и требовал срочного ремонта.

Инициатором возрождения музея с 25-летней историей стала директор школы Елена Александровна Милимова – талантливый педагог и прекрасный организатор.

Помещение музея два года использовалось для учебных занятий и находилось в крайне запущенном состоянии. Многие документы необходимо было восстановить, а выставоч-

ный материал пополнить новыми экспонатами. Такие проблемы встали перед создателями в самом начале пути – в сентябре 2004 года. Тогда и подобралась слаженная команда добровольцев. Руководителем школьным музеем и группой «Поиск» была назначена О.Н. Устимова, Т.В. Исакова вместе с учениками 9 А класса занялась разработкой социального проекта восстановления музея, а завуч по воспитательной работе Л.П. Мигунова наладила связи с движением «Общественно активная школа» (г. Воронеж).

И результат не заставил себя ждать – их проект «Красная

гвоздика», рассчитанный на 7 000 рублей, победил в конкурсе социальных проектов. Средства на воплощение его в жизнь предоставила Ассоциация учащейся молодежи (через движение «ОАШ»). В ноябре 2004 года в школе функционировал трудовой лагерь. Часть заработанных ребятами средств пошла на развитие музея: создание панорамной картины, стены памяти и имитации Вечного огня.

Экспонаты собирались самостоятельно и кропотливо, своими руками делались и стенды. Поэтому со всей смелостью музей можно назвать заново рожденным. Школьники, участвовавшие в восстановлении музея, трепетно относятся к каждому его экспонату. Среди них - фотографии и биографии участников ВОВ, истории мирной и военной жизни ветеранов, а также подлинные «осколки» страшной войны: гильзы от снарядов, солдатская гимнастерка, письма с фронта и многое другое.

Созданием экспозиций, поисково-исследовательской и экскурсионной деятельностью занималась группа «Поиск», состоящая из учеников 8-х классов. Ими же была создана картотека ветеранов ВОВ Засвияжского района. Этим и уникален музей, ведь в организации работы участвовали не только учителя. *«Любой социальный проект, – говорит Т.В. Исакова, – направлен на то, чтобы инициатива исходила в первую очередь от детей. Наш первый проект осуществлялся совместно с учениками и их родителями. В будущем мы рассчитываем на то, что ребята сами будут предлагать интересные проекты и пути их реализации».*

Первая выставка Музея боевой славы, открывшегося в канун Дня защитника Отечества, была посвящена 58-й гвардейской дивизии, организованной в Мелекесе (ныне Дмитровград) в 1942 году и участвовавшей в знаменитой встрече с союзной армией американцев. В музее находится книга «Встреча на Эльбе» с дарственной надписью участника этих событий А. Гордеева. Вот как запечатлелся этот день в памяти простого солдата: *«В середине апреля мы встретились с американцами на Эльбе, в районе Торгау. Надо сказать, что многие города в этом районе несут славянские корни. Торгау – это древний Торгов, или Торжок. Ну, встретились, выжили, обменялись сувенирами. А вскоре – радостная весть: Победа! Счастье-то какое! Столько воевали, рисковали и вот – живы остались».*

На открытии выставки Е.А. Милимова подчеркнула, что музей не ограничится одним кабинетом, а продолжится в рекреации, да и по всей школе можно будет встретить его удивительные экспозиции. И уже к 9 мая будут подготовлены стенды, посвященные учителям – участникам ВОВ.

Стремление сохранить благодарную память о тех, кому мы обязаны Победой, воодушевляет учеников. Но все старания были бы напрасными, если бы на открытие музея не пришли сами ветераны и не оценили проделанную работу.

Председатель районного Совета ветеранов В.А. Уланов оставил в книге отзывов добрые слова: *«Совет ветеранов войны и труда Засвияжского района выражает искреннюю благодарность ученикам и преподавателям школы № 61 за восстановление Музея боевой славы. Пусть он будет центром воспитательной работы по патриотизму и любви к Родине. Подвиг наших отцов и дедов заслуживает любви и уважения потомков. Сохраним связь поколений – сохраним Россию!»*

Многие присутствующие на открытии ветераны выразили готовность сотрудничать с музеем и предоставить информацию о себе и живущих ныне участниках войны.

61-я школа знаменита в районе еще и как центр воспитательной работы. Совет музея, состоящий из учащихся средних и старших классов, занимается поисковой, экскурсионной, просветительской работой. Почти все мероприятия с участием школьников в 2005 учебном году будут посвящены 60-летию Победы. Ведь с каждым годом все реже вспоминаем мы солдатские судьбы той войны еще и потому, что мало о них знаем.

В ближайшее время планируется проведение внутришкольного литературного конкурса «Летопись Великой Победы». Доброй традицией станут уроки мужества и, так называемые, «встречи трех поколений», где с молодежью будут общаться не только ветераны Великой Отечественной войны, но и участники локальных военных конфликтов.

Надеемся, что Музей боевой славы будет принимать посетителей еще долгие годы, передавая из поколения в поколение драгоценный опыт, по крупицам собранный школьниками и учителями.

Олеся Иваненкова

Экспозиция музея создается руками учеников

Торжественное открытие музея 22 февраля 2005 года

На пожелтевшей от времени цветной почтовой открытке выпуска 1942 года изображен храбрый боец с захватским чубом — Герой Советского Союза Петр Иванович Голиченков. Такая открытка продавалась в киосках «Союзпечати», а имя Петра гремело по всему Ленинградскому фронту. Хорошо оно было знакомо и гитлеровским солдатам. Кто же этот герой, какими подвигами прославил свое имя?

Большой Человек

Родился Петр Голиченков в селе Должниково Базарносызганской волости Карсунского уезда Симбирской губернии в 1921 году. Природа не наградила Петра ростом — всего 1 м 46 см, но одарила характером сильным, подчас даже настырным. Всем хотел доказать Петр, и прежде всего, себе, что он не маленький, хотел проявить себя поступками настоящего мужчины. Но в его жизни и работе не было ничего героического. Ну что может быть героического в работе сельского продавца? Петр даже стеснялся этого своего занятия — не мужское это дело, думал он, взвешивать на весах макароны и селедку. Особые надежды возлагал Петр на армию. Вот где он докажет всем, что может быть большим и сильным! Но когда подошло время призыва, решение комиссии показало Петру чудовищно несправедливым, вызвало злость и бешеное желание — не отступать ни за что. Всего 4 см не хватило Петру до установленной Уставом нормы роста красноармейца. Вот где пригодилась настырность молодого парня! Обивая пороги военкоматов, различных кабинетов больших и малых начальников, Петр добился своей первой в жизни победы — в армию его все-таки призвали!

Начал службу красноармеец Голиченков на литовской границе. А через 7 месяцев началась война...

Почти с первых дней войны батальон, в котором служил Петр, попал в окружение. Капитан Кондрашин послал Петра и еще четверых бойцов в разведку для того, чтобы выяснить численность и расположение войск противника. Вроде бы все шло удачно, и надо же было одному бойцу нечаянно чихнуть, разом обнаружив себя и всю их немногочисленную группу. Завязался короткий бой. Все, кроме Петра, погибли. А его, отползавшего вглубь леса, неожиданно схватили два дюжих фашиста. Увидев такого маленького солдата, немцы не приняли его всерьез, гогоча, практически даже не обыскав, отняв пистолет и вывернув карманы брюк, погнались в штабную землянку. В землянке не столько допрашивали, сколько потешались его мальчишеским ростом, а потом сдали на руки небольшому отряду из десяти немцев, которые шли на запад. Скорее

всего, это был не конвой: им надо было куда-то по своим делам, поэтому и шли они лесными тропами, не очень-то внимательно следя за пленным. Пройдя несколько километров, устроили привал. Петр, прикинувшись немцем, знаками попросил отойти по нужде. Те, махнув рукой, отпустили: куда, мол, денется этот коротышка.

Напрасно тогда немцы не обыскали Петра. На поясе, под брюками, у него были две «лимонки», которые он предусмотрительно захватил с собой, собираясь в разведку. Солдат метнул одну гранату в гитлеровцев, затем другую, в мгновение ока оказался у дерева, на суку которого висел автомат. Короткими очередями уложил убегающих. Сначала Петр решил пробираться к своим, а затем передумал. «Отомстить тем фрицам, что смеялись, издевались надо мной», — мелькнула дерзкая мысль. Переодевшись в немецкую форму, Петр вернулся в штабную землянку. Кругом было тихо, все спали. Крадучись, Петр проник внутрь и уже поднял автомат, чтобы завершить начатое дело, как вдруг взгляд его метнулся на стол, где среди бутылок и остатков еды он увидел карту, а на карте — расположение и немецких и наших войск. Не поднимая шума, Петр забрал карту, выскользнул из землянки и стал пробираться к своим. Добытая разведчиком карта оказалась неоценимую услугу: батальон вышел из окружения, не потеряв ни одного человека.

В одном из боев, вскоре после выхода из окружения, Петр был ранен и отправлен на лечение. Госпитальное судно, на котором находился Голиченков, по пути в Ленинград было обстреляно немцами, почти все раненые погибли. Петр несколько часов продержался в холодной морской воде, пока его не подобрала. После выздоровления боец снова вернулся в строй. Был он пулеметчиком, минометчиком, а потом ему предложили обучиться снайперскому делу. Талантливым в учебе оказался Петр Голиченков, стрельба решила дальнейшую судьбу пехотинца. На первую «охоту» он вышел 10 сентября, открыл свой снайперский счет, а вскоре стал лучшим стрелком Ленинградского фронта, не по дням, а по часам увеличивая коли-

чество убитых им фашистов.

Ни в одном военном учебнике, ни в одном наставлении никогда не упоминалось о взаимоотношении снайпера и артиллерии, а между тем Петр Голиченков одержал немало побед именно благодаря взаимодействию его, снайпера, с артиллеристами.

На том участке, где «охотился» снайпер Голиченков, гитлеровцы боялись поднять голову. Они убедились: стоит высунуться из траншеи — русский не промахнется. Но для того, чтобы подстрелить фрица, порой надо было лежать и высматривать его несколько часов. Тогда и пошел Петр к артиллеристам и предложил взаимодействовать: артиллеристы будут бить по блиндажам, а когда фашисты начнут разбегаться, тут за дело возьмется снайпер. Попробовали. Получилось, как по нотам: спасаясь от снарядов, гитлеровцы забывали об осторожности, этим и воспользовался Петр.

Памятным для Петра стал день 21 декабря 1941 года. В этот день он досрочно вернулся в полк со снайперских сборов. Его вызвал командир полка и посоветовал, что за время отсутствия снайперов на передовой немцы совсем обнаглели: ходят в полный рост, наверное, посчитали, что прославленного Голиченкова наконец-то подстрелили. Но Петр снова вышел на «охоту» и до обеда подстрелил 17 гитлеровцев. Тогда фашисты решили во что бы то ни стало разделаться с ненавистным снайпером. Петра выдало пятнышко копоти, образовавшееся на снегу после выстрелов из винтовки. Немцы подкатили пушку на открытую позицию, но не успели сделать ни одного выстрела, Петр уничтожил весь артиллерийский расчет. Тогда по снайперу стали бить из дальнобойного орудия. На снаряды гитлеровцы не поспешили, и снайперский блиндаж не выдержал. Немцы торжествовали: наконец-то с надоедливым снайпером покончено!

Блиндаж был разрушен. Казалось, Голиченков действительно погиб. Товарищи Петра, увидев эту картину, бросились разбирать обломки. Вот разбитая снайперская винтовка, а вот и сам Петр. Сначала подумали, что он мертв, но оказалось, что жив! Тяжелая контузия вывела Петра из строя, он лишился речи, потерял слух. Врачам пришлось немало потрудиться, чтобы поставить его на ноги. Сам командующий Ленинградским фронтом Л.А. Говоров следил за лечением прославленного снайпера. Из госпиталя Петр снова вернулся на фронт, а 22 февраля 1942 года он был приглашен в Смольный, где первый секретарь Ленинградского обкома партии А.А. Жданов вручил ему Золотую Звезду Героя Советского Союза и именную снайперскую винтовку. В штабе фронта Петра Голиченкова назначили инструктором. И стал Петр Иванович обучать снайперскому мастерству молодежь. За год у Петра мастерству снайпера обучились 230 бойцов. Это потом подсчитают, что уничтожили они более 4 тысяч гитлеровцев и, в общей сложности, будут награждены орденами и медалями в количестве ста единиц. Но и сам Петр не выпускал из рук разящую вра-

га снайперскую винтовку. В его снайперской книжке появились все новые и новые цифры. Самая последняя довольно внушительная – 225. И еще 23 «выведенных из строя» фашистских снайпера. В единоборстве с «коллегам» всегда побеждал Петр. Но сказалась тяжелая контузия, пришлось досрочно уйти в отставку, и радостный День Победы Петр Голиченков встретил в родном Должниково. Несмотря на неважное здоровье сидеть без дела Петр Иванович так и не научился. Чего только не делал он в родном колхозе! Пахал, сеял, работал конюхом, был человеком активным. Приезжая в Ульяновск, выступал перед молодежью с воспоминаниями о своем боевом прошлом, частенько заглядывал в краеведческий музей.

Печально, что не смог он передать в музей свою главную реликвию – именную снайперскую винтовку. Выполняя указание Министерства внутренних дел, в дом Петра Ивановича ранней зимой 1953 года нагрянула милиция: огнестрельное оружие надо сдать и немедленно! Перестраховались тогда органы, боялись, как бы чего не вышло: оружия-то у участников войны оставалось еще очень много. Хотя

из винтовки Голиченкова стрелять даже по воробьям было невозможно – ствол у нее был деформирован, но все равно отобрали, а «на память» вручили квитанцию об изъятии. Чуть бы раньше ему обратиться, попросить, чтобы передали винтовку в краеведческий музей, как давно собирался сделать. Но только летом 1954 года обратился он с этой просьбой в УВД, не зная, что его «боевая подруга» давно уже уничтожена.

Был Петр Иванович и заядлым общественником, и государственным человеком: он и депутат поселкового совета, он и член бюро партячейки, он и председатель школьного родительского комитета. На все хватало у него сил, энергии, доброты: кому радио помочь провести, кому свет подключить, за кого похлопотать, чтобы в областной больнице подлечиться. На себя, на свое здоровье времени не оставалось, поэтому и умер совсем не старым, в возрасте всего лишь 57 лет. Низкий поклон тебе и светлая наша память, Большой Человек Петр Иванович Голиченков.

Галина Величина

Лев Бурдин

Военные фотографии

*О, фотографии военные,
Вы строгой истине верны!
Те снимки делали, наверно,
В часы недолгой тишины.*

*Когда над ивой изувеченной
Тепло и тихо льется день,
Когда острее пахнет к вечеру
Над рваным брествером сирень.*

*Когда вошла в твоё дыханье
Неумолимая весна,
И жизни зов не в состоянии
Жестоко оборвать война.*

*И ты летишь как будто птицею
На стыке света и огня...
Глядит война живыми лицами
С военных снимков на меня.*

Николай Рябинин

Земляк

*Вещмешок на спине,
Автомат на груди.
Край родной позади,
Край чужой впереди.*

*Где-то дом и родня,
Где-то пули и враг.
Ты устал – ничего!
Шире шаг! Шире шаг!*

*Так в дорожной пыли
Шли со склона на склон.
И однажды догнали
Другой батальон.*

*Сразу шум, сразу смех:
- Эй, пехота, привет!
- Нет ли тульских у вас?
- А ульяновских нет?*

*И услышал, я помню:
- Ульяновский есть!
Мать честная! Земляк!
Прямо рядышком здесь!*

*Я рванулся, но вновь:
- Шире шаг! Шире шаг!
Лишь заметить успел
Чей-то взмах, чей-то знак,*

*Чей-то радостный взгляд
В промелькнувшем ряду,
Взгляд, оставшийся где-то
В далеком году.*

Владимир Дворянсков

*Над Волгой медленно светало,
И даль была еще темна.
И что-то в сумраке искала
Наоцупь длинная волна.*

*Кричали чайки у причала,
Затеяв долгий-долгий пир.
Как будто было все сначала:
И эта жизнь, и этот мир.*

*Там за рекой вставали зори,
Росли, казалось, из волны.
Как будто не было здесь горя,
Как будто не было войны.*

*Как будто вьюга не металась
Над той могильной травой.
Как будто бабка не осталась
Двадцатилетнею вдовой.*

*Не дымятся дали,
Пыль черна от слез.
Ни одной медали
Дед мой не принес.
Только в этом самом
Нет его вины,
Потому что сам он
Не пришел с войны.*

Ульяновску повезло: наш город стал второй родиной контр-адмирала Военно-Морских сил России, одного из первых командиров атомных подводных лодок, командира флагманского корабля атомного подводного флота СССР Игоря Ивановича Вереникина. Человек-легенда из славной морской династии, он прошел героический путь моряка-подводника. Зигзаги судьбы привели его в Ульяновск, а соседство со школой № 86 вылилось в большую и плодотворную дружбу.

Семь футов под килем

Плоды этой дружбы – школьный музей контр-адмирала И.И. Вереникина, шефство над его вдовой, славной фронтовичкой, аллея ветеранов, воспитание учеников на примерах героического служения Родине и множество замечательных традиций, одна из которых – собирать ветеранов в День подводника в стенах любимой Вереникиной школы.

Праздновался здесь День подводника и в нынешнем году: в школу пришло более двух десятков моряков-ветеранов. С восторгом смотрела ребятня на черные кители, сверкающие ордена и медали, золотом отливающие кортики, но не о романтике профессии рассказывали им моряки, а о чести и достоинстве, о военном долге и мужестве настоящих подводников.

Многие ученики отлично помнят красивого, статного контр-адмирала, частого гостя их школы. 25 мая 2001 года они так и не дождались его на пос-

В музее средней школы № 86. В.В. Вереникина в центре. День подводника, 2005 г.

ледний звонок. Игорь Иванович уже собирался надеть свой парадный китель, как вдруг застонал от боли. Сердце моряка разорвалось. Грустным был для всех ребят и учителей тот последний звонок...

Парадный белый китель висит в музее школы № 86 (директор Л.А. Голышева, зав. музеем А.Г. Зарубина), которая носит теперь имя контр-адмирала Игоря Ивановича Вереникина. Бережно хранятся здесь личные вещи ветерана, документы, грамоты, фотографии. Все ученики отлично знают его биографию и славную родословную.

Зачинателем морской династии Вереникиных считается воронежский крепостной Егор: более трехсот лет назад помещик Кригер по высочайшему приказу Петра I отправил пращура контр-адмирала учиться морскому делу. Позже флотские традиции поддерживались каждым поколением Вереникиных.

Игорь Иванович Вереникин родился 21 августа 1926 года в Москве. Ему было два года, когда умерла его мать. Отец, Иван Марьянович, до революции плавал на подводной лодке «Морж» и впоследствии стал флотским офицером. В гражданскую войну, в 1918 году, попал в плен к белым, штабом Деникина был приговорен к смертной казни, но чудом остался жив.

В зрелом возрасте Игорь Иванович напишет об отце: «В школьные годы я очень гордился своим отцом: членом партии большевиков с 1916 года, боевым членом судового комитета первой бригады подводных лодок Черноморского флота, командиром отряда морских пехотинцев в гражданскую войну, выпускником первого набора курсов высшего начальственного состава ВМФ СССР. К осени 1937 года он

был директором строящегося на Камчатке судостроительного завода № 3. Вскоре ему предложили высокую должность в столице. За сутки до отъезда ночью в дверь нашей квартиры ворвались восемь человек в форме НКВД».

Биография сына «врага народа» была, казалось бы, predetermined: детприемник, спецлагерь, анкета «лишенца», но мальчик шел наперекор судьбе. За 22 месяца пребывания в лагере для детей «врагов народа» он прошел программу сразу трех классов, получив отличные оценки по всем предметам. Стоит вспомнить еще об одном примечательном факте: крестным отцом Игоря был близкий друг отца, знаменитый полярник Иван Дмитриевич Папанин, предрекший мальчику славную карьеру моряка.

В 1943 году Игорь Вереникин ушел добровольцем на фронт и – ох, уж эта судьба! – попал на флот, стал торпедистом, а через год был направлен в военно-морское училище имени Макарова, вместе с другими курсантами участвовал в боях с японской флотилией. Окончательную победу над врагом Игорь Иванович встретил на том самом корабле дальневосточной эскадры, где в августе 1945 года японцы подписали документ о капитуляции.

Наступило мирное время, Игорь послали в Ленинград на курсы минеров, тогда и нашел молодой моряк верную подругу, спутницу жизни, с которой прожил до последнего своего дыхания, ровно 50 лет. Женой будущего адмирала стала смелая фронтовичка Валя. Чтобы попасть на фронт, она подтерла в паспорте дату рождения, прибавив себе один год, и пошла на курсы санинструкторов.

«Я закончила войну в Праге, – рассказывает Валентина Васильевна. –

И.И. Вереникин. 1957 г.

манду подводной лодки, которая называлась «Малютка». А вскоре Игорь Иванович поступил в Ленинградскую военно-морскую академию.

Он служил на всех типах подводных судов, а в 1959 году принял под командование первую оснащенную ядерным оружием атомную субмарину на Тихом океане и одним из первых начал осваивать новую технику.

В 1971 году Постановлением СМ СССР И.И. Вереникину было присвоено звание контр-адмирала.

Служба была строго засекречена, и многое из деятельности Игоря Ивановича не знала даже жена. В перестроечное время он отшучивался, что прошел огонь, воду и медные трубы. Валентина Васильевна же рассказала, как много пришлось пережить им обоим: ему – и тонуть, и гореть, ей – ждать, плакать, волноваться.

С особым удовольствием Вереникин вспоминал свой длительный поход по Индийскому океану. Под его руководством эскадра из 17 вымпелов, двух противолодочных кораблей, двух атомных подводных лодок пересекла океан, посетив 14 государств. Везде моряков встречало руководство стран и многочисленные журналисты, которые, как сговорившись, называли Игоря Вереникина «лицом» советского флота. О целях и задачах похода адмирал не рассказывал, зато весело хвастал: в Индии покатался на слонах, в Ираке любовался деревом, плоды которого вкусили Адам и Ева. По возвращении из похода И.И. Вереникин занял пост командира соединения подводных атомных ракетных лодок.

Близким другом Игоря Ивановича еще с юности был знаменитый писатель-моряк Валентин Пикуль. Дружили семьями, даже когда у Валентина Саввича образовалась вторая семья. В доме контр-адмирала хранятся тома произведений В. Пикуля с сердечными автографами автора.

В.В. Вереникина. 1947 г.

Незадолго до переезда в Ульяновск, в Георгиевске, Игорь Иванович познакомился, а затем подружился с мичманом, чудом спасшимся после затопления подводной лодки «Комсомолец». Вереникин всегда выражал беспокойство за судьбы подводников и оказывал всяческое содействие ветеранам. «Как же он радовался, - вспоминает Валентина Васильевна, - когда узнал, что Александр Иванович Маринеско, потопивший немецкий лайнер, на борту которого было восемь тысяч немцев (60 экипажей специалистов-подводников), наконец-то получил звание Героя Советского Союза! Но Игорь Иванович не мог успокоиться, что заслуги Маринеско были признаны только после его смерти».

Перестройка застала И.И. Вереникина в Латвии, куда он был переведен в 1973 году на должность главного командующего государственного инспектора по регулированию и использованию вод Латвии. Здесь он стал членом ЦК КПСС Латвии, депутатом городского Совета народных депутатов. По известным причинам в 1990-е годы семья контр-адмирала вынуждена была покинуть Латвию. Вереникины переехали в Георгиевск. Здесь Игорь Иванович развернул активную общественную деятельность: разыскал 1200 моряков-подводников, создал совет ветеранов, создал военно-морской музей. После второго перенесенного инфаркта по совету врачей он выбрал для жительства город на Волге.

Недолгим оказался ульяновский период жизни Игоря Ивановича Вереникина, но удивительная способ-

сказывает Валентина Васильевна. – Всегда с гордостью произношу полное название нашей бригады: 61-я гвардейская танковая Свердловско-Львовская, Краснознаменная, орденов Ленина, Суворова, Кутузова, Богдана Хмельницкого. Впоследствии она вошла в состав 10-го гвардейского добровольческого Уральского танкового корпуса. Мы участвовали в боях на Орловско-Курской дуге, под Вислой, в Одерской операции, освобождали Львов, Польшу, Чехословакию. Подо Львовом я пережила страшные минуты: попала в лапы к немцам, уже распрощалась с жизнью, но спасли свои, танкисты. При освобождении Кракова и Праги мы старались сохранить исторические и архитектурные памятники, хоть это и было очень нелегко.

После окончания войны я приехала в Ленинград и здесь познакомилась с Игорем Ивановичем. Мы решили обвенчаться. Венчались, конечно же, тайно, в Александро-Невской лавре. Позже зарегистрировали брак по советским законам. 50 лет прожили мы очень счастливо, правда, когда я подсчитала месяцы, проведенные Игорем Ивановичем в море, оказалось, что вместе мы были лишь 25 лет. Но зато какие это были годы!»

Карьера Игоря Ивановича складывалась далеко не просто. В ответственные рейсы Вереникина долго не пускали (полная реабилитация отца состоялась лишь в 1956 году), но эрудированный, любознательный и дружелюбный моряк быстро завоевывал доверие командиров, и его мечта стать подводником все же осуществилась: его приняли в ко-

И.И. Вереникин - второй справа (слева - Б.К. Пуго). 1976 г.

ность этого мудрого и доброго человека притягивать к себе людей подарила ему много друзей в нашем городе. Не успел он поселиться в Заволжье, как под его магнетическое обаяние попали все моряки-подводники. Главным пожеланием контр-адмирала было объединение ветеранов в общественную организацию, чтобы развернуть активную

деятельность и направить ее на патристическое воспитание молодежи, на сохранение славных морских традиций.

Хлопотами Игоря Ивановича Вереникина в Ульяновске был поставлен памятник юнгам Северного флота времен Великой Отечественной войны. Успел создать он и Морское собрание.

После смерти контр-адмирала

организацию возглавил Николай Алексеевич Власов. Сегодня ульяновские ветераны-подводники воспринимаются как дружная, сплоченная семья — не случайно таким большим составом приходят они в школу в День подводника, чтобы почтить память старшего товарища.

Ольга Шейнак

Случай в Заполярье

Эту историю я услышал от своего друга Сергея Бурого в один из нелетних дней, когда моросил нудный северный дождь. Мы лежали в землянке и невольно вспоминали о прошедшем и думали о непредсказуемом будущем, в котором, вероятнее всего, нас ожидала гибель. А ведь мы были молоды и ещё не знали, что такое любовь и простое человеческое счастье...

«По заданию мы вылетели на Новую Землю. Летели через Нарьян-Мар, где должны были заправиться топливом, но что нас больше всего привлекало, так это возможность соприкоснуться с мирной жизнью и — как величайшее счастье — сходиться в клуб на танцы. Счастье, которого мы были лишены. Из Нарьян-Мара вылетели утром. Погода была дрянная, и что ещё хуже — отвратительная видимость. Взяли курс на Новую Землю, но прошло уже больше часа, а под нами было только море. Когда через какое-то время мы убедились, что летим неизвестно куда, а возвратиться назад у нас не хватает горючего, мы решили развернуться и искать берег. В ту пору мы летали на сухопутных машинах типа СБ (скоростной бомбардировщик), и посадка на воду для нас была исключена. Под нами бушевало море и горючее было на исходе...

Когда на горизонте показалась земля, моторы стали гложуть, а потом и вовсе остановились. На наше счастье самолёты типа СБ могли какое-то время планировать, и всё-таки до земли мы не дотянули. Сели в километре от берега на воду. Судьба благоприятствовала нам — мы оказались на мелководье. Взяв парашют, бортовой пулемёт с небольшим запасом патронов и бортовой паёк, рассчитанный на трёх человек, мы по колену в воде побрели к берегу. Вместе с механиком нас было четверо.

Вышли на берег измученные и физически, и морально, не имея ни малейшего представления о месте нашего нахождения. Только потом мы узнали, что из-за магнитной бури вместо Новой Земли мы оказались на Ямале. Кругом тундра с тысячами озёр, а мы не знаем, куда идти, где люди. Разожгли костёр, обсушились, немного перекусили, и после непродолжи-

тельного отдыха пошли вдоль береговой линии на восток. По тундре брели около двух недель. Питание снизили до одной дольки шоколада. За всё это время смогли убить только одну утку из бортового пулемёта, который вскоре вынуждены были оставить в тундре.

Силы у нас были на исходе. Продолжали нести только парашют, полотнище которого использовали при ночлеге. Техник и штурман едва могли передвигаться. Мы с командиром ещё держались и все заботы взяли на себя, хотя понимали, что и мы скоро совсем обессилим. И вот, не помню уже на какой день, мы подошли к речке. Я решил, что мне как самому молодому нужно искать брод. Когда я зашёл в эту ледяную воду, у меня была только одна мысль: «Есть ли предел человеческим страданиям?» Хотелось лечь в ледяную мрачную воду и покончить с этими страданиями.

И в этот страшный момент из-за поворота реки показалась лодка с человеком на борту! Это казалось невероятным. Я вышел на берег, и мы все четверо звали на помощь, но лодку развернули, и она скрылась за тем же поворотом реки. Для нас это был крах. Обессиленные, мы сели и ничего не говорили. Не было ни сил, ни каких-то желаний. Через некоторое время на противоположном берегу появилась группа вооружённых людей, а из-за поворота вышли две лодки, которые приблизились к нам. Оказывается, из-за нашей лётной одежды нас приняли за немцев — даже здесь, в страшной глуши, люди жили по законам войны. Когда же они убедились, что мы свои — свои советские лётчики, то на лодках доставили нас в центр оленеводческого совхоза. А центр состоял из трёх деревянных домиков, в которых размещались администрация и работники совхоза.

Нас поместили в один из этих домиков, где жил бухгалтер совхоза с молодой женой. Бухгалтер был грубый угрюмый мужик, который не мог слова сказать без матерщины; он удовлетворял свою похоть вопреки желаниям забитой и запуганной жены, совершенно не стыдясь нашего присутствия. Неприятно всё это даже вспоминать, но мы вынуждены были ждать самолёта. Все мы, а я особенно, переживали за эту забитую женщину. Накануне прилёта самолёта я не выдержал и вступился за неё, чем вызвал поток грязных обвинений в мой адрес и в адрес Любы — его жены. Я вышел из дома. Бескрайняя тундра, ночь, и такое чувство безысходности, своей беспомощности охватило меня! В это время вышла плачущая Люба. Она обняла меня и просила: «Серёжа, возьми меня с собой, я буду тебе ноги мыть и эту воду пить!» А что я мог сделать? На следующий день мы улетели, а я с тех пор вспоминаю эту тундру, плачущую Любу, и меня не покидает чувство какой-то вины перед ней. Не сделал я для неё ничего, оставил человека в беде, и даже условия войны не дают мне полного оправдания».

P.S.

Вскоре мы с Серёжей расстались и я не знаю его судьбы. Жив ли он остался в этой мясорубке, которая выпала на нашу долю? Какова судьба Любы? Храни их господь!

Борис Петров

В 1912 году уроженец Симбирской губернии Павел Семёнович Телегин по рекрутскому набору был отправлен на Тихий океан в экипаж военного корабля «Печенга». Год спустя к нему приехала жена Анна и обосновалась во Владивостоке. В 1916 году у них родился третий ребёнок, которого назвали Валентином. Крестил долгожданного сына во Владивостокской церкви флотский экипаж. Был у моряков такой обычай: все, кто присутствовал на крещении, отправлялись на судно отмечать радостное событие. Легко волновался океан, шлюпку покачивало, и неумелые матросские руки, принимая на борт мальчишку, выронили его в волну. Драгоценное чадо быстро выловили, а потом, в кубрике за чаркой, захмелевшая команда весело предрекала: «Эх, боцман, быть твоему Валентину морячком». Как в воду глядели.

В 1919 году семья вернулась в Симбирск. Детство и юность Валентина прошли на полубившейся ему Волге, где он научился плавать и нырять.

1930-е годы были отмечены рядом ярких событий. Страна узнала о героическом перелёте Валерия Чкалова через Северный полюс в Америку, о знаменитом подвиге челюскинцев. Воспитанная в патриотическом духе молодёжь мечтала посвятить себя служению Родине. Кому-то снились горы и небо, а Валентин грезил морем.

В 1937 году Ульяновский горвоенкомат призвал Валентина Телегина на службу, и он стал моряком Балтийского флота в команде ЭПРОНа (экспедиции подводных работ особого назначения).

Прошли годы, Валентин считался уже старослужащим и опытным водолазом. За это время эпроновцы подняли ряд затонувших судов, в том числе крейсер «Олег», потопленный английскими торпедными катерами в 1919 году. Затонувший крейсер мешал нашим судам заходить в Ленинградский порт. Водолазы работали с интересом. Их подогревала молва о том, что на борту «Олега» находились серебряные инструменты духового оркестра, подаренные крейсеру самим императором. Но обследовав внутри судна все помещения, нашли только поясную бляку и кокарду.

В 1940 году служба ЭПРОНа приняла сигнал о том, что терпит бедствие пароход «Челюскинец», он шёл из Канады с грузом молибденовой руды, в Финском заливе наскочил на мелководье и переломился пополам. Экипаж спасали команды ледокола «Трувер» и парохода «Кооперация». «Челюскинец» подняли по частям и отбуксировали в Кронштадт на ремонт.

Служба ЭПРОН в 1941 году была

Мореходы

В Министерстве речного флота России стоит скульптура матроса, олицетворяющего характер людей этой мужественной профессии. Натурой мастеру А. Измакову послужил славный моряк – Валентин Телегин. Необычайно интересно сложилась его судьба.

переименована в аварийную спасательную службу.

Война застала Валентина в Моонзундском проливе. Там 24 мая начались морские бои, но маневренности наших судов мешал пароход «Циммерман», затопленный в 1916 году с целью закрытия русскому флоту кратчайшего пути из Финского залива в Рижский. Подъем судна был практически невозможен, потому что немецкие самолёты бомбили этот участок, и командование Балтийского флота разрешило водолазам подвести под днище парохода мины и подорвать его. После взрыва судно подняли по частям, и проход в Рижский залив оказался свободен. Но, к несчастью, в рабочее судно попала бомба, и оно затонуло. Валентину с командой пришлось вплавь добираться до базы, откуда моряков доставили в Кронштадт.

Война продолжалась. Враг наступал по всему фронту. Фашисты блокировали Ленинград. Вся команда ЭПРОНа осталась в городе выполнять особо важное задание. Питались супом из столярного клея, поджаривали кусочки хлеба на олифе для калорийности. Норма выдачи хлеба составляла 300, а позже и 150 грамм.

Варварские обстрелы и бомбёжки сопровождалась криками и стонами

погибающих людей. Как-то раз Валентин увидел после обстрела залитого кровью молодого морячка, сидящего на земле: его глазницы были пусты. А однажды, когда Валентин помогал перенести раненых в бомбоубежище, он сам получил осколочное ранение.

30 августа 1941 года по Постановлению ЦК партии началось строительство дороги по Ладожскому озеру. Команда спасателей по этой «Дороге жизни» оказывала помощь продвижению транспорта и обозов. 17 тысяч военнослужащих, более трёх тысяч автомобилей, 900 конных упряжек осуществляли доставку грузов в осаждённый Ленинград. За время действия военно-автомобильной дороги № 101 было перевезено 300 тысяч тонн грузов продовольствия, сырья и горючесмазочных материалов, 32 тысячи тонн боеприпасов, а также эвакуировано более 600 тысяч жителей.

Главное командование страны поручило Ленинградскому и Волховскому фронтам вести подготовку к освобождению города на Неве. Валентин вместе с отрядом спасателей и группой солдат на десантных баржах и вспомогательных судах уходили от Виссёго Носа на Ораниенбаум. Фашисты начали обстрел. Мужественно и стойко вели себя десантники, мотористы. Не потеряв ни одного судна, бойцы благополучно высадились на пятачке в Ораниенбауме. С переброски войск Ленинградского и Волховского фронтов началось героическое наступление советских войск по освобождению блокадного Ленинграда.

Валентин Павлович – человек сильной воли. Он выдержал все невзгоды армейской жизни: на суше, на море и под водой. В бой на врага он шёл с автоматом, в солдатских брюках, но в тельняшке. Такова заповедь моряка.

В мирные дни Валентин Павлович стал инженером-строителем, восстанавливал разрушенные объекты города на Неве. Он объездил чуть ли не полмира: строил госпиталь в Кампучии, возводил объекты в Таиланде, детские сады в Бирме, школы в Индии, в Африке строил промышленные предприятия, в Норвегии и Финляндии – объекты социальной культуры.

В 1950 году у Валентина и его жены Нины родился сын Юрий, который продолжил династию моряков. Закончив Высшее мореходное училище имени Макарова, Юрий стал покорителем Арктики. Вот так передалась непростая морская профессия от отца к сыну, от деда к внуку.

Михаил Телегин

На фото: семья Павла Семеновича Телегина

1418 дней и ночей пробивались фронтовики к победе. Приходилось преодолевать себя, терять друзей, делить друг с другом последние крохи... Не о наградах и орденах думали — лишь одна мысль жгла сердца: победить! Дойти до Берлина, задушить фашизм в самом его сердце — рейхстаге, и расписаться на нем, поставить победную точку, воплотить мечту миллионов, не доживших до этого дня. Тех, кому удалось сделать это, мало. И среди них больше десяти ульяновцев.

Автографы Победы

Здание бывшего рейхстага реконструировано, и все надписи, сделанные победителями, размашистые и убористые, аккуратные и торопливые, идущие ровно и под углом, убраны. Внесены изменения и в архитектуру здания: нет купола, на котором было водружено знамя Победы. Но в Москве, в Центральном музее Вооруженных сил, хранятся несколько плит штукатурки с автографами наших солдат.

Житель села Междуречье Инзенского района **Иван Иванович Волков** родился и вырос в семье крестьянина. Учился сначала в сельской, а затем в Инзенской средней школе. Иван был призван в Красную Армию в 1939 году, охранял государственную границу на Дальнем Востоке, а когда началась Великая Отечественная, подал рапорт и летом 1942 года был отправлен на фронт. Воевал в составе 41 отдельной бригады пограничников, защищал Ста-

линград. «Незабываемый день — 19 ноября 1942 года. Погнали фашистов, обратив их в бегство», — вспоминал боец.

Солдатские дороги привели нашего земляка на поле битвы на Орловско-Курской дуге. С бойцами 50-й армии генерал-полковника Николая Берзарина Иван Волков штурмовал Берлин и имперскую канцелярию. «И победно прошли по Королевской площади, пронесли славу своего оружия под Триумфальной аркой Бранденбургских ворот, оставили свои подписи на стенах рейхстага», — вспоминал Иван Иванович. Вот его автограф: «От Сталинграда до Берлина. Волков».

Среди его наград 2 ордена, 8 медалей, 12 благодарственных грамот Верховного главнокомандующего. После войны трудился на Инзенском диатомовом комбинате.

Фронтовая судьба выпала на долю **Виктора Александровича Долматова**, уроженца села Кременки Старомайн-

ского района. 10 января 1943 года он ушел на фронт. Было ему в ту пору 18 лет. Из Ульяновского пехотного училища — на фронт. Всю войну прошел в одной 120-й дивизии. Был ранен, контужен, и все-таки дошел до Берлина. Штурмовал рейхстаг и поставил свою подпись на его стене. За боевые заслуги Долматов награжден тремя орденами и пятью медалями. После войны Виктор Александрович вернулся на родину, долгие годы работал председателем и секретарем сельского совета.

Встретила День Победы в фашистской столице и **Антонина Сергеевна Исаева**. Она была призвана в армию в 1943 году, прошла дорогами войны в составе 4-го женского автомобильного батальона. Она тоже оставила роспись на стене поверженного рейхстага.

В числе автографов Победы осталась и подпись нашего земляка **Петра Максимовича Кошечеева**. В армию он был призван в 1942 году. Полковая школа, фронт, рота пулеметчиков, разведрота. Сталинград, Берлин, штурм рейхстага. «Вокруг здания — многоводная река Шпрея, берега ее покрыты бетоном. Чтобы ворваться в здание, саперам пришлось подрывать стены. Бой шел за каждую комнату за каждый коридор, за каждую лестничную площадку. Утром 2 мая рейхстаг был захвачен полностью», — вспоминал Петр Максимович.

Сержант **Дмитрий Корнев**, шофер Радищевской МТС, начал служить в 4-й Гвардейской воздушно-десантной дивизии шофером грузовика. Приходилось подвозить снаряды и патроны, продукты и медикаменты, почту, отвозить раненых в госпиталь и медсанбат. А однажды пришлось совершить таран. Разогнал свою машину и на бешеной скорости врезался в «хорьх», подмял его под себя. Потом протара-

нил и второй автомобиль с немцами. Был тяжело ранен, но выжил и продолжил сражаться с врагом в других частях. Дошел до Берлина и расписался на стене рейхстага.

На рейхстаге своей автограф оставил в долгожданный день Победы и житель села Ждамирово Сурского района **Степан Григорьевич Кулаков**. Действительная служба в армии началась в 1939 году в финской кампании, а в 1941 году — на фронтах Великой Отечественной. Все одолел солдат, дошел до Берлина, был награжден орденами и медалями.

Житель Барыша **Анатолий Николаевич Маклаков** во время войны служил во фронтовой разведке. Боевое крещение получил на Курской дуге, участвовал в разгроме Ясско-Кишиневской группировки фашистов. Из довоенных уроков географии знал, что река Одер — одна из крупнейших рек Европы, средство торговых связей, а во время войны убедился, что Одер — серьезная преграда на пути к Берлину. Немцы хорошо укрепили западный берег реки. «Как и многие бойцы, штурмовавшие Берлин и рейхстаг, — вспоминал Анатолий Маклаков, — я расписался на его стене. Помню: вокруг нас витал особый дух воинской гордости, мы выполнили приказ Родины, враг разбит, победа за нами, за нашей страной и народом».

Оставил свою подпись на рейхстаге наш земляк-инженер **Анатолий Сергеевич Фролов**. Старшина, шофер, он прошел всю войну с первых ее дней и дошел до заветной цели.

Дошел до Берлина **Трошин Василий Петрович** (с. Бекетовка Вешкаймского района), бывший учитель Краснополковской и Бекетовской школ. В армии с 1941 года. Освоил профессию сапера. Освобождал Смоленщину и Орловщину, Брянщину и Белоруссию, Литву и Польшу. «Наш 32-й полк в составе 7-й мотострелковой дивизии 63-й армии Белорусского фронта под командованием маршала К.К. Рокоссовского весной 1945-го продвигался по балтийскому побережью к Берлину», — вспоминал Василий Петрович. Рейхстаг предстал перед бойцами поврежденным и обгоревшим, с полуразрушенным куполом. «Я нашел уголок и на одной из центральных колонн написал: «Мы пришли к вам для того, чтобы вы никогда не приходили больше к нам! Трошин»

На стенах рейхстага расписывались и наши шутники. Вот одна из таких надписей, вызывающая улыбку: «Проездом в Ульяновск через рейхстаг. Смаков».

Майя Казанцева

Послевоенный карнавал

В нашей стране всегда достойно относились к празднованию Дня Победы. Как отмечают эту славную дату в последние годы, нам известно. А вот как это было 40, 50, 60 лет назад, знают немногие. Об этом могут поведать лишь старожилы города да служащие архивов. О праздновании первого послевоенного Дня Победы рассказывает заместитель директора Архивного управления администрации Ульяновской области Галина Андреева.

В Центре документации новейшей истории, в Государственном архиве Ульяновской области находятся на хранении официальные документы о первом послевоенном Дне Победы. В 1946 году обком партии и облисполком постановили — карнавалу в Ульяновске быть. Проведение праздника разработали вплоть до мелочей: оформления и подготовки афиш и пригласительных билетов, участия художественных коллективов и отдельных исполнителей на музыкальных инструментах, танцоров, певцов, зрелищников. Отделу искусства города поручили сообщить о программе праздника карнавала, оформить щиты, а пригласительные билеты вручить к пятому мая 1946 года.

Управление кинофикации Герасимова установило экран для демонстрации кинокартин. В предпраздничные дни при областной филармонии был создан постоянный симфонический оркестр в составе 40 музыкантов.

Это сохранившиеся до наших дней пункты праздничной программы. А вот и специфические для того времени мероприятия. Накануне Дня Победы в области прошла подписка на новый государственный займ. Необходимо было восстанавливать и развивать народное хозяйство. Наиболее активно подписка прошла в Старокулаткинском, Барышском, Мелекесском, Астрадамовском, Павловском районах. За три дня население области подписалось на 60 миллионов рублей.

И еще отголоски войны. В рамках праздничных мероприятий 6 мая состоялись заочные республиканские стрелковые соревнования. В них приняли участие 15 лучших спортсменов городских школ. Первое место заняли учащиеся 1-й мужской средней школы — Сундуков и Павлов, им был присвоен 3-й Всесоюзный разряд стрелков.

Товарищество художников подготовило эскизы для оформления площади Ленина. Карнавал не мог проходить без масок, недаром он назывался карнавалом. Изготовление и распространение необходимой атрибутики праздника поручили драматическому театру. Он же совместно с филармонией приобрел конфетти и серпантин.

В кинотеатре «Художественный» в предпраздничные дни показывали новый художественный фильм «Небесный тихоход», перед началом сеансов выступал ансамбль под руководством С. Суворова.

Репертуарный план драматического театра также вошел в общую картину праздника. Спектакль «Это было в Праге» стал для жителей города большим подарком.

Седьмого и восьмого мая была проведена генеральная репетиция карнавала. Областному дому народного творчества (Демидову и Сиголаеву) было поручено написать специальную карнавальную песенку и заблаговременно разослать текст для разучивания.

9 мая 1946 года точно в 14 часов на площади имени Ленина собралось свыше 15 тысяч человек. На феерический праздник пришли и стар и мал.

На площади и в парке работали аттракционы, были организованы массовые игры и забавы. Участники карнавала могли позаниматься в спортивном уголке и в тире Осавиахима.

Площадь Ленина была украшена портретами руководителей партии и правительства. Духовой оркестр и сводный хор открыли карнавал Гимном Советского Союза.

На сценах выступали коллективы художественной самодеятельности. На подмостках давали концертную программу артисты областного драмтеатра. Звучали русские, украинские народные песни, работники фабрики им. КИМ — участницы художественной самодеятельности, приглашали зрителей на общий танец — плясовую полечку.

Народ за годы войны соскучился по праздникам. И он удался на славу. Зрителям раздавались маски, из одного конца площади в другой летели нити серпантина, сыпалось конфетти. А кульминацией карнавала стал праздничный салют, который подготовили офицеры и курсанты военно-танкового училища № 1.

Единственная, неразгаданная пока страница этого действия — карнавальная песенка. Ее текст в архивах не нашли. Может быть, она сохранилась у кого-то в личных архивах?

Мозаика войны

Белоруссия... Для одних это удивительно нежные и трогательные песни «Сябров», белорусское Полесье и звучные национальные имена – Алесь, Василь, Ганна... А для других... «Родина моя – Белоруссия», – так, словами из песни, с гордостью может сказать Лидия Степановна Кученко. Там, среди полей и деревушек Могилевской области, она родилась, выросла и провела свое детство.

Потом, по воле судьбы, часто менялись города, в которых она жила: Могилев, Моздок, Москва, и, наконец, Ульяновск. Здесь по сей день живет ее семья, любимые ученики школы №15, где она 23 года преподавала математику.

И каждый год 9 мая бывшие коллеги и выпускники приглашают Лидию Степановну на встречу ветеранов, потому что знают, что ее детство было омрачено фашистской оккупацией, разрухой, голодом и пленом...

Люди в военной форме

Все мои первые детские воспоминания связаны с войной, с немецкой оккупацией. Мне было тогда 9 лет. В трех километрах от районного города Чаусы и в сорока километрах восточнее Могилева находилась наша деревня Шеперево, где я жила с родителями, братом Иваном и сестрой Верой. Наша изба – на окраине. Недалеко от домов – железная дорога, в конце деревни, – сосновый лес, сенокосный лужок и красавица-речка Проня, приток Днепра. Перед началом войны эшелоны с солдатами и техникой проходили по этой железной дороге. А мы, босоногие ребятишки, бегали на станцию и бросали в открытые двери вагонов полевые цветы. Солдаты приветливо улыбались нам, махали рукой, и доносилось под стук колес: «Большое спасибо!». На платформах стояла военная техника: танки, пулеметы, – все это везли на западную границу страны. Но мы не понимали, что происходит, и не догадывались о серьезности положения.

Люди в военной форме вызывали у нас лишь уважение и любопытство...

Летние каникулы 1941-го

В один из солнечных летних дней я гуляла во дворе, когда послышался гул самолета. Дети, старики – все, кто в это время был на улице, стали кричать и махать руками. Мы думали, что приземлятся наши летчики. А в ответ – пулеметная очередь... Двух женщин-соседей ранило, а самолет развернулся и пошел на второй круг. Только тогда мы увидели на фюзеляже черные фашистские кресты... Кто-то крикнул, чтобы мы падали на землю и не шевелились. Мы легли, прижимаясь к земле, и я в первый раз увидела испуганные глаза взрослых. Второй раз самолет пролетел уже без стрельбы.

Так мы встретили летние каникулы 1941-го года, но в небе уже не звенели жаворонки, по разливам хлебов не плыли комбайны... Вместо аромата цветов над полями стоял едкий дым пожарищ и пороха, ревели бомбардировщики...

«Русс солдат!»

15 июля 1941 года немецко-фашистские войска захватили Чаусы и Шеперево. В лесах затаились партизаны. За ними охотились немцы и полиция. Потом, крадучись, по одиночке стали выходить окруженцы. Местные жители показывали им дорогу, а тяжело раненных прятали до выздоровления.

Мои родители помогли молодому раненому солдату Ивану из Рославля Смоленской области. Когда немцы забрали скот в нашем подворье, они заметили Ивана. Хотя мы дали ему гражданскую одежду, его узнали по военной выправке и, наставив дуло автомата, закричали: «Русс солдат!». Я вцепилась в Ивана и сказала, что он мой брат. Я плакала, умоляла на ломаном немецком языке, которому меня по школьным учебникам учили брат и сестра. И немцы ушли.

После выздоровления Иван смог пробиться к своим, а по окончании войны долго еще писал моим родителям письма и сердечно благодарил их.

В плену

Немцы заняли нашу деревню и распределили землю между населением. На каждый дом отвели участок для посева, а на пять домов дали по колхозной лошади, упряжь к ней и инвентарь для работы в поле. Семьи по очереди обрабатывали участки. Потом приезжали немцы и забирали урожай для своей армии, оставляя лишь крохи...

Солдаты брали, не стесняясь, курей, яйца, молоко, сало, поросят – все, что могли найти. Видя нашу жизнь и беспросветную нужду, они заботились только о себе, и их совершенно не интересовало, что думаем о них мы.

С утра и до позднего вечера мы, дети, наравне со взрослыми работали на фашистов, помогали маме управляться с лошадью в поле. Наш отец Степан был инвалидом. В годы Гражданской войны его, солдата Красной Армии, захватили в плен белогвардейцы, поставили на мост через реку и хотели расстрелять... Но неожиданно пришло освобождение. Нервное потрясение, которое он испытал тогда, сильно подкосило его здоровье. В 1932-м – в год моего рождения – папу парализовало, и надежды на его выздоровление не давали даже врачи.

«Немец» - значит «смерть»

Трагедии происходили одна за другой. Фашисты учинили расправу над евреями города Чаусы. Сначала их собрали и погнали за город, туда, где в мирное время были пионерские лагеря. Там, в бараках, обнесенных колючей проволокой, они прожили под немецкой охраной несколько недолгих дней. Потом фашисты заставили их вырыть глубокую яму, встали напротив и расстреляли всех... Яму зарыли, но, как рассказывали нам потом взрослые, земля в том месте долго еще шевелилась...

Так жили мы два долгих и тяжелых года. Весь ужас этого времени не понять тем, кто не жил на оккупированной земле. Со времен войны слово «немец» для меня было связано только со смертью, грабежами, пожарами и беззаконием. Но в наших сердцах теплилась надежда на освобождение.

Бомбежка

В сентябре 1943 года, когда советские войска вступили на территорию Белоруссии, мы все еще находились в плену. Немцам удалось закрепиться на рубеже реки Проня, и фронт приблизился к нам вплотную.

Орудия немцы ставили во дворах, а сами жили в наших домах. Нам же приходилось укрываться в самодельных блиндажах – ямах с накатами бревен, пересыпанных землей. Эти блиндажи строились на 2-3 семьи в начале войны. Они долго не использовались, ведь Шеперево оказалось в стороне

от главных событий, и боев поблизости ни разу не было. Теперь же каждую ночь бомбили... По ночам мы сидели в блиндажах, дрожа от страха, и слушали, как рядом рвутся бомбы. Один наш папа лежал на земле под открытым небом — места в блиндаже для него не было. Увидев папу возле блиндажа, немцы подумали, что мы — семья партизан. Они приказали нам возвратиться и жить при них во второй половине избу. И когда наши самолеты снова бомбили, то немцы из дома выбегали, а нам не разрешали. Мы забивались под лавку и сидели в этом нехитром «убежище» на четвереньках. А вокруг раздавался грохот, взрывы, стоны....

Эвакуация

Стояла сухая солнечная осень 1943 года. Через Шеперево шли на запад немцы. Машины с пехотой, тягачи с пушками, но больше всего — подводы, или, как у нас говорили, обозы. Нескончаемый поток, без перерыва двое суток. Такого количества немцев мы никогда не видели.

Л.С. Кученко (в центре) с семьей

Второй послевоенный выпуск. 10 класс Чаусской средней школы. 1950 год

В деревне было тревожно, ходили слухи, один другого мрачнее. Все они были о том, что нас или увезут в Германию, или просто расстреляют... Немцы боялись, что среди населения скрываются партизаны, и, в конце концов, объявили, что мы должны эвакуироваться вместе с ними. Те, кого оставят, будут жить в своих домах и ходить на работу: рыть окопы и траншеи, строить блиндажи. Больные и престарелые останутся с родными. Разрешили брать все, что сможем унести с собой. На сборы дали два часа. Кругом — крики, слезы, но наши мольбы никто не слушал...

В колонне беженцев

В саду, чтобы не бросалось в глаза с дороги, мы выкопали яму, в нее поставили сундук с остатками домашнего барахла, а главное — ссыпали все зерно. Жутко и непривычно было заходить в пустую, разворошенную избу с зияющими проемами окон, и мы больше крутились на улице. Никто не спешил уезжать.

Наш сосед сладил какую-то повозку на четырех колесах — получилась небольшая тележка, куда можно было впрячь лошадь. На телегу он предложил взять папу — ходили слухи, что больных и стариков немцы расстреляют. Мы обрадовались тому, что папа будет с нами, взяли по маленькой сумочке за плечи, теплую одежду, еду и возвратились на сборочный пункт.

Как по команде, все Шеперево оказалось на дороге: кто с повозками, кто с тачками, кто просто вел лошадь, нес узлы. Всех нас построили и отправили в сторону Могиле-

ва. В этой колонне беженцев мы услышали, что нас гонят в лагерь под Могилевом, но ничего хорошего не ждали... По сторонам шли немецкие солдаты с оружием в руках.

Бревенчатые стены изб — это последнее, что видела я, оглядываясь на родную деревню...

Побег

Когда все устали и не могли больше идти, конвой остановился в одной из деревень. Под покровом темноты наш сосед, на телеге которого находился папа, убежал из колонны. Нам с мамой тоже удалось затеряться среди местных жителей. Колонна двинулась вперед уже без нас....

Телега с больным отцом стояла за баней, в конце огорода. Там мы и встретились. Местные боялись нас приютить, да и мы сами опасались доноса. Расположились под крышей бани. «Теперь это будет наш дом», — сказала мама, но слова ее не были похожи на шутку.

Поздним вечером мы и сами увидели, каким багрово-красным стало небо над нашей деревней. Это стреляли из

«Катюш»: снаряды летели один за другим параллельными рядами, не переставая сверкать в воздухе до взрыва.

На рассвете окольными дорогами мы добрались до селения Галени и стали проситься на временное жилье. Сосед определился быстро, а нашу семью никто не принимал из-за больного отца. Много обошли мы домов, и все же одна семья нас приютила. В их доме мы прожили год до освобождения.

Поначалу мы выбегали за ворота по вечерам и смотрели в сторону Шеперево. Родное село горело почти неделю.

Безымянный разведчик

Поля покрылись снегом, и собирать колосья мы уже не могли. С нами находились еще две семьи из нашей деревни. Староста стал просить разрешения съездить в Шеперево в сопровождении полиция и взять зерно, которое было зарыто в ямах. Поехали четыре человека, среди них была и мама. Когда добрались до передовой, то полиция остался ждать в укрытии, а женщины взяли лошадей и поехали к нашему дому — он был ближе всех. Разрыли яму и нагрузили понемногу зерна для каждой семьи. Вдруг мама увидела, как от соседней хаты к ней бежит человек в грязном, бело-рыжем маскхалате поверх одежды. Это был наш разведчик. Он сказал маме, что освобождение придет скоро.

Эта надежда согревала нас долгую холодную зиму...

Освобождение

Наступило лето. В один из дней немцы стали сгонять всех к одному дому. Через его окна были подведены шлан-

ги, а на улице стояли немецкие солдаты. Всех по очереди заставляли заходить, раздеваться, и поливали водой из шлангов. «Чтобы сначала пролезинфицировать, а потом забрать кровь и отправить в Германию», – так рассудили взрослые.

Брат и сестра убежали в лес и папу увезли на коляске. Меня же немцы поймали и, как других детей, погнали на помывку. В какой-то момент мне удалось обежать вокруг дома и спрятаться в соседней избе. Но меня быстро нашли и погнали обратно. Но тут послышались какие-то крики, среди немцев началось волнение, они побросали шланги и быстро ушли. Наступали советские войска, и им было уже не до нас. Так сорвался их зловещий план.

А утром 25 июня 1944 года пришли наши. Как рады мы были этой встрече! Солдат встречали с хлебом и солью, пытались дотянуться до них хотя бы рукой, поцеловать.

Возвращение

Военные скоро пошли вперед, а мы стали собираться домой. Какая-то машина подвезла нас до деревни. Так мы возвратились на свой заброшенный и заросший бурьяном двор.

На грядке в густой траве я заметила красные ягоды клубники, а на деревьях, уцелевших после бомбежек, висело несколько яблок. А дальше, сколько можно было видеть в западную сторону села, открывалась жуткая картина... Черные, закопченные бревна домов, черные столбы дымоходов, обгорелые деревья. Подальше в огороде лежала не разорвавшаяся бомба. Из всех дворовых построек уцелела только одна рама, да столб от ворот...

Тыловые будни

Начались тыловые будни, врезающихся в память событий стало куда меньше. Фронт уходил все дальше от нас, все реже над селом пролетали самолеты. Страх возвращения немцев проходил и постепенно сменялся уверенностью, что они уже не вернуться.

Старшие работали, а наша задача была – собирать колоски, шавель для супа, цветки клевера. На полях оставалась еще прошлогодняя картошка – замороженная и высушенная, она все же годилась в пищу. Мы были уже достаточно опытными. Знали, где колосков может быть больше. Особенно радовались, если удавалось найти заготовку хомьяков: кучку зерна, слегка присыпанную землей. Иногда из одной такой кучки удавалось набрать едва не полпуда, а,

значит, оставалось время погулять. Война войной, а мы, дети, хотели не только есть.

Играли осторожно – в поле было еще много противопехотных мин, от которых отходила тонкая проволока взрывателя. В траве, во ржи ее трудно заметить...

Работы было много... Село сгорело полностью. До зимы устраивались, кто как мог. Наша семья остановилась в небольшом блиндаже под насыпью железной дороги. Остальные занимались строительством временного жилья: разрывали окопы, деревянные шпалы и любой материал перевозили на свои дворы. У кого-то еще стояли не разрушенные печи. У этих печей на открытом воздухе мы готовили свою скудную еду и пекли лепешки из травы. Жили, как могли.

Чудесное выздоровление

Когда начинался день, папу в блиндаже оставляли одному. Мама со старшим братом и сестрой строили временку, возили доски на тачке, сделанной из пулеметного станка. Я же любила быть на своем дворе: там в конце огорода протекала мелкая речушка, по берегам рос кустарник, и можно было собирать ягоды, грибы, орехи.

Вскоре папа стал выползать из блиндажа, подниматься и даже стоять, держась за край траншеи. Мы были удивлены такому чудесному выздоровлению и решили, что новое потрясение, которое он пережил во время оккупации, поставило его на ноги.

Послевоенные

Начальную школу открыли 1 сентября 1944 года около станции Чаусы, а среднюю, в которой я училась с пятого класса, – в Чаусах.

Многим было не до учебы: люди голодали, жили бедно и тяжело. В старшие классы мало кто пошел – нужно было помогать родителям. Учиться было трудно, первое время не было даже тетрадей. Писали на оберточной бумаге, на кусках обоев – кто что мог достать. Мы были дружны и старались объяснить то, чего не знал другой. Вот такими мы были учениками: трудолюбивыми, ответственными. Хотя и одежда у нас была плоха, и мы были голодны первое время. (Лишь через несколько месяцев школьникам стали давать по карточкам немного хлеба).

Впереди нас ждали тяжелые послевоенные годы, но это была не беда, ведь мы жили на своей родной, пусть и израненной, белорусской земле.

Г.И. Шеляков, 1941 год

Письма с фронта

С годами память подводит, забываются фамилии, имена людей, с кем жил, учился, работал. Но в отдельные моменты вдруг вспоминаешь события и лица. Мысленно пробегаешь собственную жизнь: что же в ней было хорошего, заслуживающего человеческого уважения? Что отдал тебе люди, и что ты отдал им? Читаешь и перечитываешь письма с фронта 60-летней давности от отца и дяди, и при этом не перестаешь удивляться, как наша мама, Шелякова Тамара Васильевна, оставшись в 29 лет без средств к существованию, без запасов продуктов и топлива, не растерялась, преодолела все невзгоды, голод, – и мы выжили?..

После ухода на войну моего отца, Дмитрия Иосифовича Шелякова, мама долго и настойчиво просила у директора совхоза работу. Ей отказывали по причине беременности, но она все-таки добилась, её приняли сначала на распиловку дров для котельной спиртзавода, а затем перевели на склад. Ее зарплаты и 75 руб. пособия за отца хватало только на то, чтобы приобретать минимум продуктов.

В 1942 году, когда отец стал офицером, на присланные им деньги мы даже смогли купить корову. Выжили мы еще

и потому, что нам морально и материально помогали дедушка Иосиф Иванович Шеляков и бабушка Степанида Артемьевна – родители нашего отца, а также бабушка Елизавета Макеевна Кузнецова – мать нашей мамы.

В 1943 году на отца пришла похоронка...

В это время на территории совхоза дислоцировалось какое-то воинское подразделение, кажется, морская пехота, и у нас квартировали два офицера. Мама готовила им пищу. Благодаря этим офицерам, до нас дошел ленд-лиз:

тушенка, шоколад, яичный порошок, сахарин американского происхождения. Помогали нам, помогали и мы.

Особенно неоценимой была помощь со стороны Владимира Лазаревича Штерна. Он прибыл на Гимовский спиртзавод как эвакуированный из Винницкой области (Украина). В 1945 году Владимир Лазаревич стал нашим отцом, женившись на нашей маме. Он был добрым и заботливым главой семьи. Кроме нас, на его иждивении находились его престарелая мать и сестра – инвалид с детства. Взять на себя содержание и воспитание чужих пятерых детей было с его стороны большим благородством и, конечно же, искренней любовью к маме.

Реакция со стороны его близких была самая отрицательная. Они не простили ему, еврею, женитьбы на простой многодетной русской женщине. Со стороны наших родственников реакция была также негативная. Бабушка Елизавета Макеевна не позволяла мне и старшему брату называть его отцом. Она не верила, что наш отец погиб, и надеялась, что он после окончания войны обязательно вернется. Под ее влиянием я тоже верил в возвращение отца, но этого не произошло. Нам до сих пор не известно, где и при каких обстоятельствах он погиб, где покоится его прах.

Только в зрелом возрасте я осознал, какую бескорыстную доброту, внимание и заботу проявил к нам Владимир Лазаревич. Впервые я стал называть его отцом в письмах во время службы в армии, в середине 1950-х гг. С мамой они прожили душа в душу более 30-ти лет. Они вместе своими наставлениями, вниманием, заботой о нас, заставляли учиться, честно работать и жить. И мы по мере своих сил и возможности учились...

Нам всем пятерым уже за шестьдесят и активный период своей жизни мы прожили достойно. В таком же духе воспитали своих детей и участвуем в воспитании своих внуков.

Собираясь вместе, мы всегда вспоминаем всех, кто помог нам выжить в лихие годы проклятой войны. Их уже нет в живых, они ушли из жизни, но в памяти нашей остались как добрые благородные люди. Вспоминаем, благодаря письмам, отца Дмитрия Иосифовича и его младшего брата Геннадия, 20-летнего летчика.

Вот письмо отца родителям, датированное сентябрем 1941г: «...пусть мама не расстраивается, бережет своё здоровье, что же, теперь нас трое в РККА, у Вас ещё сын растёт, растут внуки, а как у других – не только сыновья, но и дочери и мужья находятся в нашей доблестной Красной Армии. Как бы он не напирал, как бы не бесился, этот проклятый фашизм и его идеолог Гитлер, всё равно ему рано или поздно несдобровать, победа будет за нами. И не все гибнут в боях, так что расстраиваться пока об нас рано. Сегодня я получил благодарность за отличное выполнение поставленной предо мной задачи, думаю, что и после того, когда пойдём на фронт от других не отстану. Думаю, что и Вы там все силы приложите для окончания в срок всех работ...»

Отец переживал за нас, надеялся на скорую победу. В феврале 1942 года он писал родителям: «...Папа, еще раз благодарю за известие о сыне, от Вас первых я узнал, что у меня родился сын. ...И получил, наконец-то, почти за четыре месяца сразу два письма из дома: в одном пишут, что живут очень плохо, в другом уже пишут, что живут лучше, у них отелилась корова, стали выдавать по 400 гр. на иждивенца...» А 8 мая того же года пришло еще одно письмо: «...Вовсю готовимся бить гитлеровскую сволочь. Осваиваем новую технику, чтобы бить так, чтобы ни один гад не унес бы свои ноги с нашей советской земли, а если удирал бы, так без ног или без головы».

А вот письмо младшего брата. В одном из писем Геннадий сообщает, что еще до начала войны поставил себе

цель стать летчиком: «...я решил учиться до тех пор, пока не свалится с плеч голова. Буду добиваться, чтоб попасть в Академию ВВС. Всю жизнь буду учиться и достигну этого. У меня есть заветная мечта стать летчиком нашей великой Родины, чтобы я мог каждую минуту выпутить грудью на защиту наших мирных рубежей».

Сентябрь 1943 года (письмо к сестре): «... Вчера за отличное выполнение боевых заданий награжден орденом Красной Звезды, возможно, это тебя обрадует. Это не первая награда и это является мстью за брата».

Летать Геннадию Иосифовичу приходилось за пределы линии фронта, за Днепр, Неман, Смоленск. Сестре он пишет: «...Боевые дела у меня также идут неплохо, что дальше будет, увидим. Больше у меня для тебя ничего интересного нет, да и чем может интересоваться фронтовая жизнь, она однообразна. Если интересно, спроси у Папаши, он воевал с пруссаками и знает их. ...Вера, письмо дописываю и отсылаю сегодня. Вчера это письмо летало со мной на задание. Сегодня оно идет к тебе, омытое горем и печалью, ибо друг не вернулся. Вот что я хотел написать тебе в последних строках своего письма. С приветом, твой брат Геннадий. 17 августа 1944 года».

Последнее письмо родителям. 27 октября 1944 года: «...Скоро, видимо, настанут горячие и при том окончательные бои, которые наверняка принесут нам победу над этой заразой. Написал письмо Анатолию, возможно увидимся. Напиши мне в отношении Владимира, как устроился он, да и пусть сам пишет, а то, если вернемся домой, ему нехорошо будет. Я мог тоже отсиживаться, но, увы, совесть не позволяет, да и вы требуете от нас скорейшего разгрома врага, мы выполняем, как и многие другие, ваш приказ, приказ народа, разве мы не за Родину ложим голову, да нас заставляет чувство долга».

А это письмо Геннадий Иосифович не смог отправить сам, его отправил друг по службе, Евгений Филиппов.

Вот что он написал: «...27 октября 1944 года при полете на вражеские позиции он (Геннадий) был сбит, также как и некоторые другие... Жаль такого человека, особенно мне, как его другу. Прожил я с ним больше года, делил вместе и горе и радость нашей военной жизни. Он летал на задания всегда с рвением и выполнял задания по-геройски. Но за Балтику ему видно суждено. Правда, верить этому не хочется, потому что он не вернулся, но погибшим его никто не видел. Мы все его ждем, по-моему, он пропал без вести, а там кто его знает, куда он попал на земле: или к фрицам или куда, трудно судить».

Письма отца и его брата, написанные незадолго до гибели, нельзя читать равнодушно. Слова из их писем никогда не умолкнут, как бы далеко не отодвигалось время. Эти весточки с фронта представляют исключительную ценность и интерес для нас, для наших детей, внуков и правнуков. Из писем трудно делать выписки, в них каждое слово, фраза наполнены любовью к родным, близким, Родине.

В письмах 20-летнего Геннадия Шелякова переплетаются спокойствие, мудрость, оптимизм с горечью и гневной скорбью за гибель родных и близких. Он учил спокойствию и выдержке отца, мать, сестру, брата, стараясь облегчать их страдания. Я не могу предположить, какие чувства будут вызывать эти строки у людей, их прочитавших.

Да, жизнь двух братьев оборвалась рано, в 30 и 20 лет. Они честно, достойно отдали жизнь свою, освобождая родную землю от гитлеровских захватчиков. Мы же склоняем свои седые головы перед светлым образом их, отдавших жизнь за Родину, за продолжение жизни родных и близких.

Борис Шеляков

Детство под прицелом

Из воспоминаний Тамары Майской

Говорят, что в свой день рождения умирают святые. Может быть, Тамара Николаевна Майская была как-то отмечена Богом? Ведь с ней случилось именно так. А то, что, живя на земле, она постоянно стремилась творить добро и жить по заповедям Христа, — это несомненно.

Тамара Майская (в девичестве Пономаренко) родилась 12 декабря 1938 года в Ейске Краснодарского края на берегу Азовского моря. Там она пережила фашистскую оккупацию, видела, как бомбили город, знала, что такое голод, смерть.

После окончания школы она приехала в Ульяновск и поступила в сельскохозяйственный институт. В институте занималась исследовательской работой на кафедре плодоводства, проводила опыты. На пятом курсе вышла замуж. Некоторое время она с мужем и сыном жила в Ейске, а потом снова вернулась в Ульяновск, где начала работать в гидрометслужбе под начальством А.С. Лонгера. Ею были разработаны методики, по которым работали в других областях Поволжья и Гидрометцентре СССР.

На общественном фронте Тамара Николаевна занимала пост председателя профкома. Старалась создать нормальные условия для работы и отдыха коллектива.

Для меня же Тамара была самой близкой подругой. Наша дружба длилась около пятидесяти лет.

Перед выходом на пенсию Тамара Николаевна занимала должность начальника Гидрометцентра. В Приволжском управлении она была единственной женщиной, возглавлявшей столь сложную областную структуру.

На заслуженном отдыхе Тамара Николаевна не забывала свой родной коллектив, навещала сотрудников. Около неё всегда были люди. Всем старалась помочь. Верно говорят: светя другим — сгораешь сам. Наверное, и сгорела, отдавая другим тепло своей души, огонь своего сердца.

Наталья Новицкая

Первые детские воспоминания — это военные годы, поэтому они такие яркие и незабываемые. Город Ейск на берегу Азовского моря притягивал немцев не только потому, что они рвались на Кавказ, но и потому, что там располагался порт с Азовской флотилией, военный аэродром и другие стратегические объекты. Поэтому город бомбили часто. Вначале мы с интересом наблюдали за ночными боями в небе: яркие лучи прожекторов сходились из разных сторон на черном южном небе, и на пересечении их вдруг появлялся самолёт, начинали стрелять «зенитки» и мы, детвора нашего дома, радостно кричали: «Попался!». В доме на углу ул. Сталина, 118 и ул. Одесская во время войны было восемь детей: я самая маленькая, 1938 г. рождения, и мальчишки, среди них мой два брата — Володя (старший) и Николай.

Бомбёжки усиливались, и мы уже не наблюдали за ними. Первое время мама хватала какие-то узлы и нас и при завывании сирен бежала в соседские дома, где находились подвалы и куда прятались люди из соседних домов. Но мне врезалось в память, что часто нас не пускали, говорили, что подвал переполнен.

Однажды, в очередной раз не попав в подвал, мы пошли обратно. В это время началась бомбёжка, и мы бежали до дома, а это около 500 м. Всё кругом полыхало, гремело, а когда по асфальту начинали стучать пули (или осколки), мама прижимала нас к стене дома и закрывала собой. После этого мама решила больше нигде не бегать, и когда объявляли тревогу, она стелила постель в тёмном коридорчике между квартирами, укладывала нас спать и читала молитву «Живые помощи...». Она говорила: «Как Богу будет угодно, так оставит нас в живых». Днём мы с Колей ходили в детский сад на улицу Таманскую. Во дворе детского сада были вырыты траншеи, накрытые брёвнами и землёй — это было наше бомбоубежище.

Запомнился один день в детском саду. Мне очень хотелось есть, и, наконец, нас посадили за столы и подали тарелочки с супом. Бульон в тарелке был прозрачный, в нем плавало несколько кусочков вареного теста. Не успели мы взяться за ложки, как столы наши запыргали. Нас воспитатели скорее сгребли и быстро повели в траншею. Спускаться туда можно было шеренгой по одному, впереди воспитательница со свечкой. В траншее было

темно и сыро, ноги устали стоять, кто-то плакал, воспитательница где-то впереди с маленьким огоньком свечи пыталась рассказывать сказку, но её не было слышно и почти не видно, так стояли тесно друг другу в затылок. В тот день, когда нас вывели из траншеи и завели в зал, где мы обедали — столиков не было, под ногами хрустело стекло, окна были разбиты. Взрослые плакали и говорили, что бомба попала в дом напротив, и там погибли два мальчика, которые именно в этот день не пришли в детский сад, а бабушка, что оставила их в этот день дома, осталась жива. Мне кажется, что это был наш с Колей последний день в детском саду. Теперь мы сидели дома.

Мама нам велела после объявления воздушной тревоги прятаться под кровать и спускать до пола толстое одеяло. Под кроватью мы стелили постель, после тревоги там и засыпали. Так почти весь день там лежали. Както мама рассказала, что один дом разбомбили, его завалило, но когда раскопали, нашли живых детей под кроватью. Кровать была металлическая, мы надеялись на неё и бомбёжек не боялись.

В 1942 г. город был захвачен немцами и румынами. Мы остались без всяких средств. Осенью ходили за город и приносили брошенную на колхозных полях морковь, свеклу, лук. Мама собирала вещи, оставшиеся от папы, и уходила с Володиной менять их на продукты, а нас с Колей закрывали на замок, и иногда нам приходилось одним оставаться несколько дней. Коля, хотя и был всего на год старше меня, был моим настоящим воспитателем. Он делал мне игрушки, отвечал на бесконечные вопросы «почему?», успокаивал, когда я плакала, просила есть.

Наступила зима, и мама уже никуда не уходила. Мы больше лежали все на одной кровати, прижавшись к маме, и накрывшись всеми одеялами, чтобы как-то согреться. Я помню, как при свете маленькой копилки женщины делили по кучкам очистки. Затем мама их отмывала, варила и на печной плите пекла лепёшки. Мы были голодные, но я не могла их есть, у меня пекло от них во рту, но всё-таки понемногу ели всё.

Вспоминается и такой случай. Когда мы с братом оставались одни, нам не разрешалось сидеть на подоконнике, т.к. окна наши были низко от земли, и хорошо нас было видно с улицы. Но так как у нас не было никаких раз-

влечений, кроме созерцания прохожих, то мы часто вдвоём сидели у окна. Один раз мы с Колей вдвоём устроились на подоконнике. Мимо шли немцы, пели песни, и вот вдруг здоровый немец, видимо пьяный, качнулся прямо к стеклу и, очевидно, увидел наши глаза или ему что-то показалось. Он вынул пистолет и выстрелил в окно, но мы успели присесть и пуля пролетела между нами и в пол.

Когда немцы пришли в город, они издали указ, чтобы все зарегистрировались. При регистрации на паспорт отмечали по степени благонадежности полосами, одна полоса — коммунисты, евреи и др. Две — учителя и т.д. три — семья фронтовика. На мамин паспорт было три линии. Кроме того, в указе значилось, что все книги коммунистического содержания должны быть уничтожены, аналогичные места зачерчены краской или чернилами. У нас в доме много было литературы и особенно журналов. Для нас это было одно из развлечений: рассматривать картинки журналов. Володя плакал, не хотел пачкать книги, но мама его заставила это сделать. Потом, к концу войны, когда нечем было согреться, все эти испорченные журналы использовались на растопку печи. Запомнилась история с музеем.

Метрах в ста от нас располагался краеведческий музей, задней частью он примыкал к техническим мастерским по ремонту самолетов. Там стояла немецкая воинская часть. Чтобы освободить здание музея, немцы все экспонаты выбросили в ангар. Мальчишки узнали об этом и стали строить планы, как от туда что-нибудь достать. Некоторые, из соседних домов, уже забирались туда, и кое-что притащили домой. И постепенно чучел действительно много натаскали. После войны приходил организатор музея краевед Сазонов и собирал по квартирам соседней музейные экспонаты и благодарил, т.к. немцы потом сожгли всё.

Я немцев боялась, о них рассказывали много страшного, мама не разрешала нам выходить на улицу. Говорили, что детей с улицы забирали в немецкие госпитали и брали у них для раненых кровь. Дети часто умирали после этого. По улицам ездили машины-душегубки. В закрытые машины сажали людей и пускали газ, пока доедут до края города, где был ров, люди задыхались. Так быцам умерщвлены 214 детей детского дома и сотни других. В Ейске зверствовала известная зондеркоманда СС 10-А. Фашистам помогли и изменники Родины.

Освобождение наступило в февра-

ле 1943 года. Отступали немцы постепенно, город вдруг опустел. Потом появились шеренги наших солдат. Шли строем в касках, накидках и вид у них был серый, запылённый, лица уставшие, что меня удивило. Мне казалось, что они должны быть радостными и праздничными. Но до праздника было ещё очень далеко. Возобновились бомбёжки, но теперь они были неожиданными и кратковременными.

Вспоминается такой случай. Чтобы не хотелось есть, жевали чёрную смолу, вначале неприятно, поплюёшься, а потом она становится как жвачка. Но смола тоже дефицит и ходили за ней на морской аэродром, где сейчас пляж. В один солнечный день вся наша дворовая компания отправилась за смолой. Вдруг со стороны моря показался фашистский самолёт. Налетел и давай по нам из пулемёта строчить. Володя схватил одной рукой мою руку,

другой Колину и бегом к кустам. Мы так бежали, что я думала у меня или ноги оторвутся или рука, за которую меня тащили. Бежим, а пули по бетону жикают, добежали до кустов — Володя нас толкнул под них, а сам нас собой накрыл. Слава Богу, все остались живы.

Летом нам легче было прожить, хотя бегали босиком, полураздетые, но зато ели травку, особенно любили белую акацию. На нашей улице её было много, но она высоко цвела. Володя брал наволочку, взбирался на дерево и полную набивал душистыми сладкими цветами. Мы с Колей приносили домой её, клали между собой и горстями запихивали белые цветы в рот, пока не набивали полные животы.

Всей дворовой компанией ходили «драть» бычков, т.е. ловили в сваях руками. Тогда далеко уходил «бычковский мой», остаток от старой пристани в районе маяка. Ребята раздевались

догола, всё складывали в кучку и меня сажали сторожить, а сами лезли в воду, ловили бычков и нанизывали на толстую нитку. В мои обязанности входило не только сторожить бельё, но и следить, чтобы не появилась гурьба ребят с другого района города. Когда улов был богатый, мы возвращались домой через рынок. На рынке Володя часть бычков менял на макуху (подсолнечный жмых), отламывал нам по кусочку, и мы счастливые шли домой.

Хлеб давали по карточкам. На нашу семью это было меньше полбуханки. Мама уходила затемно и приходила после 12 часов. Практически мы её не видели. Работала в авиагородке и ходила пешком. Вспоминается утро. Я проснулась от того, что по радио пели «Вставай, страна огромная, вставай, на смертный бой с фашистской силой тёмною...». Мама уже дома не было, но в комнате темно. Проснулись братья, мы знали, что мама оставила завтрак, он состоял из кусочка хлеба с солью, но это было сказочно вкусно. По такому же кусочку мы получали днём. Кормил Володя. Остальное — «подножный» корм.

Выручало нас большое деревосилковница, которое росло посредине двора. Всё дерево было по веткам распределено между детьми. Кто был голодный, тот каждый день со своих веток съедал недоспелые, даже зелёные плоды, а кто посытнее дома питался, тот ждал, когда на ветках плоды станут розовыми и сочными. Но таким у нас был один, у мамы он был один сын, им было легче.

В 1944 году мама устроилась работать в столовую пожарной команды поваром, это по улице Московской, совсем почти рядом с нашим домом. Это позволило в середине дня поесть нам горячее. В обед Володя приносил в молочном бидоне борщ или суп и кормил нас. Кроме этого мама взяла землю под огород, которая располагалась на берегу моря около п. Воронцовка. Мы приобрели тележку и ездили туда, когда у мамы был выходной.

Походы на огород были для меня трагедией, т.к. я была маленькая, а в жару приходилось ходить по 15 км туда и обратно, я плакала, садилась на дорожку и не хотела идти, меня и ругали, и уговаривали. Но зато осенью у нас был свой хлеб, каша из кукурузы и подсолнечное масло.

Володя учился в школе. Коля пошел в школу в 1945 году. В СОБЕСе маме дали для Коли американские туфли на деревянной подошве, когда он ходил, стоял грохот, а мне дали тоже из «американских подарков» куклу. Я

первый раз увидела настоящую куколку. Писал Коля в школе на газетах, их разлиновывали и учили писать.

Вспоминается день Победы. Солнечный, радостный. Наши мальчишки собираются идти на Морской аэродром, там должно было состояться народное гулянье. Меня одеть не во что, за зиму выросла, всё мало. И вот сюрприз - приходит моя крёстная и приносит для меня платьице из красивого ситца, которое сшили сами. Я счастливая, со всей гурьбой выскакиваю на улицу. Там очень много людей, никому не сиделось дома. Единственное, что меня огорчало - это много калек без рук, без ног, на которых я боялась смотреть. На «морском» было много военных и молодых женщин, играл духовой оркестр, и танцевали на асфальте взлётной полосы. Вверх взлетали ракеты, но в солнечном небе их не было видно, только в толпу падали пустые гильзы, девушки пищали, а мальчишки между танцующими собирали гильзы. У берега стояли катера, моряки спустили надувные лодки и катали детей, но маленьких не брали, что нас очень расстроило.

Мы считались сиротами, мама ещё в 1944 году получила похоронку. Были мужчины, которые хотели бы жениться на маме. Она была красивая, но я слышала, как мама говорила соседке: «Нет, никакого замужества, кому нужны чужие дети». Мы тоже этого не хотели. Я слышала, как она не раз говорила: «Я лучше бы на фронте под пулями воевала, чем смотреть, как мои дети с голода умирают». В самое тяжелое время для нашей семьи приходила старшая сестра папы - тётя Дуся и предлагала маме отдать Колю для усыновления (своих детей у неё не было), она говорила, что маме с нами не выжить. Мама отказала. Она сказала, что умрёт вместе с нами.

В военные годы очень было распространено гадание. Мама тоже ходила гадать, и одна гадалка сказала ей, что её муж жив, пришлёт письмо, потом другое и сам приедет. Мама верила и молилась, брала меня в церковь. Помню, одна женщина сказала мне: «Молись, девочка, и твой папа приедет». Осенью 1945 года мы получили от папы письмо и фотографию, собрались все родственники, плакали, фото маленькое ходило из рук в руки. Потом пришло ещё письмо.

Наступил 1946 год. Меня мама собирала на ёлку к себе на работу, заплетала косички, и бабушка Маша у нас гостила и в это время. Постучали в дверь, и зашёл мужчина с чемоданом и рюкзаком. Мама с бабушкой так и упали в его объятия. Через секунду весь двор знал, что у нас отец вернулся,

стали приходиться родственники, обе наши комнаты набились к вечеру людьми. Володя с Колей были в кинотеатре и рассказывали, что в середине картины соседский мальчишка в тишине закричал, чтобы они вышли, отец вернулся.

Конечно, братья тут же прибежали, обнимают папу, а я на него смотрю и он для меня незнакомый. Я ему говорю: «Дядя Коля». Все стали смеяться и объяснять, что это мой папа, и я должна его так называть. И мне кажется, что в дальнейшем он меня любил больше всех.

Жить нам стало легче. Папа работал парикмахером в две смены. Уходил к 7 утра и приходил к 10 ч. вечера. Мама бросила работу, чтобы нас поддержать. Мы были очень слабые, особенно я. Когда я пошла в школу в 1947 году, то я не видела с первой парты, что написано на доске. Мама каждое утро давала мне ложку растворённого сахара, который тогда был дефицитом. 1947 год был очень тяжёлый. Хлеб давали по карточкам, и за ним нужно было стоять в очереди всю ночь, чтобы утром получить хлеб. Всю ночь мама с папой дежурили в очереди - один спит, другой дежурит. В школу шла по центру города мимо разрушенных домов, и мне было страшно, в школе тоже было темно, и мы рядом на корточках в коридоре сидели и ждали свою учительницу Зинаиду Ивановну - красивую, молодую. Мы были единственными её учениками, через год после нашего выпуска она умерла от чахотки.

В 1948 году весной отменили карточную систему на хлеб. Люди не верили, что теперь хлеба можно было купить столько, сколько хотелось. Очереди были, но скоро хлеб можно было купить свободно. Я помню разговор мамы с папой: «Дети стали наедаться, меньше стали кушать».

В 1951 году объединили школы - мужские и женские, а в нашей школе открыли педучилище. Я перешла учиться в школу № 9, где учились мои братья, её я и окончила. Большое влияние на нас, школьников, оказали учителя. По всем предметам учителя были мужчины, все фронтовики, многие ходили в школу в военной форме, позднее они сменили её на гражданские костюмы. Директор школы Батыр Ахметович Нибо, строгий и заботливый, знал всех, часто наиболее хулиганистых вызывал к себе на беседу, дисциплина в школе была. Учителя отдавали нам не только знания, но и свои души. Немного позднее в школе появились учительницы по английскому, географии, русскому.

Мне всегда было стыдно приходиться

в школу с невыученными уроками, поэтому я всегда учила уроки и старалась как можно лучше, а в старших классах старалась учиться на «5», т.к. знала, что поступать в институт трудно. Конкурсы были не менее 10 человек на место. В аттестате зрелости у меня было две четвёрки (по русскому и литературе), остальные пятёрки. Я выросла на природе и очень любила растения. В детстве они скрашивали мою одиночество, я часто говорила с цветами, деревьями. Цветы я рано стала высаживать одна в нашем маленьком дворе, в последствии получился палисадник, где мы уже взрослыми любили посидеть, спрятавшись за листьями разросшегося клёна. Отсюда моё желание поступить в с/х институт.

Правда, мне хотелось поступить в Московскую академию, но папа сказал, что средств на это не хватит, т.к. в это время учился Коля в институте и Володя тоже поехал поступать на учёбу, но вместо этого женился, привёз жену Галю с сыном Колей, а сам ещё год работал в Сибири в геологической экспедиции. Наши родители всегда поддерживали нас, да ещё Коля на втором курсе женился и прислал тоже свою дочь Танечку к маме. Вот и пришлось родителям нас троих в Ульяновске учить, Танечку растить и Володе помогать. Даже когда Галя с Володей уехали в Мурманск, Колечка в основном жил у дедушки с бабушкой. Родители мои старались для нас, им хотелось, чтобы мы получили образование, чтобы внуки у них были здоровыми. Для себя они жили мало, хотя тяжело прожитые годы сказались, и здоровье угасало.

В 1978 году маму парализовало, и десять лет папа ухаживал за ней с большой любовью. Называл её только «Верочка», и когда она умерла - в 77 лет в 1988 году горе его было безмерно. Он сразу состарился, и жизнь для него потеряла смысл. Он говорил, что не может один оставаться дома, всё время слышит её голос. Папа поехал к Коле, приезжал ко мне, был в Москве, Ленинграде, но чувствовал, что близится его конец. В 1992 году осенью он приезжает в Ейск, в марте 1993-го Галя, Володина жена, вызывает меня в Ейск, а 4 апреля папа умирает у меня на руках. Последние годы папа болел, и я часто была с ним в больничной палате, а дома он мне рассказывал то, что мучило его душу, то, что раньше он никому не рассказывал. Это были воспоминания о войне, которые и у меня застряли в памяти. Когда я слушаю или смотрю фильмы о войне, я обязательно вспоминаю папину исповедь о тех жестоких событиях, о которых тяжело вспоминать как детям, так и взрослым.

Петр Иванович Уланов
(1900 – 1941)

Штрихи к портрету поколения победителей

Старые пожелтевшие фотографии... С одной из них на меня смотрят умные, добрые и внимательные глаза. Это дядя Петя. Я никогда его не видела: он погиб задолго до моего рождения, в том роковом 41-м, но с самого моего детства и по сей день светлой памятью окружен этот образ.

Что я о нём знаю? Немного. В семье моего деда, Владимира Ивановича Уланова, не принято было много говорить, и не он, а моя бабушка, Дарья Никифоровна, рассказала мне о дяде Пете, Петре Ивановиче Уланове, дедовом брате. Рассказала тихонько от деда: не хотела бередить рану, которая не затягивалась со временем.

Был он человеком честным и порядочным, преподавал литературу в русском педучилище, прекрасно знал и любил свой предмет.

А еще он любил театр, не пропускал ни одной премьеры. Жил он на улице Ленина на втором этаже одного из зданий из красного кирпича. Жил с семьей – женой, Музой Владимировной, преподавателем сельхозтехникума, и двумя детьми. Дом их был гостеприимным и радушным, здесь рады были всем. Особенно весело проходили новогодние детские праздники. Душой этих праздников был дядя Петя. Неистощимый на выдумки, он постоянно импровизировал, прекрасно зная детскую душу, сам становился на время ребенком. Будто зная, что ему мало отпущено в этой жизни, он торопился «жить так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы»... Любимый преподаватель, прекрасный семьянин, замечательный отец, надежный друг, заботливый брат, нежный, любящий сын...

А еще была общественная работа, статьи в периодической печати, неустанная помощь родным и близким – материальная и моральная. Тогда, в 1930-е годы, таких, кто нуждался в ней, было много. И каждому хотелось помочь. Когда ледяная душа клеймо «враг народа» касалось близких ему людей, он отказывался слепо верить в это, открыто защищал своих товарищей, «смел иметь свое суждение», оставаясь личностью в эпоху обезличивания.

Может быть, поэтому это клеймо коснулось и его. Жить не хотелось. Но жил, потому что был пример Павла Корчагина, любимого героя, и поэтому учился жить тогда, «когда жизнь становится невыносимой». А еще были рядом люди, верящие в него и любящие его. Наверное, тех, на открытую поддержку которых он мог рассчитывать, было немного: такое было

время, да и подводить людей не было в его правилах. Но был человек, мнением которого он дорожил, кого безмерно любил, уважал, кем втайне гордился – старший брат, мой дед. Поэтому и пришел к нему, когда решил свести счеты с жизнью. Был у моего деда дар убеждения. Спокойно и рассудительно он мог привести необходимые доводы, заставить трезво взглянуть на жизнь. Наверное, и тогда нашел он верные слова: застрелиться – не только распиться в малодушии, но и признать себя «врагом народа». И, наверное, опять помог Корчагин: «Шлепнуть себя каждый дурак сумеет»... Кто знает, как закончилась бы эта история, если бы не война.

Его, заработавшего ревматизм еще в гражданскую и теперь мучившегося одышкой, болью в суставах (совсем отказывала правая рука), теряющего зрение, никто не собирался нигуда отправлять: работы хватало и в тылу. Но его место всегда было там, где решалась судьба Отечества. А она тогда, в 41-м, решалась под Москвой. Никто из близких не думал, что его письма, заявления, обращения к влиятельным лицам завершатся успехом.

Да и слишком верили тогда в быстрый конец войны. Однако уже первые дни ее показали, насколько силен и коварен противник, уверенно и нагло продвигавшийся в глубь страны, сея ужас и панику.

Необходимо было остановить зарвавшегося врага, противопоставив силе силу. Нет, он не строил никаких иллюзий по поводу своих физических возможностей. Пройдя огонь и дым гражданской, сполна изведав «фунт лиха», Петр Иванович прекрасно сознавал, что «война совсем не фейерверк, а просто трудная работа...» И не романтический порыв необстрелянного юноши, не жажда подвига двигали им, а трезвый расчет сына, мужа,

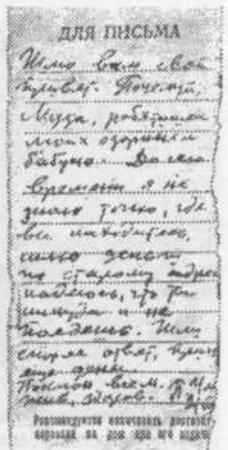
отца, Гражданина. Привыкший жить на переднем плане, он и в трудный час для Отчизны остался верен себе. «Общественное должно быть выше. Я не могу быть в стороне в минуту смертельной опасности для Родины», - напишет он в письме жене от 6.07.41, отправляясь в действующую армию с первым эшелоном добровольцев-ульяновцев.

Снова и снова перечитываю эти строки и понимаю, что это не только слова, – это образ жизни его и его поколения – Поколения Победителей. Он не мог поступить иначе. Не помогли ни уговоры, ни слезы родных и близких, не помогли доводы любимого брата: «Куда ты? Не доедешь до места – погибнешь».

Он и сам это чувствовал и вряд ли надеялся на свою физическую силу, но был убежден, что одной этой силы недостаточно, нужна еще сила духовная. На нее-то и делал ставку: «Волею, зато я массы поведу за собой». Бессильны оказались доводы моего деда перед этим аргументом. Политруком среднего состава ушел на фронт мой дядя Петя. Ушел и не вернулся. Как не вернулись тысячи ульяновцев. «Пропал без вести», - сообщили родным. Звучало обнадеживающее. Вот и надеялись, ожидали. До последнего ждала своего младшенького Петеньку и мать, Устинья Андреевна. Мой умный и рассудительный дед глубоко в душе тоже отказывался верить в худшее. Да и как мог пропасть без вести такой человек? «Нет, не мог он уйти из жизни просто так, незамеченным, слишком заметным он был в жизни, слишком велика была сила его обаяния», – утверждала жена.

Да, они правы: он не ушел из жизни просто так. До сих пор из далекого детства смотрят на меня его лучистые глаза. И пока я ощущаю на себе взгляд этих глаз, моя совесть чиста.

Людмила Австанчикова

Сценарист по имени Жизнь...

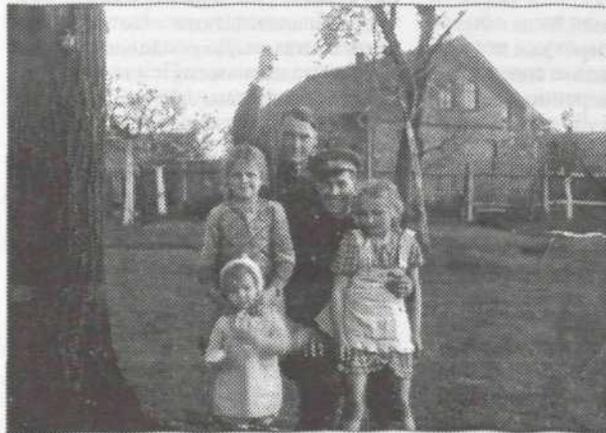
(начало в журнале "Монамах" № 1-2005)

Спасённые дети

Война и впрямь шла к концу, когда отцовский полк встал в деревне под Берлином. Яростно сопротивляющийся Берлин был опоясан минными полями. И вот, проходя мимо такого поля, отец услышал детский плач... Раздвинув кусты, отец, к своему ужасу, увидел четырех детей и корову, стоящих посреди заминированной полосы. Старшая из трёх девочек держала на руках маленького мальчика. Она-то и поняла (как потом выяснилось), куда они зашли в поисках коровы, и приказала сестрам стоять на месте. Раздумывать было некогда, и отец, сняв сапоги, чтобы лучше чувствовать землю, пошёл к детям, осторожно обходя видимые минные бугорки. Вынес он детей в два приёма. Одного ребёнка сажал на плечи, другого брал на руки. Когда во второй раз он был в нескольких шагах от дороги, сзади раздался взрыв. Это подорвалась несчастная корова, и осколком отцу слегка ранило ногу. На следующий день мать спасённых детей сама сфотографировала отца с ними. Рядом с отцом — пилот его самолёта Дмитрий Орлов.

В 1998 году, уже после смерти отца, я с помощью знакомых, живущих в Германии, сделала попытку отыскать кого-нибудь из этих детей. Фотография была опубликована в двух немецких газетах, но никто не откликнулся. Может быть, люди просто не захотели быть чем-то обязанными нам? Я же только хотела узнать, сколько у них родилось детей и внуков. Да и это неважно. Важно только то, что шёл босой человек среди мин, спасал детей вражеской страны. И видел в них только детей. Главное — это было.

Потом была Прага. Машина, на которой ехал отец, была обстреляна и сгорела. Отец с шофёром успели укрыться в подвале ближайшего дома. На старинной городской улице разгорался бой. И в короткую минуту затишья в этот же подвал стали сбегаться люди. Одна из женщин, плача, рассказала, что из-под крыши в доме напротив выбивается пламя. Прикрываясь найденным в подвале листом железа, отец переполз узкую улочку и скрылся в подвале горящего дома. И здесь, как он потом признавался, его на минуту охватило отчаянье. Он насчитал 12 человек детей, и все они были маленькие, не старше 5 лет. А монахиня оказалась совсем старушкой, и ничем помочь не могла. Дети уже кашляли от дыма и плакали. Подведя их к выходу, отец мо-

Спасённые немецкие дети. Слева - Д. Орлов

нашеским покрывалом привязал первого ребёнка к себе на грудь и, закрывая его всё тем же железным листом, перебежал улицу. В дверях подвала у него выхватывали ребёнка, и он бежал за следующим. Когда в горящем доме оставались один малыш и старушка, в конце улицы появились наши танки. Стрельба стихла, и из домов с поднятыми руками стали выходить немцы. Отец взял на руки малыша, другой рукой обнял теряющую сознание женщину, и спокойно перешёл улицу. Уже в укрытии он увидел, как на горящем доме рухнула крыша.

У моего брата среди наград отца хранится чешский орден «Золотой лев», за доблесть и мужество.

Катруся

Война, наконец, кончилась. Отец приехал за нами, и начались скитания по разорённой войной стране. С нами, оставив дом, поехала бабушка.

Сначала привёз нас отец в Черновцы, или, как их тогда называли, Черновицы. Старинный красивый дом в центре города, где мы стали жить, стоит и сейчас. Поселились мы в трёхкомнатной, очень большой квартире, хозяин которой бежал с немцами. Одну комнату занимала наша семья, другую — лётчик Дмитрий с женой Ольгой. Пережившая ленинградскую блокаду, тётя Оля постоянно болела. И бабушка сразу взяла над ней шефство. А вот в третьей комнате жил милиционер Костя с женой и новорожденным сыном. Внешне Костя был потрясающе похож на Шаропова из кинофильма, который появится через четверть века. Похож, как близнец. Даже биография была у него «шараповская». Бывший фронтовой разведчик, он также стеснялся «иконостаса» своих боевых наград. От него мы впервые услышали страшное слово — «бейдеровщина». Банды националистов буквально свирепствовали тогда на Буковине и Львовщине. Придя со службы, Костя уходил в ванную комнату и курил, сидя у титана. Отказывался есть, на вопросы жены и взрослых бросал коротко: «Звери!» Мне было строго запрещено выходить на улицу. Мужчины в квартире клали пистолеты под подушку. А мама постоянно носила с собой маленький дамский «Вальтер», который ей привёз с фронта отец.

Взяв хозяйство коммунальной квартиры в свои руки, бабушка сразу же решила, что детям и женщинам нужно молоко. Уж не знаю, к кому она обратилась, но дня через три у нас на пороге появилась молодая женщина с огромным бидоном. Прошло полвека, а я до сих пор вижу её появление. Вернее, явление. Анна, как она себя называла, была поразительно красива какой-то сказочной, неземной красотой. Точёное бледное лицо с ярко-синими глазами, золотые косы до колен. Недавно овдовевшая, жила Анна с маленькой дочкой в деревне неподалёку. Её молодой муж умер от воспаления лёгких... Стала она общей любимицей. Анечку (гуцулочку, как звала её бабушка) кормили, поили; совали что-то для дочки в её расшитую торбочку. А вскоре Анна пришла к нам с дочкой, такой же прелестной, как её красавица-мать. Весь день мы играли с Катрусей. Анна сказала маме, что в соседнем селе открывают школу, и так она этому рада, так молит Бога, чтобы у неё, неграмотной, дочь стала «пани доктор!» Мама тут же отдала Катрусю мой новый цветной букварь. Его подарили мне на день рождения, хотя читала я с трёх лет. Кто же мог подумать, что детский букварь станет причиной жуткой трагедии!

Через два дня Анна не принесла молока. Не было её и на другой день. И бабушка стала просить отца съездить с солдатами в село к Анне, которая, скорее всего, простыла и лежит больная. Но вечером вернулся Костя, очень угрюмый, с каким-то серым, пропылённым лицом. На ходу бросив мне «иди в комнату», он позвал всех на кухню. И тут я впервые услышала, как плачут мужчины. Это плакал дядя

Дима... Как убили Анну, я узнала, будучи взрослой. Ей живой громадным гвоздём прибили к сердцу наш букварь – «москальску мову»... Потом повесили на воротах...

Катрису не нашли нигде, хотя соседка видела её живой и утверждала, что «дивчина кудысь сховалась». Наутро к нашему дому подъехала милицкая «полуторка». Взяв пистолеты, в машину сели Костя, отец, дядя Дима. Вооружившись «Вальтером», с ними поехала и мама, объяснив, что девочка навряд ли выйдет на мужские голоса. К Катресе их привела собака, в будке которой, скорчившись, лежала девочка. Чтобы вытащить её, пришлось вырыть будку. Катрису вымыли, уложили в кровать в комнате тётки Оли. Около неё захлопотали врачи, да и все жильцы квартиры не отходили от ребёнка. Но шли дни, а девочка всё так же молча и безучастно смотрела в потолок и всё чаще впадала в забытие. «Беда! – сказала бабушка. – Душа у неё уходит. Нужно удержать детскую душеньку». И утром на столе в кухне появилась горка консервных банок и три булки хлеба. Бабушка сложила всё это в большую корзину, накрыла полотенцем и ушла. К обеду она вернулась, и в её корзине уже не было банок, но в ней лежало что-то, завернутое в это же полотенце. Все собрались около девочки. Она лежала с открытыми, но какими-то невидящими глазами. Бабушка развернула перед ней свёрток, и среди женшин пронёсся вздох восхищения. Что уж говорить обо мне! В свёртке была большая кукла с нежнейшим фарфоровым лицом. Белое, как пена, кружевное платье стягивала голубая лента с букетом незабудок. На голове – соломенная шляпка с такой же лентой и цветами. Кукла вдруг сказала «мути» и открыла глаза. И снова все восхищённо вздохнули – глаза были точь-в-точь как у девочки, цвета незабудок. Катрису осмысленно взглянула, взяла куклу и вдруг страшно закричала и забилась в судорогах. Потом она сутки спала и, проснувшись, попросила хлеба.

С благословения всей квартиры Орловы удочерили девочку. И стала гуцулка Катруся Екатериной Дмитриевной Орловой. Родители, что называется, сдували с дочери пылинки. Катя окончила медицинский институт, вышла замуж за канадца, открыла частную клинику. Дядя Дима наотрез отказывался покинуть Россию. И только после его ухода из жизни дочь увезла к себе постаревшую мать. На могиле родной матери Анны Катя поставила крест из редкого золотистого камня. На могиле выросившей её Ольги на кладбище близ Торонто стоит точно такой же.

Товарищ Жуков

Весной 1946 года войсковая часть, где служил мой отец, была переведена с запада Украины на восток.

И вот на одной из станций отец, выбежавший на перрон за кипятком, вдруг позвал товарища, и они внесли в теплушку безногого солдата. Следом принесли рюкзак и старенький баян. Ноги у бедолаги были отняты почти под пах. А сам он был молод, по-былинному красив, но в стельку пьян. Как потом оказалось – первый и последний раз в жизни. На удивленные взгляды женщин отец ответил коротко: «Он пел».

Инвалида тщательно обтерли мокрым полотенцем и уложили на топчан. Офицеры тем временем выяснили, что имя его Николай Авдеев, тяжелое свое ранение получил он в бою за Кенигсберг. А как воевал сержант Авдеев, свидетельствовали четыре боевых ордена, завернутые в платочек, и, отдельно в красной коробочке – орден Ленина. Военные сразу преисполнились к спящему великим уважением. Они-то хорошо знали цену таким наградам.

Спал солдат долго. А проснувшись, легко согласился остаться в части, также легко он откликнулся на просьбу спеть. Помню, что пел Авдеев «Липу вековую...».

Думаю теперь, что именно с этого часа навсегда вошла в мою жизнь русская песня, равной которой нет во всем мире.

В. Егоров. 1952 год

Помимо удивительного, от природы поставленного, могучего и «бархатного», как говорил отец, баса, Авдеев обладал какой-то поистине магической манерой исполнения. Приведу один памятный мне случай воздействия его голоса на слушателя.

Напротив школы, ставшей на время офицерским общежитием, комендантом которого и был назначен Авдеев, стоял маленький дом. Жили в нем две еврейские женщины – пожилая тетя Песя и ее дочь, красавица по прозвищу Седая Роза. Прозвище это молодая женщина получила за пышные и совершенно седые локоны. Но Роза была в свои 28 лет не только седой. Она была немой. Поседела и немела она в одночасье, когда, спасенная русскими соседями, лежала у них под кроватью, туго спеленутая простыней, с завязанным, чтобы не кричала, ртом. И слышала, как на улице убивают ее детей.

Жили две женщины тем, что мать делала вкусные конфеты, а дочь продавала их с лотка. И вот однажды вечером Роза, как обычно, зашла к нам во двор с лотком маковых присок. Конфеты быстро раскупили, и женщина уже уходила, когда на крыльцо выкатился на сделанной для него тележке Николай и позвал Седую Розу. Роза вернулась, и, не отрывая от нее взгляда, Авдеев запел. Никогда потом мы не слышали этой песни, а пел он об утушке, у которой злые люди, забавы ради, убили птенцов. Было очень тихо, в большом доме не светилось ни одно окно, хотя в них виднелись люди. Казалось, что все окружающее окаменело от могучего, властного и скорбного голоса.

И вот женщина, выронив лоток, как-то глухо замычала, потом, упав на колени, подняла руки к небу, и из ее губ вырвался молодой, звонкий и безумный от горя голос.

А утром к Авдееву пришла тетя Песя, и, встав перед ним на колени, поцеловала ему руку. Роза заговорила.

Но, видно, Бог услышал не только несчастную, но и голос Авдеева, ибо судьба безногого солдата вскоре круто изменилась к лучшему. И произошло это благодаря маршалу Георгию Жукову.

1947 год был годом юбилейным. Страна-победительница торжественно праздновала 800-летие Москвы. Все кругом адело от флагов и транспарантов, повсюду проходили праздничные мероприятия. Было решено коллективами всех войсковых частей города дать в Доме офицеров большой концерт. И здесь стало известно, что на концерте будет присутствовать сам маршал Жуков, который в эти дни был на Украине. Я так и не узнала, кем и почему было решено, что приветствовать и вручать цветы Жукову буду я. Два дня в нашей комнатухе стучал старый «Зингер». Из спящего парашюта мне шили роскошное белое платье. И вот в этом платье, с огромным, туго завязанным бантом на распущенных волосах, стояла я впереди всех, с трудом удерживаясь.

живая в руках сноп алых гладиолусов. Подъехали три черных машины, из которых вышли офицеры. Впереди всех шел Жуков и, мне показалось, что он выглядел усталым и недовольным. Вручив маршалу цветы, я, быстро произнеся заученное приветствие, вдруг, к ужасу окружающих, спросила его: «Товарищ Жуков! А где сейчас ваш белый конь? И почему у него ножки перевязаны? Я вас видела в кино на параде Победы!». И здесь Жуков начал смеяться, и смеялся долго и заразительно. По удивленным лицам сопровождающих было заметно, что они редко видели Жукова таким искренне веселым. Отсмеявшись, он передал цветы офицеру, и галантно, как взрослой, подав мне руку, сказал: «Конь жив и здоров. А вот концерт мы с тобой будем смотреть вместе. А то ты, Дюймовочка, так ничего и не видишь!».

В маршальской ложе стояло голубое бархатное кресло для Жукова и стулья для офицеров. Жуков поднял меня, и, посадив в кресло, пододвинул для себя к барьеру ложи стул.

Концерт шел долго. Танцевали гопак, молдавничку, пели фронтовые песни. Мне было скучно, ведь я видела все это не один раз. Я сердито стянула с волос туго завязанный бант, и волосы полностью закрыли меня. Помню, я снова услышала смех Жукова.

Меня уже начинало клонить в сон, когда на сцену вместо конференсье вдруг вышел мой отец и объявил, что сейчас выступит гвардии сержант, кавалер орденов (шло перечисление наград) и кавалер ордена Ленина Николай Авдеев. Зал буквально взорвался аплодисментами, я увидела на лице Жукова удивление. Удивление это еще больше возросло, когда отец с товарищем вынесли на сцену сидящего в кресле Авдеева. На обрубках его ног стоял баян. Уже через несколько лет мы узнали, что Георгий Жуков сам хорошо играл на этом музыкальном инструменте. И не расставался со своим баяном всю войну.

Но раздалась звуки рояля, и Авдеев вдруг запел всеми тогда очень любимую арию Сусанина. Авдеев пел: «Ты взойди, моя заря, взойди заря последняя...» Казалось, голосу его, исполненному скорби смертной тоски, было тесно в зале. Даже у меня, семилетней, по спине пробежал холодок, и я встала в кресле на колени. В зале стояла тишина. Я посмотрела на Жукова. Маршал сидел, откинувшись на вытянутых руках, и восхищенное изумление было на его лице. Но вот, чуть повернувшись в сторону маршальской ложи, дивным своим басом певец пропел, как проговорил: «Судьба играет человеком, она изменчива всегда – то вознесет его высоко, то бросит в бездну без следа». Жуков, не оборачиваясь, порученцу: «Узнай. Распорядись». И вот здесь я, осмелев, тронула Жукова за рукав и проговорила: «А я все про дядю Колю знаю, ведь он с нами живет». Маршал

Пражская весна 1945 года. Оставшийся в живых состав эскадрильи. Третий слева в верхнем ряду - Виктор Егоров

наклонился ко мне и я, как-то совершенно спокойно, стала рассказывать все, что знала об Авдееве.

Выслушав меня, Жуков снова, как к взрослой, обратился ко мне: «А что ему сейчас больше всего нужно? Как ты думаешь?».

У нас, детей войны, было короткое детство, и мы выросли раньше, чем положено. Я рассудительно ответила маршалу: «Ну, во-первых, жилье. Он в чуланчике около котельной спит. И еще баян. Он у дяди Коли старенький. Ему его в госпитале врач подарил. Но бабушка говорит, что мы будем продавать часть пайкового хлеба, и к зиме накопим на баян. Не одним хлебом человек сыт!»

Жуков как-то особенно посмотрел на меня. «А тебе самой, тебе что нужно?». «Мне ничего! – удивилась я. – Я и так счастливая девочка. У меня папа с войны вернулся». И вдруг заторопилась: «А вот подружке моей, Ниночке, очень нужна школа, где учатся немые дети. У нее родители были подпольщиками. И фашисты их мучили, а они все равно молчали. Тогда они их дочке на ручке выжгли свастик и отрезали язык». Жуков неожиданно выхватил меня из кресла, посадил к себе на колени и, прижав мою голову к груди, стал гладить по распушенным волосам. Награды на его кителе больно кололи мне щеку, но я, мышонком прижавшись к его груди, молчала и слушала, как под золотыми звездами мерно и глухо бьется сердце маршала.

Потом все вышли в вестибюль, где у стены на составленных стульях сидел Авдеев. Жуков подошел к нему, и они долго о чем-то разговаривали. Безногий солдат и маршал с тремя Звездами Героя. Уже уходя, Жуков вдруг вернулся к Авдееву и обнял его. В дверях наклонился ко мне: «Спасибо, счастливая девочка. Будь счастливой всю жизнь. Это я тебе приказываю!». Он снова поднял на руки и поцеловал меня.

Возвращались домой мы с Авдеевым на машине. Рядом со мной стояли два огромных пакета с конфетами, и две очень красивые атласные коробки с рижскими духами «Белая сирень». Помню, что конфеты мама раздала всем детям в школе.

Через два дня Авдеева увезли в штаб, где ему перед строем вручили горящий малиновым перламутром новый аккордеон. А еще через день привезли и под радостные слезы всего офицерского общежития отдали конверт, где был ордер на комнату в большом и красивом доме. И сама комната была замечательная, огромная, с паркетным полом, светлая от тройного окна-эркера.

Авдеев окончил музыкальное училище и до конца жизни проработал музыкальным руководителем и директором Дворца культуры. Умер он в день своего 49-летия среди близких, цветов и подарков под портретом Георгия Жукова, висевшего над его рабочим столом.

А за Ниночкой приехала из Киева женщина-педагог с большим чемоданом красивой одежды и увезла девочку в интернат. Рассказывали, что девочка стала там общей любимицей, с медалью окончила школу, поступила в Львовский университет и ушла из жизни в 21 год. Как и у Николая Авдеева, у девушки отказало сердце. «Война догнала», – как горько говорил о них мой отец. Отца же моего по приказу из Москвы послали учиться на Высшие курсы политработников в Смоленск.

Уже седеющей женщиной стояла я у памятника Жукову в Москве, и мне казалось, что я вновь, как в бесконечно далеком детстве, слышу биение его сердца. Живого сердца теперь уже в бронзовой груди. Странное и необыкновенное было это чувство. Неожиданно налетевший ветерок вдруг принес мне на плечо золотой дубовый лист. И старик, сидевший на скамье, сказал, засмеявшись: «А вам от кого-то привет!». И удивился: «Разве вы не знаете этой приметы?!»

(продолжение следует)

Людмила Толкишевская

Мариинке - 185 лет!

В этом году Мариинская гимназия готовится отметить свой юбилей. Ей есть чем гордиться. История этой гимназии началась почти два столетия назад, когда 2 мая 1820 года заботами Общества христианского милосердия и на его средства императрицы Елизаветы Алексеевны было открыто первое в Симбирске закрытое женское учебное заведение – Дом трудолюбия. Его посещали Высочайшие Особы Императорского Дома, а в 1840-х годах заведению были предоставлены права женских институтов 2-го разряда. Тогда же его переименовали в трехклассное Елизаветинское училище. 24 декабря 1860 года принято под покровительство Марии Алексеевны и получило наименование Мариинского училища.

После революции Мариинка получила статус среднего общеобразовательного учреждения. В послевоенные годы, когда началось раздельное обучение, школа № 3 стала женской. В 1987-88 гг. была осуществлена реконструкция здания школы, а с 1993 г. она была возрождена как гимназия. Широкое развитие в гимназии получили гуманитарное и художественно-эстетическое направления: здесь в обязательную программу включены такие предметы, как мировая художественная культура и хореография, углубленно изучаются история и литература. Знаменита школа своей вокальной студией «Хрустальная нота» и хореографическим ансамблем «Вдохновение», агиттеатром «БлокАда», литературно-поэтическим альманахом, газетой «Мариинка». Выпускники школы легко поступают в престижные столичные ВУЗы. А среди талантливых преподавателей немало заслуженных учителей РФ и отличников народного образования. Звание «Заслуженный учитель РФ» имеют директор Людмила Дмитриевна Соломенко, завучи Валентина Анатольевна Чирковская и Вера Вячеславовна Хренкова, учитель русского языка и литературы Татьяна Николаевна Полякова, чьи ученики постоянно занимают призовые места в предметных олимпиадах. Многие выпускники школы определяют культурное лицо современного Ульяновска: это всем известные преподаватели УГПУ доценты кафедры литературы М.П. Чередникова, А.П. Рассадина, Л.Г. Шахова, Э.И. Денисова. Имена других выпускников стали достоянием истории, среди них В.В. Кашкадамова, писатель Е.Ю. Малышев, а также знаменитая на всю дореволюционную Россию Н.Н. Гернет – третья женщина-математик в России, профессор Петербургского университета.

Через лихолетье

На протяжении многих лет ученики под руководством педагогов собирали материалы о выпускниках Мариинки, ушедших на фронт со школьной скамьи. В канун 60-летия Победы в гимназии открылся музей, отразивший этапы замечательной истории этого учебного заведения, а ученица 10 «А» класса Привалова Милана подготовила материал о военном периоде жизни школы № 3.

В конце 1939-го начале 1940 годов наша страна вела войну с Финляндией, и здание школы было отдано под госпиталь, поэтому школа № 3, как и № 1 имени Карла Маркса, временно располагалась в здании сельхозинститута на Венце. Осенью 1940 года ученики вернулись в родные стены, но ненадолго. Началась война, и занятия стали проводиться в помещении театра кукол (тогда это был Дворец пионеров), а здание школы отдали под госпиталь.

В этот тяжелый период часто менялись преподаватели и составы классов, ребята из 9 и 10 классов уходили в военные училища. Учеба проходила в несколько смен с пятиминутными переменами. Занимались в неотапливаемом помещении, ученики сидели в пальто. Из-за холода уроки длились по 25 минут, ребята держали чернильницы-непроливайки за пазухой, чтобы чернила не замерзли. Электроосвещения не было, классы освещались одной коптилкой.

Ученица 10 «А» класса Привалова Милана

Ветераны ВОВ на открытии Музея боевой славы в гимназии

Экспонаты музея Мариинской гимназии

Музей боевой славы

Б. Ефимов

В. Коломаров

О. Кильговатов

Д. Старостин

В это время в школе работали замечательные учителя: Любовь Степановна Введенская – преподаватель литературы, Вера Антоновна Бржезовская – учитель математики, Стеженская Ольга Валерьяновна – учитель истории, Демокритов Николаевич Аркадьевич – учитель физики.

В годы войны выросла роль классного руководителя, так как во многих семьях отцы были на фронте, а матери работали по 14-16 часов, и дети оставались без присмотра. Директором школы в это время была Ольга Ивановна Торопова – честный, смелый человек. Когда поступил приказ выселить немцев Поволжья в Сибирь, Ольга Ивановна пошла в райком партии и отстояла учительницу немецкого языка Маргариту Конопелько, немку по национальности, у которой были маленькие дети.

С большим воодушевлением готовили ученики к праздникам подарки для бойцов. Отправляли на фронт даже конфеты, хотя они давались по карточкам, и расстаться с ними было нелегко. К концу войны в качестве завтрака на класс выдавали буханку хлеба и 6 соевых конфет, которые нужно было разделить на 42 ученика.

Старшеклассники часто приходили в здание родной школы, где теперь располагался госпиталь №1847, чтобы оказать посильную помощь раненым. Бывшие классы превратились в больничные палаты и операционные, койки с бойцами располагались в коридорах, в залах, даже на лестничных клетках. Учащиеся часто выступали перед ранеными со своей самодеятельностью. Учительницы и старшие девочки дежурили в госпитале, писали письма под диктовку раненых бойцов, стирали бельё, шили рукавицы, брались за любую работу, если в ней была нужда.

По-разному сложились судьбы выпускников тех грозных лет. Вот некоторые отрывки из дневника выпускницы школы №3, участника Великой Отечественной войны, старшего сержанта медслужбы **Валентины Меньшаковой**: «Мы, пятеро выпускников ульяновской школы №3, стали студентами ленинградских вузов: я, Валентина Меньшакова, Евгения Шкурина, Люба Смирнова, Нина Олоничева, Фарид Субаев. В этот день мы должны были собраться в общежитии на Невском, 10, в комнате у Любы Смирновой. Коротая время, беру наушники и – цепенею.

- Люба... - выговариваю одно слово...

- Что с тобой, Валя?

Люба выхватывает наушники и выдыхает:

- Война!...

Принимаю решение: срочно сдать экзамен на медсестру; бегу по примеру Жени Шкуриной в военкомат.

Ленинградцы, узнав, что враг оцепил город, решили преградить путь фашистам. В один ряд с кадровыми военными встали десятки тысяч народных ополченцев. В числе

студентов Ленинградского кораблестроительного института бойцом ополчения стал и ульяновец **Фарид Субаев**. В 1938 году он окончил школу №3. Три последних года сидел за одной партией вместе с Валентиной Меньшаковой. Вместе приехали в город на Неве. Только к этому времени он уже был участником финских зимних боев 1939-1940 годов, вернулся в институт лейтенантом, и на груди у него был орден Красного Знамени.

На войну его провожали землячки, они пожелали Фариду: «Возвращайся живой...» Только он не вернулся. Из газеты «Ленинградская правда» 1941 года: «В первых же сражениях коммунист Субаев зарекомендовал себя отважным и стойким бойцом. У местечка Н. он получил приказ командования пойти в разведку с группой красноармейцев. Наткнувшись на пехотные части противника, Субаев и его товарищи вступили в ожесточенный бой. Несмотря на превосходство в людском составе и вооружении, враг был выбит из местечка. В этом бою товарища Субаева смертельно ранили. Он погиб, но память о нем будет жить...»

3 ноября 1941 года состоялась последняя встреча Вали Меньшаковой и Нины Олоничевой. «Нина забежала ко мне в общежитие. Мы очень обрадовались встрече, решили не спускаться в убежище, а остались в комнате. Говорили долго. Вспоминали всех знакомых. Кончилась тревога. Нине надо было ехать в свое общежитие. Я пошла её провожать, а в трамвае она сказала мне, что, возможно, её не будет в городе несколько дней. Нина попросила меня зайти к ней через пару дней, сказала, что оставит у девочек продовольственные талоны». Та встреча была последней. Нина затерялась на дорогах войны – пропала без вести...

Каждый час, каждую минуту в городе гремели взрывы. Люба Смирнова и Валентина Меньшакова работали в эвакогоспитале №2015. После окончания войны Валентина Меньшакова вернулась в Ульяновск.

Остановлюсь еще на некоторых судьбах выпускников моей 23-й школы.

27 августа 1942 года, обычный фронтовой день. Идут ожесточенные воздушные бои над Сталинградом. Летчики дежурят в первой боевой готовности. Вдруг в облачно-синем небе послышался наплывающий гул фашистского разведывательного самолета «фокке-вульф», который часто появлялся над прифронтовыми населенными пунктами. Временами он спускался очень низко и обстреливал из пулеметов мирное население. Как по сигналу, яростно стали бить зенитки, зашилет аэродром. В это время взвилась ракета, давая знак к вылету. «**Старшина Кильговатов** на высоте 1200 метров», - доложили через несколько секунд командиру. «Фокке-вульф» не отставал от нашего самолета, и вот огневая строчка потянулась к кабине самолета «И-

16». Умело выполняя фигуры высшего пилотажа, «И-16» уходил от ударов врага. Фашист, яростно защищаясь, пытался скрыться в облаках. Вдруг мелкокалиберные пушки на самолете старшины отказали. Что делать? Кильговатов принимает смелое решение: идти на таран. Удар был нанесен плоскостью самолета дважды, однако врагу удалось удержаться в воздухе. Маневрируя, советский летчик вновь пошел в атаку. Удар был нанесен винтом. Вражеский разведчик, получив повреждение, стал стремительно уходить. «И-16» был в полном порядке, и отважный летчик в четвертый раз бросился на неприятеля. Эта последняя атака решила судьбу фашистского стервятника: «фокке-вульф» был сбит. С криком «ура!» бросились зенитчики и товарищи Олега Кильговатова к месту, где приземлился «И-16». Олега окружили механики, летчики. Старшина доложил о ходе боя. В это время наши солдаты вели пленных немцев к штабу. Фашисты попросили показать славного летчика. Они увидели почти мальчишку в замасленном комбинезоне. Высокий худощавый немец, вероятно, штурман, иронически заметил: «Нет, не может быть, этот слишком юн. Вы можете показать нам теперь любого механика». Олег ничего не ответил. А немцы удивленно перешептывались, ведь непревзойденный «фокке-вульф» гораздо превосходил по техническим показателям, маневренности и броне «И-16», и редко кому из советских летчиков удавалось сбить эту воздушную крепость. За этот подвиг наш земляк, выпускник 3-й школы Олег Кильговатов был награжден орденом Боевого Красного Знамени. К сожалению, летчик не дождался Победы, он героически погиб на фронте.

Рассказывая о наших бесстрашных патриотах, нельзя не вспомнить о **Елене Григорьевне Григорченко**, этой умной, прекрасно образованной женщине. По профессии Елена Григорьевна доктор, заслуженный врач Российской Федерации. Всю жизнь лечила детей, любила их самоотверженно. Даже во время войны, которую прошла от начала и до конца, в полевых госпиталях она находила время полечить заболевшего ребеночка из деревеньки или городка: матери каким-то чудом всегда узнавали о замечательном докторе. На хрупких плечах Елены Григорьевны лежала ответственность за здоровье тысяч бойцов, ведь она руководила военным госпиталем.

В дореволюционной Мариинской женской гимназии у Ляльки (так называли Елену Григорьевну подружки) были самые высокие оценки по всем предметам — 12. Только поведение выше «десяти» баллов не поднималось. На уроках подсказывала, на переменах шалила с подружками.

Среднее образование Елена Григорченко получила уже после революции, в школе № 1, поступила в Казань, на медицинский факультет университета. Там она встретила своего будущего мужа, Ганса Павловича Горста. Через какое-то время выдержала конкурс в Государственный институт усовершенствования врачей, попросила назначение в родильный дом. В 1941 году возглавила госпиталь.

Владимир Абрамов после 10-го класса поступил в танковое училище. В то время ему не было ещё и 16 лет. По окончании училища был направлен в Сталинград. В составе 14-го танкового полка Владимир Георгиевич был командиром танкового взвода. Затем их полк перевели на Курскую дугу, где Абрамов участвовал в битве на Белгородском направлении. Там он попал в госпиталь и начал учебу в медицинском институте, но, проучившись лишь месяц, снова ушел на фронт в составе 10-го добровольческого танкового Уральского корпуса. В его составе освобождал Вену, Будапешт, штурмовал Берлин.

В 1946 году В.Г. Абрамов вернулся домой, долгие годы преподавал в Ульяновском танковом училище.

Владимир Иванович Коломаров родился в селе Козловка Даниловского района Саратовской области в 1923 году.

Его отец в 1929 году был направлен в Ульяновск для организации педагогического института. Сначала Владимир учился в начальной школе №6, а в 1935 году поступил в 5 класс школы № 3. В марте-апреле 1941 года в школе активно велась пропаганда военно-морского образования, и Владимир Коломаров послал письмо в Ленинград в Военно-морское училище имени Фрунзе, откуда ему пришел вызов. 18 июня юноша окончил школу, 20 июня был уже в Москве, а 21-го — в Ленинграде. На следующий день началась война. По приказу Ворошилова экзамены отставили. 23 июня была принята присяга, а 27 июня курсантов отправили под Ригу, где в обороне было «пустое место». Здесь бойцов бригады морской пехоты вооружили; хорошую помощь оказывал флот, особенно броненосный крейсер «Киров». Но 28 июня бойцов вывели из боя по приказу командования. С большими потерями ребята отступали до самого Ленинграда. Владимир Иванович несколько раз получал осколочные ранения, но остался жив, лечение принимал в полевых условиях.

До февраля 1942 года Владимир учился в военно-морском училище в блокадном Ленинграде, затем курсанты были эвакуированы. Шли по «дороге жизни» — по льду Ладожского озера — в Тихвин. Оттуда их отправили в Астрахань, затем в Баку. За один год курсанты изучили программу двух курсов, после чего 300 человек отобрали на фронт. Из них в живых остались только шестеро. Владимир Иванович в числе других остался в Баку заканчивать училище. В ноябре 1943 года курсанты были направлены на фронт, под Грозный, где сложилась тяжелая обстановка, затем вновь вернулись в Баку. В начале 1944 года училище вернулось в Ленинград, а через год состоялся выпуск. Владимир Иванович Коломаров был направлен на Восток. Перед отправкой на службу предоставлялся восьмидневный отпуск, и Владимир побывал в Ульяновске, встретился с родными: отец воевал четыре года, теперь был деканом физико-математического факультета, мать тоже побывала на фронте.

До места службы пришлось добираться полтора месяца, и тут началась война с Японией. Коломаров служил в Северной Корее, в портах Юки, Расин, Сесин, Сейкосин, занимался тралением морских мин в Гензане. Дважды болел тропической малярией. На острове Сахалин занимался установкой маяков, обеспечивающих безопасность движения. Когда началось освоение ракетной техники, Владимир Иванович был зачислен на службу в ракетные войска.

Дмитрий Яковлевич Старостин окончил семь классов в школе № 3 и поступил в Ульяновский механический техникум. Когда началась война, ему не исполнилось еще и 18, но Дмитрий сразу же стал проситься на фронт. В военкомате отказали, сослались на возраст. Тогда парень схитрил: подал документы в танковое училище. Приняли. Через полгода лейтенант-танкист отправился на фронт.

В ночь на 7 ноября 1943 года перед бойцами была поставлена задача овладеть узловой станцией Фастов, важным военным опорным пунктом. Танкисты предприняли внезапное нападение. В ночном бою были уничтожены 11 танков, 5 самоходных орудий, 29 пушек, 107 автомашин и 230 подвож с военным имуществом, десятки пулеметов. Взято в плен 1230 солдат и офицеров. Бригада же потеряла всего один танк, 3 автомашины и мотоцикл. Стремительность удара позволила освободить город Фастов в целостности и сохранности. Дмитрию Старостину было присвоено звание Героя Советского Союза.

Закончилась Великая Отечественная война... Не все смогли ощутить вкус Победы, вкус великого счастья и радости, вкус, пропитанный кровью тех, кто бесстрашно и самоотверженно защищал свою страну, город, улицу, дом, семью, свою родную школу.

Фото С.А. Ойкина, 2004 г.

Прошлое, которое мы теряем

Выставка с таким названием недавно открылась в Ульяновском областном краеведческом музее (бульвар Новый Венец, 3/4). Среди представленных в экспозиции исторических и архитектурных памятников Ульяновской области, часть которых уже утрачена, а судьба других остается неопределенной, обращают на себя особое внимание усадебный комплекс в селе Скугареевка (Тереньгульский район) и господский дом в рабочем поселке Тереньга.

На фото:

1. Скугареевская башня у въезда на территорию усадьбы дворян Афанасьевых, начало XX в. Стилизация под крепостные сооружения XVI-XVII вв.

2. Господский дом в Скугареевке. Выстроен в «русском стиле» на средства Л.И. Афанасьева - последнего владельца усадьбы. Фото 1950-х гг.

3. Центральный ризалит господского дома в Тереньге.

4. Господский дом в Тереньге. Выстроен в середине XIX в. на средства местного помещика генерала А.Н. Скребицкого. Позднее «тереньгульским дворцом» владели дворяне Киндяковы, бароны Стремфельдт (до 1899 г.) и, наконец, великобританская подданная Е.М. Перси-Френч (до 1918 г.).

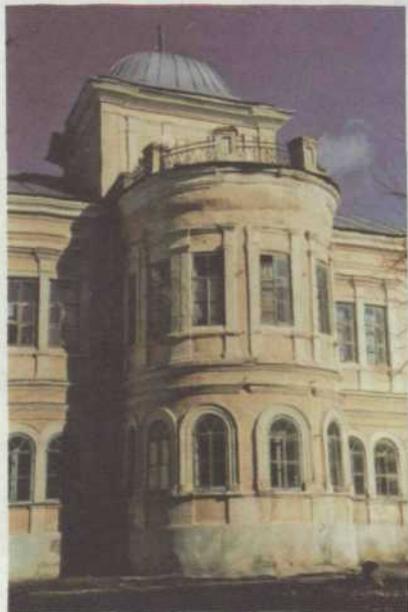

Фото А.С. Сытина, 2005 г.

Эхо эпохи барокко

Когда-то село Ишеевка украшал каменный трехпрестольный храм. Он был выстроен в 1792 году на средства местного помещика, коллежского асессора Степана Егоровича Кроткова.

Главный престол церкви по просьбе самого Кроткова освятили в честь иконы Божьей Матери, Всех Скорбящих Радости. Другой вариант названия этого образа Пресвятой Богородицы – «Неутолимой печали – Радости всех скорбящих». А два дополнительных престола, правый и левый, были освящены во имя Святителя и Чудотворца Николая и во имя Святого Стефана Сурожского, покровителя Степана Кроткова, человека «виновного» в появлении храма или, согласно документам той эпохи, «храмоздателя».

Барочной архитектуре фасадов Ишеевской Богородицкой церкви в далеком прошлом соответствовали и интерьеры ее основных помещений. Резные иконостасы с ико-

нами в серебряных вызолоченных ризах, украшенных драгоценными камнями, дополняли лепные барельефы и живописные полотна на стенах.

Священник Павел Ахматов в 1903 году писал: «...иконостас в холодной части храма украшен редкими в настоящее время лепными фигурами... а на стенах в особых рамах размещено несколько картин, которые, вероятно всего, являются жертвой храмоздателей, любителей итальянской живописи...». Как это все выглядело, вообразить сейчас трудно.

А вот архитектору А.И. Варюхину по сохранившимся фотографиям удалось восстановить облик храма в близком к первоначально-

Храм в Ишеевке.
Фотография 1910-х гг.

му виде. Такая реконструкция позволяет не только представить в общих чертах, какой была когда-то эта церковь, но и оценить в полной мере красоту архитектуры навсегда утраченного памятника.

Таким был храм в Ишеевке. Графическая реконструкция архитектора А.И. Варюхина, 2004 г.

Я летать не перестану...

Объявленный редакцией молодежный литературный конкурс набирает силу. Пришло уже немало творческих работ, большую часть которых составляют лирические стихотворения. Мы решили познакомить читателей с некоторыми из них и напомнить о возможности участия молодых талантов в литературном конкурсе, который продлится до 1 ноября 2005 года.

Дарья Забалуева

Осень

Опущен занавес. Над нашей головой
Нависли фиолетовые тучи.
У этой пьесы лишь конец плохой,
Да просто не придумали получше!
Зал опустел, актеры разошлись,
Но я брожу среди немого света,
А листья падают, они уже сдались
И отпустили солнечное лето...
Теперь осталась только тишина
Со мной бродить по уголкам театра.
Вдруг кажется, что не придет весна,
Что лето улетело безвозвратно.
Заплачет небо проливным дождем,
И поцелуй холодного заката
Оставит осень на лице моем
В пустых проходах летнего театра,
Где я молюсь оконному лучу.
Свет тусклой лампы,
словно солнца крошка.
Вы не подумайте — я не грущу,
Так, просто лето вспомнилось
немножко.

На берегу

Волна упорно точит камни,
Гуляет ветер на просторе.
Свободным ветром тоже стать бы
И улететь с волной за море.
Встречать закаты и рассветы,
С луной рассеянной играя.
Но небеса распорядились:
Мечта останется мечтою...
А звезды дружно серебрились,
Умывшись утренней росой.
Я знаю: ненадолго это,
Тоску глухую сменит радость.
Дожди пройдут, к душе поэта
Вернется вновь мечтаний сладость.
Ну, а пока я каждый вечер
На берег буду возвращаться.
И снова буду слушать ветер,
Писать и морем любоваться.

Евгения Добровольская

Я летать не перестану,
Даже если крылья срежут,
Даже если соль на рану...
А взлетать я буду реже.
На ступеньку выше чаек
И не выше Эвереста.
Возвращаясь в окна часто,
Я смущаюсь, как невеста,
Если видит меня ночью

Тот, кто видеть разучился.
Для него я просто точка,
А поступок мой — приснился.

Игорь Щеулов

Приходящим в слезах

Приходящим в слезах,
уходящим в слезы —
Света и тьмы персональные дозы,
Мертвое эхо квадратных метров.
Вечная память чужих секретов...

Приходящим в слезах,
уходящим в слезы —
Море цветов и обманов россыпь,
Стая камней у толпы разъяренной,
Горечь упрека и шепот влюбленный...

Приходящим в слезах,
уходящим в слезы —
Тяжело забывать,
умирать слишком просто, —
Хоры теней и печалей закатных
Не возвратят невозвратных...

Приходящим в слезах,
уходящим в слезы —
Огни фейерверков, холодный воздух,
Костров голубых ледяное сияние,
Прощение и прощание.

Не буди меня, сердце глупое.
Не ищи меня, счастье нервное.
Не стучись в мои двери сутками
Время быстрое, время верное.
Позабудьте про крик пронзительный,
Потеряйте меня, мира ясли,
Уроните в снег метким выстрелом —
В небе алом простыть оставьте.
Не достанут меня сожаления.
Не настигнут погони с топотом.
И не нужно уже утешения
Тем, кто слился с небесным холодом.
Упаду в зеркала небесные.
Стану чистым и легким облаком.
Пролечу над земными мессами —
Проплыву беззаботно над окнами.

Ирина Егорова

Его рука писала счастье
На белых сахарных страницах.
Штрих нежности и каплю страсти
Кидала кисть на чьи-то лица.
Его рука писала горе,

Врагов заклятых наказуя,
И плакал холст. С сердечной болью
Стекали грязной краски струи.
Кисть по мольберту
вновь взметнулась —
Любовь соединила души...
И жизнь на том холсте проснулась,
Расчет и замысел нарушив.

Максим Пудов

Как одиночеством, снегами
Укрыт я на краю земли.
Жду, поучаемый веками:
«Лишь гласу вьюги ты внемли.

Смотри, поэмка замечает
Следы любые. И твои
Исчезнут. Ангел пролетает
На крыльях сломанных своих.

Упал полярною совою
К ногам охотницы-зимы.
Ей с бесконечною мольбою
Напрасно дарим слезы мы.

Она уступит ненадолго —
На тот короткий жаркий миг,
Пока, покорный чувству долга,
К ней не подполз еще ледник

Холодным языком прилива
Молчанья. Время уступать
Зиме. Движением ленивым
Она приказывает спать».

Евгения Тоскина

Нить березового кружева
На ветру шумит сконфуженно,
А душа насквозь простужена
Без домашнего тепла.

Растерялись мысли-помыслы,
Разметались жизни полосы,
Заплести бы в косы волосы,
Да сберечь их не смогла.

Рассыпался дождик бисером,
Вот бы небо краской высинить,
От осенней сонной выси мне
Отыскать дорогу в мир

И спасти бы то немногое,
Что стихи хранят кленовые, —
Да не сшить приюта нового,
Не заштопав старых дыр.

В семье ульяновского школьника Михаила Новикова свои реликвии, своя память, свой герой – Владимир Сидоров. Мишки прадедушка, связист 213-го полка, сражался за Родину с первого и до последнего дня войны. Его боевые награды, письма с фронта, именные часы, подаренные на производстве, бережно хранятся в их семье. И пусть Владимира Сидорова уже давно нет в живых, но память о нем, как огонек, никогда не погаснет в сердцах его близких.

Мое письмо прадедушке

Здравствуй, мой дорогой прадедушка! Это письмо я пишу в канун светлого праздника – 9 мая! Как жаль, что тебя нет с нами в этот день, ведь для тебя он был особенным.

В моей памяти бережно хранятся те вечера, когда ты, усаживая меня к себе на колени, долго и неторопливо рассказывал о войне, о боевых заданиях, о фронтовиках. В такие минуты я словно бы сам шел фронтовыми дорогами, километр за километром, сам слышал свист пуль и грохот разрывов, сам видел лица всех твоих товарищей. Мне было понятно, что перенесли вы в тяжелейшие годы, что выстрадали, не дрогнув в самые страшные дни.

Наиболее ярко запомнилось мне одно из первых твоих боевых заданий. Тебе всего двадцать лет и за плечами год войны. Самый трудный, самый долгий.

Май тысяча девятьсот сорок второго года. Продвигаясь с боями в восточном направлении, твой полк попал в окружение. Необходимо было вырваться из кольца врага. Решили, что с тобой пойдут десять разведчиков, чтобы снять боевое охранение немцев. Твои солдаты внезапно открыли огонь – враги повалились на землю, не успев сделать ответных выстрелов. Двоих отставших немцев ты с полковым разведчиком взял в плен. А вместе с ними попала к бойцам карта местности, где указывалось расположение немцев. За уничтожение вражеской разведки без потерь с нашей стороны тебя повысили в звании и наградили медалью «За Отвагу».

Да, нелегко тебе было рассказывать о войне. Видно, болели фронтовые раны, болело сердце за тех, кого похоронил на боевом поле.

Ты закрываешь глаза и молчишь. Я не нарушаю тишину, переосмысливаю сказанное, а ты будто вновь видишь ясный бой.

Весна тысяча девятьсот сорок четвертого года.

Нет, она запомнилась тебе не толь-

ко короткой передышкой между боями, не только добродушными шутками друзей и горячими молодыми стихами, запомнилась она еще и сражениями – тяжелыми, упорными, злыми.

...Необходимо было на рассвете незаметно для немцев переправиться на другой берег.

В числе пятерых смельчаков был и ты. Наугад пробираясь через лес, вы вдруг услышали непонятный шум. Подошли ближе – немецкая кухня, повар готовит завтрак. Осторожно подкравшись с тыла, вы увидели пулеметчика и палатки. Сидевший на дереве немец крикнул: «Хальт!». Один из бойцов выстрелил, остальные забросали палатки гранатами, а ты бросился к дереву, с которого, зажав раненую руку, пытался слезть немец. Схватив его под мышку, понес к реке. Задание было выполнено. На твоей груди снова зазял орден Красной Звезды.

...Но вдруг твое лицо засветится радостью, ты смахнешь украдкой слезу, улыбнешься, разглаживая морщины, и твой голос зазвонит тверже стали. Я уже знаю, ты будешь рассказывать о победе. О той самой, что «попыхнув в полнеба багровым пламенем» 9 мая тысяча девятьсот сорок четвертого года в Крыму, уже не меркла ни на один час вплоть до 9 мая тысяча девятьсот сорок пятого года. Ты крепко обнимешь меня, словно своего боевого товарища. Вот он, долгожданный миг. Все позади, все в прошлом. Наши сердца ликуют и бьются в унисон. Меня переполняет гордость за тебя.

Сегодня, вспоминая все это, я говорю тебе спасибо. Спасибо, что оставил в моей памяти свои рассказы, которые я никогда не забуду, спасибо за то, что на примерах показывал, учил, как надо выполнять свой воинский долг. Я обещаю быть похожим на тебя. И в это яркое время перестройки, раздвигая молодыми плечами ветер, буду дерзать, строить новую жизнь и защищать Родину.

Михаил Новиков

На перекрестке культур, религий и цивилизаций

Наши добрые соседи – город Тетюши – были выбраны Организацией Объединенных Наций для проведения гуманитарного форума «Тетюшская земля – территория мира, согласия и созидательного труда», состоявшегося 26 марта 2005 года.

Почему именно Тетюши? На открытии форума ректор Института культуры мира, академик Энгель Ризакович Тагиров сказал: «Форум на тетюшской земле означает включение района в общемировой процесс диалога народов, культуры и цивилизаций; возрождение прогрессивных исторических традиций совместного проживания и созидательного труда народов, принадлежащих к разной этнической, культурной, религиозной общности и формирование на этой основе тетюшской модели обеспечения устойчивости социально-экономического развития, межнационального и конфессионального согласия, патриотизма и гордости за родной край».

Реализация Программы ЮНЕСКО «На пути к культуре мира» в Татарстане создала благоприятную почву для прорастания на ней множества добрых всходов. Это и создание первого в мире Института культуры мира, и введение Казанского кремля во Всемирный список объектов культуры, охраняемых ЮНЕСКО, и подготовка историко-культурных объектов Свияжска и Болгар к введению во Всемирный список культурного наследия человечества, и множество других созидательных решений.

«Культура мира – это идеология развития человечества в XXI веке. К сожалению, это еще не все понимают. Но время работает на утверждение идеи мира, а Программа культуры мира – на нас», – таково кредо мудрого политика – Минтимера Шаймиева.

На этом престижном форуме выступили и представители земли Ульяновской: уроженец Карсунского района академик Николай Васильевич Нарышкин и глава Сурского района Валерий Григорьевич Костоломов. А ректор Института культуры мира, академик Э. Р. Тагиров вручил диплом Международной гуманитарной академии «Европа-Азия» редакции журнала «Мономах» «за активную творческую деятельность по утверждению общечеловеческих ценностей, демократии, гражданского и социального мира, толерантности и межконфессионального согласия».

30 мая 2005 года исполняется 75 лет большому другу нашего города и журнала «Мономах», народному художнику России, члену-корреспонденту Академии художеств России **Анатолию Ивановичу Зыкову**.
От всей души поздравляем Анатолия Ивановича с юбилеем, желаем здоровья и дальнейших творческих успехов.

(выходит четыре раза в год)

Главный редактор

О.Г. Шейпак

Зам. главного редактора

С.С. Юрьев

Редакционная коллегия:

Л.С. Янушевская

(выпускающий редактор)

О.В. Иваненкова

(художественный редактор)

В.М. Гаврилов

Н.Ю. Рачкова

И.И. Буганина

Редакционный совет:

В.Н. Егоров

(председатель)

Р.Г. Азбукин

О.Е. Бородина

Т.Ф. Верещагина

А.Ф. Гарина

Т.А. Громова

А.В. Зинин

Е.В. Кувшинникова

Л.Н. Нецветаев

С.Б. Петров

А.П. Рассадин

Е.Н. Сергеева

А.С. Сытин

Учредители:

Администрация Ульяновской области,

ОГУ "Редакция "Народная газета"

Адрес редакции: 432011, Ульяновск,

а/я 9826 (пл. 100-летия В.И. Ленина, 1,

Мемцентр).

Тел: 44-19-31.

Наш сайт в Интернете:

www.monomah.sis.net.ru

Издание зарегистрировано

Поволжским межрегиональным

территориальным управлением

(г. Самара) 06.06.02, рег. ПИ №7-1393.

Подписано в печать 08.04.05 г.

Формат 60x84 1/8;

усл. печатных листов 7, 44

Тираж 2000 экз.

Заказ № 1136

Набор и верстка заказчика.

Вывод цветных фотоформ

ОГУ "Печатный двор".

Отпечатано в соответствии с

предоставленными диапозитивами.

Областная типография

"Печатный двор",

ул. Пушкирева, 27.

На обложке - скульптурная группа "Знаменосцы", фрагмент памятника воинам ВОВ в

с. Шиковка Палдовского района Ульяновской

области, автор В.Н. Зинин. 1968-1971 гг.

Стр. 1 - Площадь 30-летия Победы,

фото А.С. Сытина

Стр. 64 - фото А.С. Сытина

4 стр. обложки - фото С. Тютнева

В номере:

Тыл и фронт

В. Лосева, Ю. Ефимов. Ульяновск в годы Великой
Отечественной войны 2

В. Радаев. Четыре патрона 15

Е. Головина. Машина на все времена 24

Герои УАЗа 25

Володарка 30

О. Тибирькова. Старейший токарь России 31

Солдаты Победы

А. Шабалкин. Документы и судьбы 6

Л. Нецветаев. Братья-воины 8

В. Силантьев.

Павел Журавлев: от нелегала до генерала 10

С. Юрьев. Миг между прошлым и будущим 21

Н. Марянин. Художник Великой Победы 28

Г. Величина. Большой Человек 38

Я - очевидец

И. Обмелюхин. Боль утрат, триумф победы 17

Н. Никитина. Курносые - значит задиристые ... 20

К. Никифорова. Блокадный дневник 22

В. Киселев. Фронтвые заметки художника 33

Мозаика войны 46

Т. Майская. Детство под прицелом 50

Долг памяти

Н. Ардакова.

Никто не забыт - ничто не забыто 36

О. Иваненкова. Сохранить связь поколений 37

О. Шейпак. Семь футов под килем 40

М. Телегин. Мореходы 42

Б. Шеляков. Письма с фронта 48

Л. Австанчикова. Штрихи к портрету 53

Мариинке - 185 лет! 57

Литературный ковчег

М. Пупышев. У переднего края 12

Г. Медведовский. Курская дуга 26

В. Коробков. Подвиг 27

Б. Петров. Случай в Заполярье 43

Л. Толкишевская. Сценарист по имени Жизнь ... 54

Страницы поэзии 39

Долгожданный мир

М. Казанцева. Автографы Победы 44

Г. Андреева. Послевоенный карнавал 45

Прекрасное - рядом

А. Сытин. Прошлое, которое мы теряем 60

Эхо эпохи барокко... 61

Наш конкурс

Я летать не перестану 62

М. Новиков. Письмо прадедушке 63

Подписной индекс 73844

Подписаться на журнал "Мономах"
можно в любом отделении связи

Наши покровители:

